

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παραλιπομένων

Михаил Цетлин
(Амари)

Цельное чувство

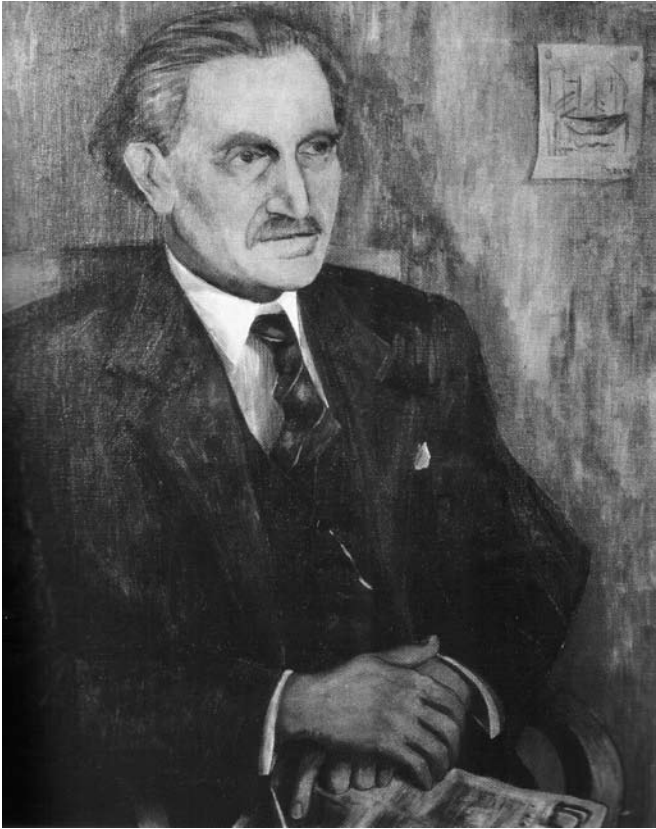
СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παραλιπομένων —

Μιχαήλ Ζετλίν
(Αμαρι)

Михаил Цетлин
(Амару)

Цельное чувство

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Водолей
Москва
2011

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста, послесловие и комментарии
В. Хазана

ISBN 978–5–91763–066–3

© В. Хазан, составление, послесловие, комментарии, 2011
© М. и Л. Орлушины, оформление, 2011
© Издательство Водолей, 2011

СТИХОТВОРЕНИЯ

1906

К СОЛНЦУ СВОБОДЫ

В страстном порыве руки простерла
Родина к небу – горит ее взгляд.
Пушек наведены мрачные жерла
С окриком грозным: «назад!»
Слышите гимна вы мощные звуки?
Солнце вы видите ль в прядях волос?
К счастью ведет ее, к счастью сквозь муки
Бог-Гелиос!

Он в золотой из лучей багрянице,
Мерно по небу свершая свой путь,
Вздумал, бессмертный, сойти с колесницы
В сердце ее заглянуть.
Видно, угодно судьбе было мудрой,
Чтобы он новое сердце зажег,
Чтоб целовал ее златокудрый
Юноша-Бог.

Вот почему льется алой рекою,
Жертвенно-чистой, сынов ее кровь:
Сердце им жжет лучезарной тоскою
К солнцу, к солнцу любовь!
К смерти бесстрашно идут их когорты,
Блещут на солнце ярко мечи,
Очи горят, руки к небу простерты,
В сердце – солнца лучи!
Юные очи оно ослепляет,
Всю заливает небесную твердь.
Жгучую жажду их уст утоляет
Только смерть!

В ПАРИЖЕ

Весенним солнцем ярко залитой,
Движенья, мощи шума, блеска полный,
Нарядною сверкая красотой,
Катил Париж людские толпы-волны –
И трепетал, и искрился, и жил,
И я его дыханье сторожил,
И радостно, и с светлым восхищеньем
Весь отдавался первым впечатленьям.

Казалось мне, кругом, над головой
Здесь реют тени мертвецов Коммуны,
И дышат кровью камни мостовой,
И глубоко волнует сердца струны
Июльских память и февральских дней;
И память той грозы, еще грозней,
Когда чело властителя народа
Поцеловала в первый раз Свобода.

Величьем поражающий народ!
Величьем вдохновенья и порыва!
Тебя всегда история зовет
Для первого удара и для взрыва.
Ты часто рабски гнет переносил,
Но вдруг вставал, весь в блеске юных сил,
И искра гнева, вспыхнувши во взорах,
Как будто скрытый зажигала порох.

И ты бросал потоки гневных масс
Из темных, грязных улиц Антуана,
Как волны в грозный наводненья час,
Как лаву вновь гремящего вулкана.
Ты разрушал чертоги короля,
Ты умирал, пощады не моля,
И на призыв Камилла Демулена,
Шел узников освобождать из плена.

И думал я: когда же, о, когда
И камня не останется на камне
От серого проклятого гнезда
Бастилии родной? Как дорога мне,
Как мне свята мечта о светлом дне,
Когда в могильной страшной тишине
Раздастся крик свободного народа:
«Для узников измученных – свобода!»

О, знаю я, что мой народ – не раб,
Он борется, он ищет прав свободных.
Недаром же испуганный сатрап
Дрожал от криков грозных всенародных
В дотоле верной, преданной Москве.
И крик тот отозвался на Неве
И прокатился мощно по России,
Как первый всплеск взволнованной стихии.

Средь чуждого народа здесь, вдали,
Моя душа всю веру сохранила
В народ другой, народ родной земли.
Таится в нем неведомая сила
Для лучших, светлых будущего дней:
Он чувствует и глубже, и сильнее;
Он светится любовными лучами;
Хоть и трудней зажечь в нем гнева пламя, –

Но день пришел, и вспыхнуло оно
И в каждом ярко загорелось взоре.
Да, моему народу суждено
До дна испить всю чашу бед и горя;
Но все-таки светла его судьба,
Быть может, закалит его борьба
И сделает могучим исполином
И вознесет к сияющим вершинам,

И над его победной головой
События пройдут волшебным роем,
И новой, светлой драмы мировой
Вершителем он станет и героем.
Кипит в нем сил неиссякаемый родник,
И этих толп людских мятежный крик,
И грозный, и властительно суровый, –
Лишь эхо жизни будущей и новой.

* * *

Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!
Наложить на всю жизнь нашей мысли печать,
Чтобы в наших руках и заздравный бокал,
И могучий топор разрушенья сверкал!
Чтобы гниль мы рубили до корня с плеча,
Чтоб бурлила в нас кровь, как руда, горяча!

Эй, товарищ! такой же, как я, дровосек, –
Что за дело, что будет недолог наш век!
Может быть, нас задавит подрубленный дуб,
Черный ворон, взлетевший злорадно на труп,
Каркнет злобно... Ну, что ж, наша смерть – не беда:
Сколько воронов злобных лишилось гнезда!!

MORITURI

I

Вы не хотели пить по капле
Мятежной юности вино:
Кто медлит, тот душой не слаб ли?
И все равно, так близко дно!

И свой напиток драгоценный
Сгустили вы в один бокал,
Чтоб он в короне алой пены
Как зачарованный сверкал.

«Пусть нас не минет наша чаша,
И не горька она для нас!»
Такой была молитва ваша
В ваш страшный час, боренья час.

И вы бестрепетно коснулись
Устами жадными краев,
И вы концу не ужаснулись,
Пошли на тайный властный зов.

И стали светлы миги ваши,
И светел каждый беглый час.
И небо чище, розы краше,
Светлей улыбка женских глаз.

Привет тому, кто бурной влагой
До края налитый бокал,
Исполнен бешеной отвагой,
Безумно щедро расплескал!

Привет тому, кто не по капле
Пьет быстрой юности вино!
Кто бережет, душой не слаб ли?
И все равно, так близко дно!

II

О, нежная, белая лилия,
В алеющих крапинках ты.
Так алые губы насилия
Касаются душ чистоты.

Есть души белее, чем лилия,
Из Света, Мечты и Любви,
И все же их нежные крылья
Влачатся в пыли и в крови.

Мне жаль вас, о, души лучистые!
Как русская жизнь жестока!
Кровь брызжет на самые чистые,
Мрачит белоснежность цветка.

III

Б-у

Мне казалось порой, что задумчиво кроткий
С нежным, женственно нежным лицом,
Окаймленным чуть видною, мягкой бородкой,
Ты совсем не рожден быть бойцом.

И когда бы не виделась гордая складка
В этих сжатых губах мне подчас,
И мятежный огонь не мерцал бы украдкой
За фатой серодымчатых глаз, –

Я бы горько жалел, что овеван ты светом
Умирающей, ранней зари,
Что неведомый голос с нездешним приветом
Говорил тебе в сердце «умри».

Я бы горько жалел, что не повестью бледной,
О, мой юноша с тихим лицом,
А была тебе жизнь эпопеей победной
С гармонически грозным концом!

IV

Раздался выстрел! Словно грянул гром
Над палачом грозы последней!

И умер он, как жил, тираном и рабом,
Пред совестью своей и пред людьми лжецом,
И умер он, как жил, – в передней.

И наш герой погиб: бездушен произвол,
Крепка твердыня зла и гнета!
Рой нерасцветших дней и грез с собой увел,
Но смертью он к бессмертью перешел
По траурным ступеням эшафота!

3 апреля 1902 г.

V ОРЕЛ В ПЛЕНУ

Поймали, поймали! попалась добыча!
Смеются враги над орлом.
При звуках победного, дивного клича
Он машет разбитым крылом.

Поймали, поймали! борьба бесполезна –
Напрасно он гневно клюет
Тяжелые прутья решетки железной
И грудь с размаху в них бьет.

Напрасны усилия – поломаны крылья!
Смеются враги над орлом.
И грустно, в сознании немом бессилья,
Глазами он водит кругом.

.....

Поймали, поймали! товарищ погибший,
Наш гордый, наш вольный орел!
Ты жизнь и свободу так страстно любивший –
Навек ты из жизни ушел.

Ты сам себя отдал на жертву народу,
Ты знал, что судьба тебя ждет.

Ты знал, что тебе из тюрьмы на свободу
Один только путь – эшафот.

Исполнены гневных, бессильных проклятий –
Чего бы не отдали мы,
Чтоб вырвать тебя из смертельных объятий
Твоей одичалой тюрьмы...

Но поздно. Уж скоро змеєю жестокой
Совьется вокруг шеи – петля.
Так пусть за тюремной оградой высокой
Легка тебе будет земля!

Ты там отдохнешь от великой безбрежной
Печали родимой страны.
Пусть снятся ж душе истомлено-мятежной
Одни безмятежные сны.

Ей долго звучали свободы напевы,
Она была страсти полна,
Любви, и печали, и бури, и гнева! –
Придет тишина... тишина...

Май 1903 г.

VI ПАМЯТИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

Живите и торжествуйте! –
Мы торжествуем и умираем.
Из завещания Баранникова

Все, все они умерли!

Они были такие же, как мы,
Только выше и чище душою,
И все они умерли...

Никогда,
Никогда в истории человечества
Не было такой героической,
Такой титанической борьбы!
Эта кучка юношей и девушек
Думала дать счастье
Целому Великому народу!
И все они умерли...

Свет, который манил их,
Был не брезжащей утренней зарей,
А холодным светом северного сияния.
И холод смерти окутал их,
И мрак вечной ночи
Закрыв их очи навеки.

Хорошо, что они умерли!

Смерть-избавительница
Закрывала глаза, сиявшие светом надежды,
И целовала уста, шептавшие слова привета,
И останавливала радостный стук сердца.
И когда приходили тюремщики
В камеру скончавшегося узника,
И когда палачи снимали с петли свои жертвы,
Они удивлялись
Спокойной ясности чела
И радостной улыбке на устах.
Хорошо, что они умерли, –
Умерли, торжествуя!

Они спят в сырой земле.
Но земля,
Политая их кровью, засеянная их костями,
Дала пышные всходы
Борьбы, героизма и мужества.
Сколько лет лежал под землю посев!

Как страдали бы они в эти долгие годы!
Хорошо, что они умерли!..

АИСТ
(С ВЕНГЕРСКОГО)

Уж повеяло ранней весною
И фиалки в лесах расцвели.
Высоко, высоко над землею
Из далекой полдневной земли
В край родимый летят журавли.
Вот еще перелетные птицы,
И еще, и еще вереницы.
С светлой радостью каждый я год
Их встречаю обратный прилет.

Каждый год, лишь сугробы растают
И на реках лишь тронется лед,
Стаи целые птиц направляют
К нам на север свой быстрый полет.
Что их гонит и что их здесь ждет?
Или, может быть, страстно, глубоко
Они любят отчизны далекой
Пусты дикие так же, как я?
Дорога им отчизна моя?

Каждый год тот же аист на крышу
Вновь садится. Я вижу, как лист
Иль солому он носит, но слышу
Только крыльев размашистых свист,
Редко голос – он мало речист.
Милой крикнет любовно, игриво
И потом уж стоит молчаливо
На одной лишь ноге, на трубе,
Горд, спокоен, уверен в себе.

И когда для далекого юга
В том году он наш край покидал,
Я, как старого, милого друга,
С нежным смехом его провожал:
Смех мой светлой надеждой звучал.
Говорил я: для родины бедной
Час настал, час великий, победный,
И когда ты вернешься назад,
Ты свободе, как я, будешь рад.

Вновь цветы на полях распустились,
Реки тронулись, к крыше моей
Перелетные птицы спустились.
Аист милый, лети поскорей
Ты в тот край, где теперь веселей.
Ведь поля эти – гробы да гробы
Павших жертвою вражеской злобы,
А в реках не вода – это кровь
Тех, кто жизнь погубил за любовь.

За любовь к своей родине бедной.
Ведь на этих полях сражены
Под рукою чужою победной
И ее уж не встанут сыны.
Ты счастливцев, ты две стороны
Называешь родной стороною.
Улетай! Я же страстной душою,
Я одну лишь люблю, да и та,
Видно, Богом самим проклята!

Нет уж мест по галерам, темницам,
И венгерцев теперь из темниц
Выпускают и шлют их к границам,
И на землю у этих границ
Упадают изгнанники ниц.
На пути ты их, может быть, встретишь,
Ты узнаешь их, ты их заметишь

По печали их сумрачных лиц
И по взорам тоски без границ.

И расскажешь ты им, как от гнева
Мы сжимаем в тоске кулаки,
Как идут в монастырь наши девы
И как рады у нас старики,
Что года их кончины близки.
И как матери слышатся стоны,
Как рыдают в отчаяньи жены
И боятся рожденья детей,
Обреченных рукам палачей!

Об одном лишь молчи, ради Бога!
Что забывших про долг и про честь
Беглецов и предателей много
У несчастной их родины есть;
Что трусов малодушных не счесть;
Но что больше всего равнодушных,
Беззаботно насилью послушных:
Про позор их родной стороны
Пусть не знают несчастья сыны!

СТРАХ

В его домах, в его дворцах
Насилью весело живется –
И лишь никем не зримый страх
В его покои проберется.

Он не стучится у ворот,
Сквозь стены толстые проникнет,
И часового «кто идет?»
Его тревожно не окликнет.

Он заползет змеей в сердца,
Ему глумиться не наскучит,
И тихой мукой без конца
Он до конца трусов измучит.

При виде бледного чела
Зальется он злорадным смехом,
И нет предела, нет числа
Его забавам и потехам.

А, негодяи, вот оно,
Безгласных жертв немое мщенье!
Над тем, что вами свершено,
Не покаянье, но смущенье.

Нет, слишком милосердна месть,
Великодушна, быстротечна:
Она спешит вам смерть принести –
Смерть коротка, забвенье вечно.

Иди ж вперед, могучий Страх,
Неси им долгое мученье!
Живи в дворцах, цари в сердцах,
А за тобой – придет и мщенье!

* * *

Проклятие вам, наступившим на грудь
России железной пятою!
Вы ей не давали свободно вздохнуть
Измученной грудью больною;
Сыновнею ей нанесли вы рукой
Кровавые раны и грубо,
И нагло смеялись над скорбной мольбой,
Кривившею бледные губы!

Бесстыдной рукой вы с нее совлекли
Живые ее одеянья.
И скуден убор истощенной земли –
Зеленые, желтые ткани.
Поругана нежных нарядов краса!
Для вашей безмерной наживы
Уж срублены сталью бездушной леса
И выжжены желтые нивы.

Дурманом вы долго поили ее,
Чтоб сгнула гордая сила,
Чтоб родина рабское иго свое
С покорностью рабской сносила.
Вы грязною тряпкой заткнули ей рот,
Чтоб всюду царило молчанье,
Чтоб не были первым ответом на гнет
Ни стон, ни мольба, ни роптанье.

И тихо лежала немая страна,
Лежала, как труп, без движенья.
И боли застыло средь мертвого сна
На бледном челе выраженье.
Казалось, развязка близка уж была
И был уж конец неминуем –
Вдруг Гений Свободы, коснувшись чела,
Ее оживил поцелуем.

И вот засияли, открывшись, глаза
Сиянием трепетным гнева,
И в сердце ее зашумела гроза
И громов свободы напевы.
Им звон разбиваемых вторит оков,
И дрогнула подлая свора
От первых свободою дышащих слов,
От первого грозного взора!..

БОРЦУ-РАБОЧЕМУ

Ты, грозной мести Бог, библейский Бог!
Тебя отверг я в гордом самомнении.
Не то теперь: теперь я изнемог
От рабских слез, в бессильной жажде мщенья,
И я теперь опять перед тобой
Готов смиренно преклониться,
Готов просить тебя, готов молиться
С такой же детской мольбой.

Дрожал я в детстве, слушая, как ты
Там, в книге древней и могучей,
В сиянии праведной и грозной красоты
Грозами говорил из тучи.
Ты нечестивцев поражал
Стрелами молний с небосвода.
О, как ты гнал, как унижал
Врагов избранника-народа!

И если ты не сон, не лживый детский сон,
Зачем народ, народ-избранник,
Так бесконечно унижен –
Он, жалкий нищий, вечный странник?
И доля злобного гоненья
В удел страдальцу суждена,
И пьет он чашу униженья,
И далеко еще до дна!

Когда же больше он терпеть не может,
Его раздавят грязным сапогом
И надругаются над связанным врагом,
И опозорят, уничтожат...

И под солдатскими ногами –
Бездомный гость чужой земли –

Он задыхается в пыли,
Смоченной жгучими слезами,
И солнце полуденным зноем
Его безжалостно палит.
И, кажется, лишь смерть своим немым покоем
Его страданья утолит...

Но нет, он жив, он жив, народ гонимый!
В его рядах борцы-герои есть,
И в их сердцах, как и они, незримо
Жива отмстительница-честь.
За кровь униженного брата,
За все мученья, весь позор
У палача потребовал расплаты
Герой-рабочий. Грозный приговор
Над ним свершен, но если на отчизне
Не все погибнет в тягостной борьбе,
Она, воскреснув к новой светлой жизни,
Не позабудет о тебе.
Да, умер ты, но вновь я полон веры,
Что весь народ несчастный не умрет,
Он, презираемый, униженный без меры
И героический народ!
Товарищ светлый, песнею прощальной
Почтим мы все страдания твои,
Последней песней, скорбной и печальной,
Последней песней радостной любви!

П.С. ПОЛИВАНОВУ

И жизнь кипит, и солнце светит...
Страдалец узник воли ждет,
Но вместе с волей смерть придет,
Его у двери к воле встретит.

А жизнь кипит, а солнце светит...
Не изменилось ничего.
Жестокой смерти торжество
Толпа людей едва заметит.

Зачем, зачем?... о, кто ответит!
К чему он жил, чего он ждал,
Зачем он столько лет страдал?
А жизнь кипит, а солнце светит!..

СМЕРТЬ НЕВЕСТЫ **(Из прошлого)**

Не на брачном пиру, а в гробу на яру
Лежишь в подвенечном ты платье,
И огромный сугроб, как жених, взял твой гроб
В свои ледяные объятия.

Разрешенья печать, словно нежная мать,
Тебя уж коснулась неслышно,
И как гость роковой, лишь червяк гробовой
Пирует на свадьбе той пышной...

...Над тобой наверху, над тобой наверху
Целуется солнце с землею.
И мороз-чародей обнимает людей,
Целует с улыбкою злою.

И рокочет тайга, и белеют снега,
Целуются сосен вершины.
Буйный ветер степной гнет могучей рукой,
Гнет долу дубы-исполины...

...А в туманной дали, а в туманной дали
Там серого камня громады,

Там сжимают людей кольца ржавых цепей,
Объятья высокой ограды.

Там сквозь окна порой, хоть корой ледяной
Покрыты они и решеткой,
Видно цепи кольцо, иль мужское лицо,
Лик женщины нежной и кроткой.

И глядят они в даль, чтоб рассеять печать,
На крест, на яру одинокий,
На ряды снежных гор, им закрывших простор,
Путь в край дорогой и далекий.

И порой на глаза набегают слеза,
Рисует слеза жгучей муки
На окне кружевной узор ледяной
Иль греет холодные руки.

Это плачут они, что так хмуры их дни,
От каменных страшных объятий
Стынет, стынет их кровь и бледнеет любовь,
И нет даже страстных проклятий...

НА СМЕРТЬ ГРАЖДАНИНА

Кто знал, что смерть уж, притаившись, ждет?
Не в старости под бременем страданий, –
Теперь, в расцвете сил и упований,
Его чуть слышно за руку возьмет,
Стан нежно обоймет и уведет?..

Прекрасна смерть солдата на войне,
Есть смерть еще славнее и ужасней,
Но ничего нет выше и прекрасней,
Чем так сгореть на внутреннем огне
И гнева, и любви к родной стране.

Нет, не коварный враг его убил,
Не под чужою он погиб рукою, –
Но он с такой безумною тоскою
Измученную родину любил,
Что сам себя сознательно губил.

О, не щадишь большого сердца ты!
И сердце билось скорбью и любовью,
И истекало, исходило кровью,
И порвалось... Как много красоты
В твоей кончине, полной простоты!

За другом и защитником своим
Шли гвардии свободной батальоны.
Студенчество различные знамена
Все, как одно, склонило перед ним,
И мы благоговейно преклоним

Знамена перед памятью того,
Кто по идеям был нам *иноверцем*,
Пред этим мук не выдержавшим сердцем!
Придем на грустной смерти торжество
И скажем палачам: «Не все мертво!»

Вы рады, что один погиб, ну что ж!
Нас тысячи, и нет нам равной силы!
Недаром же у дорогой могилы
Живым венком стояла молодежь, –
И в этих сотнях тысяч – ты живешь!

МИР

Окончено страшное дело войны.
Над родиной веет минутной отрадой...
Лишь в братских могилах далекой страны
Спят мертвые – хмуры, недвижны, не рады...

Окончено страшное дело войны,
И утро разбило полночные чары,
Какие кровавые снились нам сны,
Какие виденья, какие кошмары!

Газеты болтливо приветствуют мир,
Взаимным обманом горды дипломаты,
Спешит на «подъеме» нажиться банкир
И плачут от счастья солдаты!

И солнце сияет как будто светлей,
И ярче, о ярче, чем солнца сиянье,
Сиянье бесчисленных глаз матерей...
Грохочут вагоны, поют при свиданье.

Окончено страшное дело войны...
О, Боже, кому это было все надо?!
А мертвые видят угрюмые сны,
Безмолвны, недвижны, не рады...

Август 1905 г.

ЯМБЫ

(Посв. Тр...)

...Он вырос в той семье, где злобный производ,
Борясь с растущей силой вражьей,
Одну из злых собак себе уж раз нашел
Из псов цепных на гнусной страже.

Он вырос в той семье, где совесть – звук пустой,
Где вместо чести – дисциплина,
Где признают один закон, закон святой:
Кулак и волю господина.

Он вырос в той среде, где презирают труд,
Где люди дики, нравы грубы,
Где взятка – институт, где взятками живут,
Девиз и лозунг: «в морду, в зубы».

Он вырос в той среде, где знают слово честь
Лишь в сочетаньи: «честью просят» –
И где считается бесчестным не донести,
И где по долгу все доносят.

Охота за людьми их развращает всех,
И пусть те люди только воры,
Но все ж их ремесло, пред вечной Правдой грех:
Быть у богатой – гончей сворой...

.....

...И рано дух семьи уж научил его
Народ глубоко ненавидеть,
Глубоко презирать, и более всего
В нем средство к личным целям видеть.

Ведь в доме у отца застенки, может быть,
С невинной детскою был рядом,
И душу детскую порок уж стал губить
Своим чуть видным, тонким ядом.

Быть может, близ нее ужасный не смолкал
Крик от жестоких избиений,
И рано детский глаз к картинам привыкал
Нечеловеческих мучений...

.....

...Фортуна в первый раз явилась ему –
Она играть ведь любит в жмурки –
Не удивитесь вы, наверно, ничему:
Под звуки легкие мазурки.

Под топот каблуков и под бряцанье шпор
Она его поцеловала
И под незначащий и скучный разговор
Ему о будущем шептала.

И стала жизнь его напоминать с тех пор
Мазурки танец легкий, бурный,
И стала, как и он, полна бряцанья шпор,
Такой же светлой и бравурной.

И если наступал средь вихря танца он
Ногой окованной солдата
На веру, на права, на совесть, на закон,
На все, что дорого и свято, –

Так что ему закон и что ему народ,
Людская кровь, людское счастье, –
Когда его девиз: туда, наверх, вперед!
Погоня жадная за властью.

И он взлетел почти на министерский стул
На невзорвавшемся снаряде...
Быть может, он влиял, как злобный тарантул,
Жестокой силою во взгляде,

Иль ограниченной тупою прямоюй,
Самоуверенной и быстрой, –
Но только – человек с святою простотою
И головою не министра –

Над всею Россией он на миг единый стал,
Над всею странкою старший дворник,
И он уже хотел, и он уже мечтал
На всю страну надеть намордник.

Как вдруг...

Октябрь <1906>

БОРЕЦ

Гневной страстью сердце полно!
С гневной властью крови волны
То прильют, то отольют:
Не хочу в тюрьму идти я –
Жизнь-борьба моя стихия, –
Мой святой не кончен труд.

Буду рваться я из плена,
Буду я в немые стены,
В дверь тяжелую стучать,
Буду к воле я стремиться
И о мщении молиться,
Буду бешено кричать!

Возмущенья гневный пламень
Не прожжет холодный камень,
А сожжет лишь сердце мне...
И не вспыхну я, сгорая,
И сгорю, не зажигая,
На невидимом огне.

* * *

Я давно уже не был так счастлив, так светел,
Я так горд уже не был давно!
Я в себе драгоценность открыл и заметил –
Счастье мне пережить суждено.
Может быть, ненадолго, на беглый и краткий,
На восторженно-радостный миг
Вдруг забил в моем сердце неведомо сладкий
Чувства нового новый родник:
Радость бешеной страсти, восторги стремленья,
Радость твердого слова: хочу.

Я как будто бы в чистый эфир опьяненья
На невидимых крыльях лечу!
Я доверился их благодатному взмаху,
Я безумье полета постиг –
Пусть несут меня крылья, несут – хоть на плаху!
В небесах был я гостем – на миг.

ПАМЯТНИК

Париж, как безбрежное море, бурлит
И толпы людские, как волны, катит,
И, режа живые те волны,
Фиакры мелькают, как челны.

Как чайки над морем – слова над толпой,
И шуток порхает сверкающий рой
Немного цинично-фривольных.
Не видно в ней лиц недовольных.

Как пена, над нею ласкающий смех,
И все так изящно: смеющийся грех,
И эти фривольные шутки,
И даже в толпе проститутки.

Обманна веселая эта волна,
Вливается в зданья и меркнет она:
В них люди страданья скрывают,
В толпе ж они все забывают.

Взгляни: на одной из больших площадей,
Средь стука фиакров и смеха людей,
Близ улицы грязной и бедной
Вздывается памятник медный.

Отлитый из меди народный трибун,
Пятою могучей ступив на чугун,

Стоит, как скала, непреклонно...
На цоколе – имя Дантона.

Солдат-барабанщик склонился у ног.
Совсем еще мальчик, он весь изнемог,
Он ловит трибуна движенья,
Он ловит лица выраженья.

Молчит изваянье, но мощная страсть
И в жестах, и в позе – безбрежная власть –
Зовет он рукою из меди
Солдата к борьбе и победе.

А рядом другой наклонился солдат;
Каким вдохновеньем горит его взгляд
Отточено-острый, как шпага!
В нем юности гордой отвага.

О, вы, изваянья прошедших времен!
Ты, юный солдат, ты, могучий Дантон!
Как страшно вы близки мне оба
Всей жизнью своею – до гроба!

Ведь оба погибли безвременно вы
И буйной своей не снесли головы,
И умерли гордо и смело
За то же великое дело.

Не знаю, как умер безвестный солдат.
В Париже ль, в огне и дыму баррикад,
Средь сотен его инсurreкций,
В борьбе героических секций,

В швейцарских горах, среди немецких полей,
В великой борьбе против всех королей,
Где он совершал святотатство,
Борясь против братьев – за братство...

Дантона ж под нож гильотины послал
Суд грозных врагов; словно лев он стоял
    Пред судьями гордо своими.
    – Занятия, родина, имя? –

– Обычны вопросы... «Зовусь я Дантон, –
То имя мое перейдет в Пантеон!
    Сегодня тюрьма мне жилище,
    А завтра, быть может, кладбище».

Вы знали пред смертью, что смертью своей
Куете вы новую жизнь для людей,
    Куете горячею кровью,
    Куете великой любовью.

О, вы, сокрушители тяжких оков.
Как вас обманул ваш таинственный зов:
    Вы новую жизнь нам сковали,
    Но ту ль, о которой мечтали?!

Жизнь грубых солдат, проституток, купцов,
Чуть видных лачуг и кричащих дворцов,
    Ту жизнь, что кипит, торжествуя,
    Вокруг этой медной статуи.

...Мы так же спокойно и гордо умрем,
И знаю, что нашу смертью куем,
    Куем мы свои идеалы
    В упругие жизни металлы –

И нам покорится упорный металл...

ЛИРИКА

1912

ВСТУПЛЕНИЕ

* * *

Снова, как складки покрывала, свивается,
Легким дымком в небесах расплывается,
Тяжкий и душный,
Злобный и черный,
Душу мою обнимающий чад.
Если тем чадом душа одевается, –
Словно налетом в ней все покрывается,
Жизнь станет скучной,
Радость позорной,
Сердца ключи не журчат, замолчат.

Снова в душе зазвенели созвучия
Нежно-певучие
– Флейты и скрипки
Не умолкают, –
Снова поет и трепещет душа;
Дети восторга и легкого случая,
Снова слова многоцветные, жгучие,
– Сердца улыбки –
Ярко сверкают,
Льются, и бьются, и рвутся спеша!

* * *

У деревьев весною кору надрежь,
У клена, у белой березы, –
Сладкий ток потечет, упоительно свеж,
Как внезапные светлые слезы.

Сердце, сердце поэта любовью рань, –
От весенней, томной болезни,
С тяжелой болью, – душа, трепетать перестань! –
Источатся светлые песни.

1911

* * *

Звенит, звенит моя душа,
Как ломкий лед весной,
Когда, туманной мглой дыша,
Мы слышим, как бегут спеша
Осколки брони ледяной,
Разбитые весной!

Звенит, звенит, поет, поет,
Как горные ключи,
Когда, размыв снега и лед,
Текут, бегут, поют с высот
И пьют алмазные лучи,
Лучи – весны ключи!

Вся напряженная звенит,
Как светлый звон сквозь сон,
Но недалек ее зенит
И солнце не на век пьянит, –
Там, где певучей бездны стон,
Там, в темных водах, – сон.

1911

У ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ

Плюш диванов, говор иностранный,
Холод стен и мутный день в окно.
Греческой богине осиянной,
Верно, неудобно и темно.

Голову откинув на потертый
Бархат, Гейне, старый и больной,
Здесь сидел и плакал, распростертый
Пред твоею ясной белизной.

О грехах он плакал пред тобою,
И о том, что стар он и без сил,
Что не встал меж ним и меж судьбою
Образ твой, его не защитил.

И другой пришелец издалека,
Из страны, чья участь тяжела,
Здесь светло молился, но от рока
Красота безумца не спасла.

Иль она не Правда и не Разум!
Почему ж так страшно часто тех,
Кто служил ей творческим экстазом,
Сторожат безумие и грех?

Так я думал – проходили люди...
Англичане, гиды без числа.
Позабывших о великом чуде,
Красота безумцев не спасла!

* * *

О, желтенькая птичка канарейка,
Комочек солнца желто-золотой,
Весной, в мещанской комнатке простой,
Ты песнь поешь о том, что почки клейки,

О том, что счастье – жизнь и мир хорош,
Чеканишь золото и нижешь зерна
На нитку золотую бус упрямо
И с звонким звоном нитку оборвешь.

О, бедная засохшая герань,
Ты украшаешь пыльный подоконник,
Ты, может быть, любви и счастья дань, –
Возлюбленный принес тебя поклонник.

Цвети, расти для радости людей
И говори мещанке в бедной тальме
О призрачном безумьи орхидей,
Магнолиях и африканской пальме.

Прекрасен мир, но жизнь бедна, а песнь,
Песнь лишь мечта, рожденная любовью,
Страданьем и стремленьем, как болезнь
Родит мечту о счастье и здоровье.

И, может быть, искусство, как герань,
И песня, как та желтенькая птичка,
Несут немного счастья, грезе дань,
В жизнь, где унынье, скудость и привычка.

1911

ВДОХНОВЕНЬЕ

Сладостью пряной полно,
Сердце задержанно бьется, –
Словно темно-густое вино
В грудь мне безудержно льется
Из прозрачных и нежных рук
Струею серебряно-звонкой...
Или слышу я скрипок звук,
Ясный-ясный и тонкий-тонкий?
Не сознаю ничего,
Только на сердце пряная сладость.
Неужели узреть божество
Предстоит мне испуг и радость!

* * *

Солнце – сердце.
Вячеслав Иванов

Золотую кудель еще ткут веретенца,
Золотые струны натяну на лиру,
Еще не порвалась нить от сердца к солнцу,
Золотые струны от сердца к миру.

Они расплавляются, когда на зените
Солнце в яростном зное вопиет: «Осанна».
Но в хрупкие утра так явственны нити
И звенят серебряно, как *largo* органа.

* * *

О, дай мне, Боже, сил и времени,
Быть может, духом я богат,
Быть может, горсть златого семени
В моей душе живет, как клад.

Взойдет – и сотворю прекрасное,
Увижу сон свой наяву,
И вот в сей жизни не напрасно я
Пройду, промучусь, проживу.

БЛАЖЕННЫХ СНОВ ИСПУГ

I. БЛАЖЕННЫХ СНОВ ИСПУГ

* * *

Пришла ко мне, мой светлый друг,
Пришла с тоской, пришла с любовью,
О сердца боль, о сердца стук,
О холод этих тонких рук
На сердце с темной, с острой кровью.
Нежданная, пришла ты вдруг
Так, как блаженных снов испуг –
Вдруг приникает к изголовью!

1911

* * *

В моей душе живет великое,
В ней ожиданья строгий свет.
В отчаяньи надежду кликая,
Я долго знал и боль и бред,
И вот в сияньи, огнеликая,
Приходит Радость – Боли нет.

* * *

Тебе, душа, со мной сплетенная,
Ко мне склоненная душа,
Я отдаю слова влюбленные
И с робкой дрожью и спеша,

Всей прелестью неполнозвонною,
Всей тихой прелестью дыша.

Ты озеро мое глубокое,
Ты тайнопевная моя,
Чужая, близкая, далекая,
Я наклонюсь, шурша осокою,
Прильну к чуть видному истоку я
Волн неумолчных бытия.

* * *

О, это гордое одушевление!
В нем порывания горного ветра,
И жесты быстрые, и глаза горние,
И речь свободная, вся в сменах метра.

Молю, вплети меня в твои кружения,
Я жду – мне все равно, навек, на миг ли!
Ты мера мира мне, пока движения,
Пока смятения твои не стихли.

О СЧАСТЬЕ

Когда говорю я о том, что незримо, –
Качаете вы головами.
А мной только светлая сказка любима,
Душой я не с вами, не с вами!

И горе и радость судьба нам приносит,
Ей ваши моления и вздохи,
И страстно ждет каждый, что жизнь ему бросит
Из полных сокровищниц – крохи.

А сердце мое трепетало и билось
От счастья, что в жизни не сбылось,
И, может быть, было, но после забылось,
А может быть, только приснилось.

Нежней его речь и глаза его больше, –
Глаза его странно огромны,
И свет их струится и глубже и дольше,
И свет этот свой, незаемный.

Ресницы сияют дрожаще-несмело
Лучей золотистою пылью,
Легка его поступь, и белы, так белы,
Как снег на горах, его крылья.

Легка его поступь и тонкие руки
Так нежны, так нежны, так нежны!
Прильни к ним в великой и пламенной муке,
Прильни к ним с тоскою безбрежной,

Чтоб с лаской оно над тобой наклонилось,
Чтоб сердце ровнее забилося
От счастья, которое в жизни не сбылось,
Которое только приснилось!

1906

СОН

Я засыпал. Река катилась
И мой влекла челнок;
Был сон мой тих и странно сладок
И странно неглубок.
Я слышал весла за кормою,
Прозрачных пленок плеск,
Я видел небо, небо, небо –
Его хрустальный блеск.

И были грезы – тучки в небе
И небом был им – я,
И солнце нежно освещало
Узорные края,
Сливались зыбкие мечтанья
В прозрачно-легкий ряд,
И то темнел, то золотился
Пушистый их наряд.

Когда ж весло мое цеплялось
О заросль водных трав
И застревал челнок мой легкий,
В сеть цепкую попав, –
Я просыпался и в истоме
Лежал, закрыв глаза,
И слушал, как меж водных стеблей
Звенела стрекоза.

И открывал глаза и взором
Тонул в лазури я,
Пока меня не ослепляла
Блестящая струя,
И бодро я приподымался
И взмахами весла
Вновь направлял челнок свой в заводь,
Что глухо заросла.

И там, вблизи корней корявых,
Под зеленью густой,
Меж белых, белых водный лилий
С их влажной красотой,
Там, где деревья с нежной грустью
Гляделися в затон,
Я отдавался созерцанью
И вспоминал свой сон...

1905

МАРТ

Хорошо сегодня,
Плещет дождь весенний,
Теплый дождь.
Хорошо сегодня,
Благодать Господня
Близ родных селений,
Среди голых рощ,
Между сосен тонких,
Меж сквозных берез
Пенье капель звонких
До слез.

Хорошо сегодня, –
Теплый март!
Хорошо сегодня, –
Томный март!

Я брожу сегодня
Наугад,
Я чему-то странно
Тихо рад.

Нежно улыбаюсь,
Про себя шепчу,
Дождиком весенним
Душу омочу,
Дождиком весенним
Сердце окроплю,
Радость полюблю,
Счастья захочу...

В ДОРОГЕ

Разве не счастье ездить по пыльным дорогам,
Ездить по пыльным дорогам в безвестную даль,
Чувствовать связь свою с радостным, ласковым Богом,
С Богом, забывшим, что в мире есть боль и печаль.
Разве не счастье!

Разве не радость рвать на полях маргаритки,
Рвать на полях маргаритки, сплестать их в венок,
Бросить их встречной крестьянке или вот у калитки
Девушке в белом, мелькнувшей как светлый намек,
Разве не радость!

Разве не счастье быть беззаботным, как сеттер,
Черный мой сеттер, бегущий радостно рядом со мной,
Щурить от солнца глаза и чувствовать только, как ветер
Гладит мне щеки и волосы теплою женской рукой,
Разве не счастье!

1906

* * *

...Я чувствую утром еще полусонный
В глазах влагу теплую слез:
Я плакал сегодня во сне, утомленный,
И нежный встаю я, еще упоенный
Воздушною радостью грез.

И ночи, как дни мои, светлы и ясны,
И тихи мои вечера,
И я засыпаю с надеждою страстной,
Что день будет завтра такой же прекрасный,
Быть может, светлей, чем вчера.

Я знаю, со мною великое сбылось.
Не зная еще почему, –
Недаром же сердце безудержно билось,
Недаром же сердце безумно молилось
И чувствовал свет я сквозь тьму.

Но жду я пришествия света иного,
Какого, не знаю я сам, –
Но слишком он ярок для зренья земного...
Я жду – вот мгновенье, и скажется слово,
И я подымусь к небесам!

1905

* * *

Знойный день догорал, догорал...
В небе вяли алые краски,
В небе реяли странные маски,
В иступленно-торжественной пляске
Кто-то душу мою обвивал,
Кто-то душу мою целовал
И манил к незнакомой развязке.

Он манил, он манил, он манил.
Я ходил сам не свой, иступленный,
В небе алые краски гасил
Кто-то в вспышке слабеющих сил,
Я по улице странно червленной
Шел безумный, безвольный, влюбленный,
И в душе, как сосуд золоченный,
Драгоценное бремя носил.
Был горяч под ногами асфальт,
Тучей реяли знойные мухи,
Песни пели вечерние духи,
И звучал их томительный альт
В напряженно страдающем слухе.

Были губы мучительно сухи,
Словно выжженный солнцем базальт.

Драгоценное время любви,
Ток пурпурный безумья и смерти!..

* * *

Друг мой,
Поверить ли странным словам
О Вечном Возвращении?

Так же ли будем снова сидеть мы
В лунном свете,
Так же ли будут сиять мне
Твои влажные глаза
И душа трепетать
От сладкой боли?

Или и эти мгновения,
Едва коснулись их наши губы,
Уже невозвратны,
И мы позабудем о них,
И наша слабая память
Изнеможет в неравной борьбе?

Люди верят в Бога
Всеблагого, Всемогущего...
Им нужна вера
В вечное добро
И в бессмертие души –
Я боюсь только забвения.

Я хочу верить в Бога,
Великую Память природы,
И что эта Вселенская Память

Сохранит на веки веков,
Когда не будет нас,
Когда ничто не напомнит о нас
Живым людям,
И после, когда вся жизнь замрет на земле,
Сохранит воспоминание
О нас, ушедших,
И о нашей любви
И об этом ликующем часе,
Обо всем, о чем мы сами забудем
В вихре мятущейся жизни.

II. РАДОСТЬ

* * *

В первый раз я взглянул на тебя,
Я взглянул на тебя с изумленной радостью,
И глаза твои засияли
Навстречу засиявшим глазам моим.
«Так вот ты какая –
Такая милая,
Простая, чудесная,
Вот ты какая!»

* * *

Скучно светит мне солнце,
Хмуро мое небо,
Серы дни.
О, как протянуты руки мои
С мольбой и надеждой,

Как жаждет душа
Светлого чуда.
И глаза мои
От жутко напряженного ожидания
Горят и светятся,
Как свечи, две свечи
Пред киотом владычицы
Божией Матери
Нечаянной Радости.

* * *

Я хочу любоваться тобою без слов,
Я хочу любить тебя в молчании.
В душе у меня дрожат слезы и смех,
Когда я слышу каждое твое слово.
Я люблю все слова твои,
Я люблю их,
И когда от них еще чуть вздрагивает тонкая шейка,
И когда они только сияют в глазах твоих
Веселыми искрами
И дрожат на устах
Еще не сказанные,
А когда они срываются с милых уст твоих
И наполняют серебряным шумом белых порхающих бабочек
Всю комнату,
Я смеюсь и плачу в душе,
Не вникая в их смысл,
Не понимая их.
А ты –
Ты почти не слушаешь меня.
О, как я беден!
У меня нет речи в тяжелых, богатых одеждах образов,
В самоцветных камнях сравнений,
Нет алмазов шутки,
Нет кружев мечты,

Нет томных жемчугов нежности,
Ничего нет.
Но если бы даже я говорил как Ромео,
Разве ты полюбила бы меня!

* * *

Я возьму твои руки
И загляну в глаза твои,
И скажу тебе:
Я люблю тебя,
Всю, всю тебя,
Твое тело и твою душу,
И нежный смех и тонкие руки,
И сияние глаз,
И не знаю, что я люблю больше,
Всю твою высокую светлую душу,
Бессмертно прекрасную,
Или это родимое пятнышко
На твоей руке!

* * *

Я люблю тебя, слышишь
Эти простые слова.
Почему же ты побледнела
И не дышишь?
Или я причинил тебе боль,
Зачем ты прижала руки к сердцу?
Или словом можно ранить безжалостно,
Как острым ножом?

* * *

Ночь,
Свеча горит тревожно,
Мне душно,
Мне горько,
Я задохнусь, захлебнусь от боли и горечи.
Прочь, прочь, мой проклятый кошмар,
Скорей к окну,
Стекло дребезжит и ставни стучат,
Уже утро,
Солнце сияет,
Воздух холодный,
Как ключевая вода,
Хрустально звенящий
Ворвался в комнату.

.....

Почему горячие капли обожгли мое лицо,
Почему дрожат мои руки?

.....

Ты утро любви, ты солнце любви,
Здравствуй!

* * *

«Радость моя» –
Это ты мне сказала.
И вот сегодня я
Целый день
Радостно думаю:
«Как хорошо, как просто и мило.
Есть же на свете такие чудесные слова –
Радость моя».

* * *

Мы сидим вдвоем
В тихой беседке,
Солнце льет прощальный свет
Сквозь зелень деревьев,
И, как солнечные пятна,
Трепетны мои влюбленные слова
И полны предчувствия тихого вечера,
И багрянца, и золота
Вечернего неба:

«Я хочу сделать тебя счастливой,
Но что я могу дать тебе,
Я бедный нищий,
Что я могу дать тебе,
Кроме своей жизни?

Отдать бы ее,
Бросить тебе ее под ноги,
Легко и небрежно,
Чтоб легче было ступать тебе...
Отдать бы ее,
Ничего не требуя взамен,
Ни любви, ни благодарности,
Отдать только потому, что это так просто, легко и радостно.
Как жаль, что ты меня любишь, –
Я хотел бы отдать тебе жизнь
Царственно бескорыстно».

Так говорил я
В тихой беседке,
И солнечные пятна
Дрожали у тебя на лице, на зелени деревьев,
И в моих словах,
И в твоей улыбке.

* * *

«Я твоя» – ты сказала мне.
Дай мне подумать:
Как смешно, и странно, и радостно,
Ты моя,
Душою и телом,
Это значит, мои – эти ясные глаза,
Я могу прижать уста к твоим устам
И поднести к губам эту руку.
Вот захочу – подыму ее,
Захочу – опущу.
Захочу и возьму твою тяжелую косу
И закину ее тебе на плечи,
Как задорный мальчишка,
Или заверну ее в корону,
Царица моя!
Как это странно, смешно
И радостно.

* * *

Когда ты уходишь,
Мне тесно здесь с моим счастьем,
И я стремглав сбегая вниз по лестнице
Через четыре ступеньки,
И едва не сбиваю с ног
Старушку-даму,
И извиняюсь,
Вежливо приподняв шляпу.
К чему извиняюсь?
Слишком долго ходил я чинно вверх и вниз,
Сегодня я хочу бежать стремительно –
Через четыре ступеньки!

* * *

Когда ты уходишь,
Поцелуи твои звенят в воздухе,
И порхают в комнате,
Как невидимые маленькие бабочки,
И садятся мне на руки,
На лицо, на уста,
И, закрывши глаза, вот я чувствую
Нежный трепет мягких их крылышек
На руках, на лице,
На устах.

* * *

Отдохни, моя милая,
Я буду рядом с тобой,
Я буду смотреть на тебя
При бледном свете лампы,
Бережно подверну под тебя
Вязаный платок,
Окутаю тебя тихой лаской,
Как мягкими его складками.

* * *

Дождь, дождь
Льется с небес
Крупными каплями,
Льется и бьется о землю
С радостным звоном.
Мы быстро идем рука об руку
По сырой земле,
Как плещет вода у нас под ногами
В чистых лужах.

Как хорошо чувствовать теплую влагу
На лице, на руках,
И вдыхать томный запах тополей,
И видеть омытую землю.
Как хочется прильнуть к ней,
Лечь щекой на размытую глину.
А у тебя-то, у тебя-то!
Мокрая рука в моей руке,
Мокрое милое лицо, мокрые волосы,
Мокрое платье.
Капли дождя бьются о землю с силой и радостью,
Или сила и радость у меня в сердце?
Дождь, дождь!

* * *

Я ехал к тебе на пароходе,
И радуга, цветная радуга,
Обняла все небо
От края до края,
И, как в радужные ворота,
Я ехал к тебе по реке
И славил Бога,
И тебя, и любовь нашу.
Как же мне не верить в Него,
Не славить Его,
Когда такую праздничную арку
Строит он для нас с тобой, для нас с тобой, для нас с тобой!

Ведь эта радуга для нас с тобой,
А те незаметно серые,
Промокшие под дождем пассажиры
(Как, впрочем, промокли и мы с тобой),
И хмурый капитан,
И черный истопник,
Они только так,

Только кажется, что они существуют,
Они живут только для того,
Чтобы войти в нашу радость,
И когда мы будем вспоминать эти минуты,
Мы вспомним их, серых и темных,
Радужными, просветленными,
Они, как радуга и брызги колес,
Для нас с тобой, для нас с тобой, для нас с тобой!

III. БОЛЬ

РАССТАВАНЬЕ

В час расставанья ты была спокойна,
Все было тихо и печально стройно,
Как те зелено-сумрачные ели,
Которые над нами шелестели.

В час расставанья тишина лесная
Была кругом, и темная, сквозная,
Густая зелень, как покров тяжелый,
Свет пропускала солнца – невеселый.

В час расставанья шли в листве мы желтой.
О, призрак осени, уже пришел ты,
И лес листвою мертвой, прошлогодней
Твердил нам неизбежное: «сегодня!»

В час расставанья ключ журчал средь моха,
И шелест елей был как трепет вдоха,
Просветы неба были так воздушны,
И мы казались оба равнодушны.

1911

* * *

Безнадежность глядела мне в очи
Напряженно пустыми глазами,
Истекала в бессонные ночи
Водяными и злыми словами.
Безнадежность смеялась и пела,
И плясала, плясала, плясала!
Долго, долго душа терпела
И, как чадный очаг, угасала...

I

Особым знаком отмечает кровь
И из людских рядов выводит властно.
Как кровь, судьбы печать кладет любовь –
Она сильна, как смерть, когда несчастна.

Причудлива судьбы и жизни вязь,
Всех красок смесь в ней не разложит призма,
Но мстителей с любовниками связь
Понятна мне из общего трагизма.

Пусть безнадежный в стан борцов придет,
Но приведет его не безнадежность,
А раненой души больной полет,
Кровавый знак, мрачащий белоснежность.

II

Так легко, легко и просто
Отдаем мы жизнь свою,
Ляжем, ляжем вне погоста
В нелюбимом, злом краю.

И в последние мгновенья
Будем помнить мы о ней.
Сердце, сердце, пламеней!
До великого забвенья
Близ неведомых огней,
Будем помнить все о ней.

И когда нас за собою
Позовет благая смерть,
Там, за твердью голубую,
Прозреваемая твердь, —

Будет в нас не ужас Ночи,
Но сильней, чем смерть, тоска,
Что закроет наши очи
Не заветная рука.

1911

* * *

В мире прочного нет ничего,
Все уносится мимо, мимо.
Но любовь быстрее всего
Исчезает, как легкие дымы.

Прижимай, прижимай сильней
Ближе к сердцу милую руку,
Скоро ты не преникнешь к ней,
Будь готов каждый миг на разлуку.

Обнимай, обнимай тонкий стан,
Он, как призрак, в душе витает,
Он, как сладкий, краткий обман,
Промерцает, пробрезжит, растает.

В миг отчаянья жадно лови
Легковейные складки одежды.
Больно ранят жала любви,
Безнадежны ее надежды!

* * *

Тяжело идти, тяжело идти,
По земным путям тяжело брести,
Вот еще уклон, еще поворот,
Вот еще подъем, и тот, и тот.

Пыль и острые камни знойных дорог,
Тяжесть ног, утомленных, свинцовых ног,
Раскаленное олово с небесных полей
На усталые головы, Солнце, не лей!

Если бодрый товарищ с тобою идет,
Если милая женщина рядом поет, –
Легче ношу нести, идти веселей
По просторам скудных земных полей.

Если ж бросит женщина посередине пути, –
Сил не станет идти, идти, идти,
И в душе одно желанье – прилечь,
Сбросить, сбросить котомку с усталых плеч.

* * *

Испил ты эту чашу до конца.
Ты нежную узрел нежданно грубой,
Увидел сжатые презреньем губы
И замкнутость холодную лица.

Со страстью ей молился ты сугубой,
Ты думал – мягки женские сердца,
Но ты не знал, что те, кто им не любы,
Для них не боле значат мертвеца.

Но ты не знал, что если глубоко
Ты, грешник, пал, явил вдруг слабость, малость,
Когда Любви иль Смерти ждет Усталость, –

Вдруг женщина разлюбит, и легко
Все прошлое отбросит далеко,
Забыв святое чувство женщин – жалость.

* * *

С средней долей не могу я примириться,
А добыть другую где же силы!
Только остается, что молиться,
Только остается ждать могилы,
Только остается верить в чудо,
Только остается верить в Бога, –
Вот открою в сердце золотые руды,
Вот начнется восходящая дорога.

* * *

Скоро, скоро, скоро
Время пролетит,
Вот уж сосны бора
Осень золотит,
Скоро их покроют
Белые снега,
Их весной омоет
Вольная река.

До весны лишь этой
Ты не доживешь,
Не увидишь лета,
Зреющую рожь,
До весны, быть может,
Сможешь добрести.
Пусть мне Бог поможет
Боль перенести.

* * *

Ты сегодня сладостно прекрасна,
Я тебя такую не видал.
Образ твой дрожит неясно,
Как сквозь призрачный кристалл.

Сердце полно грустною тревогой,
Знаю я, что скоро ты уйдешь
Потаенною дорогой
И меня с собой не уведешь.

Я останусь плакать над могилой,
На могилу приносить цветы,
Забывать твой образ милый,
Вспоминать лишь тень мечты.

* * *

Я покоряюсь: горький случай прав.
Но странно душу мучит и тревожит,
Что вот умру я, даже не узнав
О светлом Имени Твоем, быть может.

Как долго и легко я жил на свете,
Боюсь, что вдруг от жизни я проснусь,

Как ночью в беспричинном страхе дети,
И с горестным прозреньем оглянусь

На прошлое: о, сон минут без счета,
Без смысла сон! Как жить, чему служить?
Тускнеет ржавой жизни позолота.
О, как мне больно жить, как странно жить!..

* * *

О, бедный друг мой милый,
Не плачь, не плачь!
Кругом нас вид унылый
Пустынных дач.

День, точно майский, выпал,
Покой глубок!
Сентябрь листвою усыпал
В саду песок.

Я знаю – ты готова,
Так пусть же, пусть,
Пусть будет светлой снова,
Звнящей грусть!

Ни слов, ни слез, ни вздоха,
Гляди, – певуч
Из камня среди моха
Струится ключ.

И чтоб хватило силы,
Мне руку дай.
О, друг мой, друг мой милый,
Прощай, прощай!

* * *

Всем уставшим легче было прежде;
Чтоб приют до радостной зари
Дать вконец измученной надежде,
Тихие цвели монастыри.

Желтый и зеленый бархат леса,
Яркие на бархате цветы
Свежей и таинственной завесой
Окружали тихие кресты.

Реяло торжественное аве,
Как поток хрустальный жизнь текла,
Радостные звуки Божьей славы
Далеко несли колокола.

Женщины, пресыщенные мукой,
– Горек жизни вкус им, мир их пуст –
Никогда не слышавшие звука
Слов, несущих нежность с милых уст.

И другие, те, чьи свет и пламя,
И любовь, и счастье позади,
У которых скорбными крестами
Сложенные руки на груди,

Все, кто клял отчаянья безбрежность
С болью перекошенным лицом
И кого тупая безнадежность
Окружила сомкнутым кольцом, –

Приходили, жили, догорали,
И синел их взор, ясенел их дух,
Словно звуки робко замирали,
Чье дрожанье еле ловит слух...

...А теперь уж в мире нет жилища,
Где была бы скорбь ясна, тиха;
Как под сенью сельского кладбища,
Без заботы шумной, без греха.

Abbaye de Saint Wandrille

ВЕЧЕР

Я люблю успокоенность тихого вечера,
Над рекою опаловость ласковых сумерек.
Вспоминать тебе некого, и любить тебе нечего,
Умири, Боже, душу твоего раба (имярек)!

Неба зелень, сиреневость между облак разорванных...
О, душа, не скорби, полюби успокоенность.
Облак нежных края потускнели узорные, –
Верь, не будет мучительно, ждет успенье благое нас.

Оно нежное, тихое, как сумерки смутное.
О, излиться, пролиться в мерцающей лирности,
Чтобы муки все замерли, чтобы чувства все умерли
В этой ясной всемирности, в этой тихой вечерности.

Март. На Сене

РАЗНЫЕ

I. МОРЕ

* * *

Холодный ветер в лицо нам веет
Соленой влагой – идем, идем!
Над нами чайка в лазури реет
И рассекает ее крылом.

Под ветром платье как парус бьется,
Все против ветра – с тобой вдвоем,
Куда – не знаю, нам даль смеется,
Все дальше, дальше идем, идем!

КУБОК ВОД

Море – полная до края чаша,
Вод упругость вольную тая,
Напряженно, полнозвонно плещет,
Пенится, как радость, радость наша.
Вот заблещет, яро затрепещет
И переплеснет через края.

То заздравный, полный поднял кубок,
Опустив на золотое дно
Звонкое кольцо всех зовов бездны,
Пьет за Мир и Мира красоту Бог,
В ночи звездной бьет о край железный
Терпкое и горькое вино.

1911

УТРО

Звон и плеск серебряный прибоя,
Над землею знойно веют сны.
Море плещет, серо-голубое,
Средь великой мира тишины.

Я не сплю и грежу о пространстве
Зыбких и упруго-нежных вод,
О путях далеких вольных странствий,
О тебе, еще немой восход.

В этот час, когда природа дремлет,
Мир от зноя летней ночи пьян,
Хорошо мне думать, что объемлет
Землю свежим хладом океан.

И что он не только этот берег
И не только этот материк –
Африку, резной узор Америк
Также омывает в этот миг.

Омывает, вольно овевает
Хладным ветром, веющим, как сны,
Радостные песни запекает
С ритмом, бьющим в сердце тишины.

ВОЛНЫ

О, волны, нет ответа вам.
Твердите вы о чем,
Когда вы с фиолетовым
Целуетесь лучом,
И с страстью вечно новою
Закат в ваш плеск влюблен,
Когда во все лиловое
Рядится небосклон?

О чем вы вопрошаете,
О чем шумите вы,
Когда вы одеваете
Все ткани синевы,
Когда порой полдневною,
Открыв лазурный взор,
Слиivate напевные
Вопросы в стройный хор?

О чем поете нежно вы
В красе стыдливой утр,
Когда томны безбрежно вы,
Как бледный перламутр,
И солнца взоры чистые
Пронзают вас до дна,
Вы, светлые, лучистые,
Как дети после сна?

Кричите вы и шепчете
О чем во тьме ночей,
– Чем днем, удары крепче те
И отзвуки звончей, –
Когда горит чуть блещущий
В ночи ваш черный взор,
И, как вопрос трепещущий,
Сверкает в нем фосфор?

И после смерти вечера,
Когда издалека,
Как гор снега и глетчеры,
Белеют облака,
О чем, одевшись в бурую,
Мерцающую сталь,
Поете песнь вы хмурую,
Чего вам, волны, жаль?..

1905

* * *

Море ночное бьется волною
В берег скалистый,
Волны прибоя криком покрою,
Криком восторга!

Слабые звуки в мощные руки
Ветер подхватит.
Он их поймает и разбросает
Вдаль по простору.

Смел я и молод, жизненный молот
Душу не сломит,
Полон я жаждой радостью каждой
Сердце насытить!

* * *

Даль моря синее безгранная,
Белеет челнок вдалеке,
Прекрасная, милая, странная,
Как дивно на влажном песке.

Как ветер с любовью и силою
Играет кудрями волос,
Прекрасная, странная, милая,
Любуюсь тобою до слез.

Когда ты печально безгласная
Близ шумного моря стоишь,
О, милая, странно прекрасная, –
В душе моей странная тишь.

ЭЛЛАДА

Сверкая жемчужною пеной, на берег прозрачные волны
Взбегают одна за другою, и рокот их так говорлив.
Все дальше вперед продвигает большие рыбацкие челны
На гребне любовно и ровно размеренно-шумный прилив.

Уж солнце, склоняясь на отдых, в парчу и багрянец богато
Убрало постель свою – море, покрывало свое – небеса.
На розовый мрамор походят в алеющих красках заката
У чаек звенящие крылья, у лодок больших – паруса.

В прибрежные мелкие воды опущены мокрые сети,
Сребристой чешуйчатой рыбы обильный, богатый улов,
У берега тесно толпятся довольные жены и дети,
И гул долетает до лодок и криков, и радостных слов.

И кажется мне, что вот так же все было когда-то, когда-то,
В далекой прекрасной Элладе, в изломах ее берегов,
И так же, как розовый мрамор, алели в сиянье заката
И чайки, и парусы лодок, и пена, и мрамор богов.

И так же сверкала, как грани самоцветных камней диадемы,
Гряда облаков озаренных с краями опалов светлей,
И мерно спускалися весла, и быстро бежали триремы
С богатой добычею, снятой с персидских больших кораблей.

И падали крепкие мачты, и звучно причалы скрипели,
И якорь клыками впивался в прозрачную влажность песка,
И люди толпились в волненьи, и в воздухе ласково пели
Божественно-мерные звуки, Гомер, твоего языка.

II. РАЗНЫЕ

* * *

Благословлял я желчь, полынь и омег,
Всю горечь дней моих,
Когда я в тяжкой, в горестной истоме
Ковал свой горький стих.

Но ныне призываю радость, радость
– Сок клеверных стеблей –
Чтоб еле ощутимую их сладость
Делить с сестрой моей.

ТЕБЕ

Кто-нибудь из нас услышит
Смерти слово;
Кто-нибудь из нас утишит
Страх другого.

О, великое сознание
Связи нашей:
Вместе примем испытание
Смертной чаши!

1911

* * *

Ты светлый дух, чьи крылья белые
Меня едва коснулись вдруг
И, воспарив, исчезли, смелые,
Кристалльным звоном полня слух.
Ты, светлый и прозрачный дух.

Ты, дух, чьих крыльев дуновение
Порой касалось вновь меня,
В благие, редкие мгновения,
Как властный голос вдохновения
Среди немолчных криков дня.

И вот теперь судьбы излучины
Нас вновь свели. И это – ты!
И я, к неожиданному приученный,
Увидел женщины измученной
Обыкновенные черты.

Но вот, когда уж безнадежнее,
Чем смерть, о прошлом боль была,
В глазах твоих узнал я прежние
– Как стала боль моя светла –
Два белых, два больших крыла.

1911

* * *

Вечерами весенними долго она
У раскрытого настежь сидела окна,
За холодные прутья решетки с тоской
Крепко, крепко держалась горячей рукой,
И на черном железе так четко видна
Пальцев нежных и тонких была белизна.

Из окна она видела пыльный забор,
Утомляющий серой бесцветностью взор,
А за ним чуть заросший бурьяном пустырь
И багряного неба безбрежную ширь,
И ее напряженно темнеющий взгляд
Напоил своим золотом рдяный закат.

А когда побледневший закат догорал,
Ей казалось, что кто-то и в ней умирал.

СТАРАЯ ДЕВА

Без цели неужели же, ни для кого не нужная
Пройдет-уйдет жизнь хмурая, понурая моя?
Вся словно суетливая, крикливая, наружная, –
Хочу изведать светлые все глубины бытия.

Хочу, чтобы в душе, в глазах, навстречу мне сияющих,
Как бы в стекле поставленных насупротив зеркал,
Все то же отражение бессчетно повторяющих,
Мой дух обогащенное, светлее засверкал.

Мы мчимся словно в поезде, миг каждый измененные
Ландшафты, люди встречные мелькают за стеклом.
Хочу, чтоб вместе кто-нибудь смотрел в окно вагонное,
Со мною изменялся бы и плакал о былом.

РОДЕНБАХ

Чуть мерцают стенки хрупкой вазы,
Если слабый свет зажжен внутри.
Как сиянье первое зари,
Он неверен и дрожащ. Для глаза
Странно жуток этот тихий свет.
Так дрожит сияние экстаза
На лице у тех, кто знает бред
Творчества, чьей нежной кожи цвет
Одухотворенья носит след.
Так стихи – граненые алмазы –
Освещает изнутри поэт,
Выше этой страсти счастья нет.

Те стихи – как сладкая зараза,
Льется их певучая струя,
Льется тихо, медленно, не сразу,
Льется, все оттенки затая,
Хризолита, жемчуга, топаза,
Приобщая властно всех к экстазу,
К высшему блаженству бытия.

«ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ» ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Как полноводный Рейн течет рассказ,
Но не как Рейн немецкий меж зеленых
Холмов, где виноград растет на склонах,
Где дух средневековья не угас.

Но даже память о былых баронах –
Разбойниках только пленяет глаз
В замшелых замках, где и речь влюбленных
Наверно тише льется в страстный час.

Не как швейцарский – горных вод бурун,
Но как голландский – мрачный у низовья,
От тучных пастбищ до бесплодных дюн.

Рассказ твой мужественно сдержан. Кровью
Окрашен он. Над ним, как злой колдун,
Застыл багровый диск средневековья.

* * *

Вдали закат мерцает,
В алость окрасив даль,
Сердце миг созерцает
Всемирную печаль.
Как сердцу света жаль!

По теплой мягкой пыли
Еду сквозь лес домой:
Грежу о днях, что были
Так светлы – Боже мой! –
И смыты теплой тьмой.

Грущу о двух могилах
В дальнем, в родном краю,
Грежу о людях милых,
О тех, кого люблю,
Помедлить тьму молю.

1911

В БЕЗВРЕМЯ

В нас сердце напитано гневом и желчью,—
Какая горька нам полынь!
Скулим мы по-лиси и воем по-волчьи
Средь зимних беснежных пустынь.

Беснежных: ведь снег одевает порошей,
Как мантией, голую жердь,
И кажется ласковой, нежной, хорошей
Под снегом и самая смерть.

В беснежные, тусклые, мертвые зимы
Мы твердый, как лед, чернозем,
Звериною, темной тоскою томимы,
Со смутною скорбью грызем.

Мы рады, что клочья облезлые шерсти
От смерти спасли, унесли.
О, Боже, никто же не бросит ни персти
На труп наш могильной земли!

Живем мы бездольно, умрем мы бесплодно, —
Какая горька нам полынь!
И все же нам страшен лик смерти холодной
Средь зимних бесснежных пустынь.

1911

* * *

Он ушел на утренней заре,
В час, когда сияли на горе
Первым блеском солнечные пятна.
Целый день он где-то пробродил,
Целый день домой не приходил,
К вечеру вернулся он обратно.

Он пришел, когда бледнел закат,
Был в пыли, в крови его наряд,
Сам он истомлен был и безгласен,
Словно в тяжких битвах изнемог,
Но безгласный был, как юный Бог,
Радостно и солнечно прекрасен.

И в волнах сгущающейся тьмы
Молчаливо вопрошали мы,
Где он был, зачем пришел обратно,
С кем боролся, бился за кого,
И была нам светлая его
Радость — так чужда и непонятна.

* * *

Верю в светлого ангела,
— Боже силы моей, —
Верю в грозного ангела
В голубых небесах.

Прилетит он на помощь нам,
– Боже воли моей, –
Так я верю, я, сломленный,
Я, поверженный в прах.

С безнадежной надеждою,
– Боже веры моей, –
Ожидаю парения
Ослепительных крыл.

Утешенья, свершения,
– Боже страсти моей, –
И не мщенья, – прощенья,
Боже сил, Боже сил!

1911

* * *

Меня ты спрашиваешь, отчего
Так медленно теперь проходит время,
Тягучее, как скучный долгий гость,
Однообразное, как день больничный.
Иль вправду жизнь не движется, и люди
Так стали плоски, как листок бумаги?

О, милый друг, поверь мне, жизнь идет
Вперед, идет не медленней, быть может,
Чем вечно шла. Ведь мира механизм
Похож на старые куранты с хрипом
И гирями, медлящими движенье:
Едва заметен ход минут-годов,
И только внятен бой часов-столетий!

Но чудо привелось нам увидеть:
Вдруг завертелись с быстротой безумной

Колеса и колесики, пружины
Все напряглись, едва сердец биенье
За страстным темпом жизни попевало.
Но слишком хрупок дивный механизм,
Застопоренный грубою рукою,
Он вновь пошел мучительно-невнятно.
И вот одни опять свои часы
Проверили, замедля их движенье,
Но те, кто их еще не переставил,
Обречены! О, бедный друг мой, долго
Не могут жизни ярче быть, чем Жизнь!

ТАНЦЫ

1. ВЕНГЕРКА

Синий твой взор робко блеснит,
Светлое платье нежно шелестит,
Ну же, вперед, вперед, вперед,
Не все равно ли, что в будущем нас ждет!

Серая жизнь у нас позади,
Серая жизнь у нас впереди,
Ужас морщин и ранних седин,
Ужас и горечь, всему конец один.

Ну же, вперед, вперед, вперед,
Радостный взор нас манит и зовет.
Губами к губам страстно прильнуть,
Горечь и боль не прогнать, так обмануть.

Крепко сжимаю твой гибкий стан,
Жизнь так горька и так сладостен обман,
Чувствую я сквозь корсаж теплоту,
В сердце лелею мечту и красоту.

2. Вальс

Ах, счастья, я счастья хочу
Без конца, без границ, без краев,
И вот я на миг улечу
В озаренные области снов.

Потому что в жизни моей
Все так бедно и так темно,
Золотых так мало огней,
И явственно близкое дно.

А я бы хотел умереть
В блаженном сиянии слез,
А я бы хотел сгореть
В томно медленном пламени грез.

И когда средь вальса слова
Ты мне шепчешь, как легкие сны,
Так кружится в чаду голова,
Как от сладкого бреда весны!

3. Полька

Я люблю вас с болью слез.
Вы скользите по паркету,
Быстрый танец вас унес
К счастью, к солнцу, к жизни, к свету.

Быстрый танец закружил
В вихре грез немые пары,
Я в тиши подсторожил
Блеск очей, сердец удары.

Электрических огней
Льется свет на вас тревожно.

Прочь заботы серых дней,
Будет правдой все, что ложно!

Вы во сне – я наяву:
Вижу, вижу в вихре танца
Под глазами синеву,
Лихорадочность румянца.

Пусть же будет весел такт,
Оживленны кавалеры,
Этот вечер лишь антракт
В пьесе скучной, в жизни серой.

4. ПА Д'ЭСПАНЬ

Они парами тихо под музыку шли,
Некрасивы были их лица,
Эти бледные, бедные дети земли,
Дети столицы.

В долгие дни
Работы и хмурой заботы
Мечтали они.
Над свинцом серой жизни сверкала мечты позолота.
День их мечты,
Вот ты!

Бедные, бедные люди,
Я страстно молюсь,
Я горько молюсь о радостном чуде!
И горько сжимает мне горло, как грубая чья-то рука,
Тоска.

А вас вперед увлекает
Танец,
И на бледных щеках так ярко сверкает
Румянец.

Шаг вперед, шаг назад,
Робкий смех, нежный взгляд,
Между рук гибкий стан,
И волнуется кровь,
И сияет любовь, –
О, жалкий роман,
О, горький обман!

Шаг назад, шаг вперед,
Скривился рот
От нежной, смущенной и милой улыбки,
Как странны ошибки,
Как скоро конец настает.

Бедные, бедные люди,
Я тайно молюсь,
Я странно молюсь,
Я горько молюсь о творческом чуде!

О, неужели оно не придет?
Как люблю я вас всех,
Рядом смеются счастливые люди,
Как им не стыдно, как им не грех
Смеяться над этими девушками с робкими глазами,
У меня в душе их грубый смех
Звенит словами.

О, как все вы похожи,
Серые девушки – все, как одна.
Боже, за что, за что же
Бросил ты их в эту пропасть без дна!
Какой ужас быть только похожей,
Ужас без дна!

1905

* * *

Вечерние улицы жутки,
Как воды ночной реки,
И ходят по ним проститутки,
Как образы вечной тоски.

Вот взором голодной собаки
Глядят мне в глаза сквозь муть,
И грубая ругань и драки
Нарушают хмурую жуть.

Окутанный тьмою ночною,
Я словно в русле реки –
Как дно черно подо мною,
Как воды ее глубоки!

И в сердце острая жалость –
Накормить какую-нибудь.
И в сердце, как смерть, усталость –
На горячей груди уснуть.

О, как черные воды жутки,
Упаду, потону, захлебнусь!
В утро мутное у проститутки
В полинялом гробу проснусь.

1911

В ШВЕЙЦАРИИ

Ты мне сказала: «Видишь, вот
Поток. Весь мир – мистерия.
Иль ниспадение этих вод
Не чудо для неверия?»

Какая творческая длань
Их с высоты низринула
И дымно-призрачную ткань
На горный кряж накинула?

Иль кто-то вечный распустил
Серебряные волосы,
И солнца луч позолотил
Их трепетные полосы?»

Я не ответил. С вышины
Летел поток серебряный,
Звения дрожанием струны
На арфе поколебленной.

ФЛОРЕНЦИЯ

Флоренция – ты светлая мелодия
Во сне. Картин безмолвие в Уффициях.
Плеск мерный Арно. В ласковой природе я
Подслушал тайну, буду ей молиться я.

Сестра моя, святая и любимая,
Наставница, так ясно, тайно мудрая,
Как ясные и всё ж неизъяснимые,
Как дымно-голубые горы твои, Умбрия.

1911

III. ПЕРЕВОДЫ

МУЗЫКА

Шелли

По божественной музыке я томлюсь в страстной муке,
Мое сердце в той жажде – цветок умирающий.
Лей же, лей вино дивное – музыки звуки,
В серебристом дрожании светло затихающей.
Как долина безводная высыхает бесплодная,
Задыхаюсь без музыки я с тоской безысходною.

О, дыхание музыки таинственно сладко,
Больше, больше той влаги, внезапно пролившейся!
От нее разжимаются кольца и складки
Злой заботы, змеи, вокруг сердца обвившейся,
Словно ток облегчения через вену каждую
Льется в сердце мое, истомленное жаждою.

Я без музыки словно лесная фиалка
У глубокого озера, когда чашечку рос ее
Выпил полдень дремотный, и лежит она жалко,
И туман не поит ее, и запах унес ее
Вольный ветер на крыльях над гладью зеркальною.
Но когда я гармонией упоен музыкальною,

Словно вновь вино в чаше зачарованной пью я,
И кипит, и сверкает та чаша торжественно,
Словно фея мне счастье дарит поцелуя.
Я томлюсь по музыке – она божественна.

ГРЕБЕЦ (LE PASSEUR D'EAU)

Верхарн

Он греб сквозь враждебные волны и тьму,
Тростинку зеленую крепко зубами сжимая.

Но та, увы, что зывала к нему,
Там, в темной дали за волнами,
Скрывалась, всё вглубь уходя, пропадая.

И с берега башни с часами
И очи окон
Смотрели, как бился и мучился он,
Свой торс от усилия вдвое сгибая,
Как мускул был каждый его напряжен.

И вдруг сломалось весло,
Течение его унесло
Тяжелыми волнами к морю.

А ту, что его окликала и звала,
Туманная мгла покрывала,
Она простирала к нему, отдаленному, руки,
В безумной ломая их муке.

Гребец остающимся цельным веслом
Стал волны сильней рассекать напролом,
И всё его тело трещало,
И сердце в горячечной, трепетной дрожи дрожало.

Ударом поток
Сломал вдруг руль и повлек
Его, как жалкое лохмотье, в море.

И окна жилищ над рекой,
Глядящие с жуткой тоской,

И башни с часами, как темные вдовы,
Над нею стоящие, прямы, суровы,
Смотрели в упор на него,
Безумца, который упорно – зачем, для чего! –
Свой путь продолжал безумный.

А та, что его звала, окликала,
Вопила, вопила и всё не смолкала,
И, вытянув шею, с усилием в безвестный простор порывалась,
И в ужасе вся надрывалась.

Гребец же, как будто литой из металла,
Средь бури, что вокруг клокотала,
Стоял и своим уцелевшим веслом
Всё греб напролом.

И старческим взорам его воспаленным
Казался далекий простор освещенным,
Оттуда всё голос к нему доносился
И жалобно в душу просился.

Сломалось второе весло,
Теченьем его унесло,
Как жалкую соломинку, в море.

И он, истомленный, упал на скамью,
Почувствовав горько разбитость свою.
Теченьем его подхватило,
Назад оглянулся, – напрасно растрacены силы,
От берега он не отчалил ладью.

И окна, и башни с часами
Глядели большими пустыми глазами
На гибель усилий, поверженных в прах.
Но дух был упорен его,
И он сохранил, – знает Бог, некогда, для чего, –
Тростинку зеленую, сжатую крепко в зубах.

ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД (НА СМЕРТЬ БАЙРОНА)

Гейне

На просторной барке черной,
В даль плывущей – труп лежит,
Погребальный, страж печальный
Праха поэта сторожит.

Спит он мертвый, распростертый,
На глазах покрова нет.
Иль он ими, голубыми,
Смотрит в небо, видит свет?

Это волны, стонов полны,
Бьются о борт без конца?
Иль русалке бледной жалко
Опочившего певца?

1911

IV. PICCATO

АНЕМОНЫ

Ярки ситцы анемонов,
Жарок красочный их звон,
Словно он
В переключке повторен
Ловких, смелых и умелых,
Во сноровках почернелых
И кующих
Сильных рук.
Каждый звук
Певуче груб,

Как из девичьих, поющих,
Алых, шалых, не усталых
И цветущих,
Не завялых,
Алых губ.
Словно девки в сарафанах,
В ярких бусах,
Краской пьяных,
Между русых,
Между льняных,
Милых кос!..

* * *

Твои глаза так пепельно-серы,
В них еще много наивной веры,
Но щеки, как кожа спелых гранат,
От страсти пылают и рдяно горят.

Ты словно уголь под слоем пепла,
Сила души твоей еще не окрепла,
Ты уголек золотой, золотой
Под серебряной, матово-серой фатой.

Я смешанных красок люблю сочетанье,
Багряных отсветов в серебре трепетанье,
Они вспыхнут, погаснут и вспыхнут вновь,
Как твоя багряная, густая кровь.

* * *

Милый ангел, ты слишком добра,
Добрый ангел, ты слишком щедра!
Всем звенит твой серебряный смех,
Золотые улыбки – для всех.

Впрочем, я не жалею для них
Ни улыбок, ни взоров твоих:
Для себя сохраню я один,
Я, сокровищ твоих господин,

Только кружево легкое грез,
Да жемчужины теплые слез,
Только горсть поцелуев твоих –
Раскаленное золото их!

PISSICATO ПРИ ЛУНЕ

Хорошо им сидеть на скамейке,
Хорошо быть шестнадцати лет, –
Пусть луна из серебряной лейки
Льет, как влагу густую, свой свет.

Хорошо быть счастливо влюбленной,
Знать, что рядом герой и поэт, –
Пусть луна всё рядит в осребренный,
Лунно-матовый призрачный свет.

Хорошо быть прозрачно струистой
И вдыхать смутный сон, тихий бред,
И в глазах отражать так лучисто
Нежно чистый таинственный свет.

Хорошо быть у ног гимназистки, –
Мира нет, горя нет, завтра нет!
Звезды лунные бледны, но близки,
Мир весь в лунные ткани одет.

Бьют сердца так любовно, неровно,
Перебоем друг другу в ответ,
И луна лишь одна хладнокровно
Молча слушает нежный дуэт.

«Я люблю вас, люблю вас навеки,
Не нарушу свой гордый обет».
Тихо катятся лунные реки,
Лунный, струнный звенит менуэт.

«Ах, как жалко, что завтра экзамен,
Надо спать, а уж скоро рассвет».
На востоке зардевшийся пламень
Гасит таинственный свет.

«А какой?» – «Да латынь и словесность». –
Груб и прост прозаичный ответ,
А луна выпивает телесность,
Миг – и вот – тела нет, тела нет!

Вот исчезнет, прольется, растает
В свежесть рос, в дымный пар, в бледный свет.
Сыро стало, и он предлагает
Ей закутаться в английский плэд.

PREMIÈRE COMMUNION

Белые юбочки,
Как тучки на ранней заре.
«Милые, голубочки, –
Говорит прихожанке кюре.

– Пленительна дочка ваша.
О, сладкий Иисус!
Она всех девочек краше,
Ваше платье – прелестный вкус».

Небо сине без меры,
Небо сине до слез,
Нимб детской, чистой веры
Вкруг мягких прядей волос.

Сияет лучезарно
Нежность детских личек,
Девочки идут попарно,
Как стая дрессированных птичек.

Смеются, тряся косичками,
Умиленно, ласково, нежно,
Чувствуют себя сестричками
И любят друг друга безбрежно.

Жжет ножки раскаленный камень,
Туфельки легки и тонки,
Веры пламень
Жжет сердце девочки-ребенка.

Бабочки шумным роем
Вылетели рано
И летят попарно и правильным строем,
Как это странно!

Прорван тяжелый кокон,
Бабочки вылетели для жизни короткой,
У девочек каждый нерв и каждый локон
Дрожит, и в руках дрожат четки.

Дрожат от счастья без меры,
Или вы, проходящие люди,
Не знаете о чуде веры,
О свершившемся светлом чуде.

Или вы не знаете, что ныне
Выросли детские души?
Молитесь же светлой святыне,
Грешные души...

АЙСЕДОРА

Сегодня пир, сегодня радость солнца,
Сегодня брызги слез в моей душе.
Один я дома, комната тесна,
Один я дома, но зажгу я свечи,
Все яркие и радостные свечи,
Как набожный еврей свой семисвечник
Молитвенной рукою зажигает,
Чтобы невесту Саббат встретить. Радость!
Войди в мой дом, в душе цари и властвуй.
Войди в мой дом, танцуй и ликуя,
Ты – свет моей души, ты, Айседора.

Какая-то таинственная связь
Во мне возникла, – как, зачем, не знаю, –
Меж образом безбольной Айседоры
И мальчиком, давно уж мной забытым,
Еврейским мальчиком, который нес
Проклятье нищеты и умер рано,
И умер рано, в жизни не узнав
О нежном, светлом имени твоём,
Столь сладостно прекрасном, Айседора.
И только с смутной силой ощущал
Полурасцветшею душой, что есть
На свете красота и радость...

Он был немного сгорблен, некрасив, –
Еврейские так дети вырастают
В трущобах тесных – чахлые, больные, –
На хилом теле голова большая
Неправильной и угловатой формы,
Подстриженные коротко, неровно
Щетинистые волосы, на тонких,
Немного злых губах усмешка скорби
И что-то старческое в складках рта.

И лишь глаза глубокие, большие,
Как горные прозрачные озера.

Он сыном был портного, в детстве помнил
Старуху молодую – мать, отца,
Склоненного над вечною работой,
Подвал, полоску неба, грязный двор,
Немного травки чахлой у сарая,
Какой-то кустик у ворот и стаю
Крикливых и задорных мальчуганов.

Он был такой прозрачный, хрупкий, нежный,
Он был слабей других, и вот его
За это били и прозвали «Малхамовэс»,
Что значит – ангел смерти.

Айседора!

Ты жизнь и свет, ты жизнь и красота,
Ты радость радости и жизни жизнь...

Он не узнал, что значит слово старость,
Он был нетерпелив, он не дождался,
Он знал лишь детство, отрочество, смерть.

И в детстве раннем свет мелькал порою:
Проснешься радостно и знаешь – Пасха.
Не только что работать, – и ходить
Нельзя сегодня много. Быстро вскочишь,
Скорее в воду окунешь лицо
(Отец не любит заспанных, хоть он
Сегодня добр). Скорее на молитву,
Знакомые слова бормочешь быстро,
Но всё же совестливо, – пропускать
Слова молитвы грех, – вот достоинь
Перед концом «большое шэминэсрэ»,
А там горячий чай с мацой творожной,
А там игра в орехи на дворе,

И маленькое сердце так трепещет
И бьется, как орешек на доске.
А вечером светла, как радость, скатерть,
И мальчик нараспев, он самый младший, –
Герой и принц, – сначала тихо, тихо,
К концу ж заодно спрашивает деда,
Что значит эта радость, эта ночь.

О Пасха, о божественная радость,
Сухая, как маца, без поцелуев,
Без звонов колокольных, без цветов.
Ты всё ж прекрасна и свята – зачем
Сюда прокралась ты? Иль без тебя
Нет жизни? Посмотри, как эти люди
Бледны и некрасивы, их глаза
В груди потускли, но сияешь в них
Ты, как в глазах у Айседоры...

Пасхальная, весенняя, святая,
Ты радости пылинки золотые
На нас свегаешь – пыль цветов нездешних.
Тебе земных цветов послали люди,
Две розовые яблони, – вокруг них,
Едва зацветших, предвесенне-нежных,
Кружилась ты, как мотылек, кружилась
И славилась зацветшую любовь...

К нему пришла любовь под гул колес,
Под стук машин на дьявольской работе.
Мелькнуло нежное лицо в веснушках,
Зазолотились кудерьки волос.
Как колокольчик прозвенело имя,
Как колокольчик – Дина – колокольчик
Лиловый, среди полей, звенящий солнцу.
Под краном в рот воды набрав, плеснувши
На руки, смывши грязь и копоть дня,
Они спешили – птицы вон из клетки –

К реке, катящей медленные воды,
С холма смотрели на речную гладь
В прощальном свете солнца, а потом
Гуляли под руку в пыли бульвара,
Под музыку военного оркестра,
Среди толпы гудящей – так тянулся
Роман их, словно кто-то уронил
На фабрику цветов, не полевой,
А городской, пробившийся на свет
В газонах жалких сквера.

Скоро

Одна любовь другую заменила:
Неясная, как солнце сквозь туман,
Мечта проникла в бедные кварталы,
В подвалы и лачуги городка,
Зажгла повсюду страсть и бред надежды.
В углах старинных синагог шептались
О чем-то возбужденно. С верой древней
В Мессию, в чудо, – новые слова
Смешались, и звучали странно дико
Те чужеземные слова меж ветхих стен.

И для него настало время страсти,
И страсть преобразила всё, и яркой
Казалась бедность жизни и борьбы.
Над книгами склонялся он всю ночь,
Пока гудок не звал опять работать,
А сердце билось в буйном диком ритме
Ликующего танца Айседоры.

В твоих победных танцах, Айседора,
Звенящая, сияющая медь!
В твоих победных танцах, Айседора,
Я слышу шаг грядущих легионов,
Их полубог ведет, над ним орел,
Над ним орел и гордые знамена!

И знамя реяло – звучите, трубы,
Звучите, трубы, пойте гимн победы,
Герольды, славьте сей турнир прекрасный:
Не рыцари, одетые в доспехи,
Но горсточка подростков безоружных
Врагам бросает вызов. Впереди
В манишке чистой, в галстучке цветном
Идет он, как на праздник. Честь ему
На долю выпала – он держит знамя,
И знамя в слабой худенькой руке
Дрожит и бьется, бьется в гневной дрожи.

.....

.....

Твой труп не выдали родным, в ночи,
Кто знает, где тебя похоронили.
Но если б можно честь тебе воздать,
Но если бы нашлась твоя могила, –
И знаю, что безумная мечта
Мое желанье, – но хотел бы я,
Чтобы на ней, погибший, бедный мальчик,
Чтоб на твоей могиле Айседора,
Безумная, плясала б пляску битвы
И смерти, чтобы волосы ее,
От пляски растрепавшись, пели, пели
Тебе прощальный гимн и чтоб она,
Сорвав цветы с твоей могилы, плавно
И радостно, и радостно, и быстро,
Кружилась, опьяненная цветами,
Весной и солнцем...

Знаю я, что есть
Святая в смерти радость, в жизни радость!

ГЛУХИЕ СЛОВА

1916

I

Меня коснувшись едва,
Прошло, не вылившись в слова,
Волнение вдохновенья;
Еще мелодия в ушах,
И слезы на моих щеках,
Но не сомкнулись звенья –
И песня замерла в устах.
Благодарю за свет, за миг
Надежды, за восторг, за страх
И боль невоплощенья;
За то, что ты светло возник
И вот исчез, туманный лик
Уже забытого виденья.

II

Одна звезда упала,
Сияя сияньем кристалла,
Влажным блеском росинки,
Теплым светом слезинки.
Но пожелать я успел
В тот быстрый миг
(Словно песню я тихую спел
Иль тайну постиг),
Тебе пожелал я счастья,
О, сестра моя!
Тебе пожелал я звездной доли,
О, звезда моя!

III

У заката сегодня краски роз,
Вянущих чайных роз,
Тех роз, которые кто-то принес
И случайно забыл на столе.
И смятые чайные розы лежат,
И какой-то теплый струят аромат
В усталой и алой мгле.

IV

Посв. М. А. Бенеvской

Ты радость вешняя, ты цвет и прелесть мира,
О, неужели ты грустна, больна,
И неуютна и тесна твоя квартира,
И вокруг тебя холодная страна!

Судьбы тяжелые, уверенные цепи,
Чтоб вымолоть для жизни нам зерна,
Бьют по цветам и по колосьям слепо,
Как будто радость васильков нам не нужна.

V

Смотрю в туманный день осенний
Сквозь веток черный переплет
На верный зову опасений
Птиц передзимний перелет.

Летят, летят, за стаей стая...
О, если бы могла велеть
Мне сила мудрая, простая –
Куда лететь, чего хотеть?!

VI

В утро туманное и раннее,
На сером и сыром вокзале,
В тягучей скуке расставания
В холодной мгле, в унылом зале,
Перед разлукой без свидания
Слова прощенья и прощания
Вы сухо, как урок, сказали.

«Ведь это и мое желание,
И ведь иначе не могли Вы».
О странной тайне неслияния
Я думал хмуро и лениво;
Не Вас я слушал (знал всё ранее),
Но где-то болью расставания
Свистящие локомотивы!

VII

Посв. В. М. Рудневой

Не связанный в жизни ничем,
Живу я так скучно:
Равно благосклонный ко всем,
Ко всем равнодушный!

Иду отделен от людей
Дорогой особой:
Мне чужды они со своей
Любовью и злобой.

С одним я народом скорблю
(С ним связан я кровью);
Другой безнадежно люблю
Ненужной любовью.

И медленно вянет душа
И чахнет искусство.
И трудно мне жить, не спеша,
Без цельного чувства.

VIII

В летние ночи плохо спится,
Темно и смутно мне в постели,
Я жду, чтоб утром птицы, птицы
В саду запели, засвистели.

Как лодку ветерок попутный,
Меня повлекши, заструится
Сон, и я буду слышать смутно,
Как нежно-остро свищут птицы.

IX

Мало творческой боли,
Мало было труда,
Мало страсти и воли
И на «нет» и на «да».

И теперь, вспоминая
Лет бесцветную нить,
Проклинаю и знаю:
Надо всё изменить.

Нужны новые силы
И в добре и во зле,
Но унылый, бескрылый
Дух мой никнет к земле.

Ищет твердой опоры,
Ищет темной норы,
Ищет мрака, в который
Заползти до поры.

Чтобы жить, чтобы плакать,
Чтоб иметь свой ночлег
И в осеннюю слякоть,
И в слепительный снег.

И молиться, не веря,
И о чем-то просить,
Душу робкого зверя
Пожалеть, полечить...

X

Выше пышных курений, курений заката,
В высоте еле зримой, неисследимой
Еле зримые, нежные дымы!
Я едва вспоминаю о том, что когда-то
Вы мною были любимы...

XI

Хрустальная музыка чеховских слов,
Словно с родины зов, словно дальний зов.
Я хотел бы вернуться, о, Боже мой,
Я хотел бы еще вернуться домой!
И увидеть московский монастырь,
Где схоронен он... и поля... и ширь...

XII

Как исследил сердца людские
Ты, нежный, тихий человек,
Всепроникавшим взором Вяя,
Не подымая грустных век?

XIII

О, неумчивое сердце,
Стучишь-стучишь, стучишь-стучишь
В грудь, в глухо запертую дверцу!
Но отзвучишь... Но замолчишь...

XIV

Далёко, одна на кладбище, лежишь ты,
и я на кладбище том не был.
Далёко, одна... Над могилой синее неяркое, русское небо.
Далёко! И если судьба не захочет, я там никогда и не буду,
И что-то мне шепчет, что я там не буду,
и, может быть, в жизни тебя позабуду.

Есть странная, страшная сила, забвеньё – та сила.
Я знаю: быть может, и ты меня тоже забыла.
Ведь если надрежем мы дерево, новые соки его заживляют,
кора зарастает бесследно.
Что было бы с бедной душою без силы целебной,
без силы победной!

Но мнится мне, ты пред концом, с другими,
с друзьями, с родными,
Средь слез расставания вспомнила старое,
старое, полузабытое имя,

Шепнула его и вздохнула с любовью,
иль горечью, или прощеньем,
Наверно, с прощеньем, мой грех невелик был,
наверно с прощеньем.

Мой грех невелик был: я только любил и не лгал пред тобою.
Быть может, так было и нужно, и так суждено мне судьбою –
Тебя разбудить от дремоты, когда же, проснувшись,
с еще полусонной улыбкой
На мир и меня ты взглянула, – уйти, отвернуться
и горькой признать всё ошибкой.

Но мной пробужденная к жизни, ты в жизни осталась,
Забывла, что было, творила, любила, смеялась
И шла без меня такую уверенной твердой походкой,
Как будто и не было той, которую я покидал
заплаканной, бедной сироткой.

Но что же твой образ душе как упрек и как бремя?
О, тяжесть ошибок, которых уже не искупит ни время,
Ни горечь рыданий, ни страстность молитв, которых не смоет
Вся вечность, что будет, и миг отошедший
тяжелыми волнами скроет.

Вся вечность! Такое простое и всё ж невозможное слово
«навек»:

Над темной могилой струятся всё более темные
и полноводные реки.

Ужели навеки? И вот, когда и меня унесут эти воды,
Не будет свиданья, не будет бессмертья, не будет свободы.

XV

Сердце гонит усталую кровь,
Ширясь чутко и верно.
И сжимается вновь
Мерно, мерно.

Мерно, мерно... Покамест иглой
Старой боли
Тихий кто-то его, тихо злой
Не уколет!

XVI

Посв. Р. И. Гавронской

Как дымно дышат дали,
Как бел победно снег...
Мы так с тобой страдали,
Был судеб беден бег,
Мы долго напрасно ждали
Таких целительных нег!

И вот дождались ныне
Неведомых чудес.
О, дым молочно-синий
Безбережных небес!
Бесследно в снежной пустыне,
Как дым, наш бред исчез.

XVII

Чуть теплится огонь
И сердце чем-то сжато.
Не тронь, не тронь
Цветок без аромата!
Жизнь – как под всадником тяжелым слабый конь.

Нетворческая грусть,
Нет радости в надежде,
Так пусть же, пусть
Всё будет так, как прежде,
Жизнь – скучные стихи, твердимые без чувства наизусть.

XVIII

В темной жажде божества,
О, рыбарь, мы ждем ловитвы;
Но забыли мы слова
Для призыва и молитвы.

О, сердец и душ рыбарь,
Ты когда ж расставишь сети?
Затрепещутся ль, как встарь,
Божьи рыбки, – видишь – эти

Истомленные сердца?
Долго ль ждать нам молчаливо,
Чтоб достигли до Отца
Бессловесные призывы?

XIX

Кто, Строгий, спросит отчета,
Кто, Мастер, посмотрит в срок,
Сработана ли работа,
Исправен ли твой урок?

Как дни безнадежно серы,
Как видно всю будничность дел!
Без трудной, радостной веры
Как скуден бедный удел!

XX

Посв. Р. И. Ф.

Не настало время молиться,
Нет в душе и слов для молитв.

Нам завет – в себя углубиться,
Будет сердце медленно биться,
Как в предчувствии бурь и битв.

Говорить придет еще время,
Нужно только слушать, таясь,
Прорастает ли светлое семя,
И носить, как женщинам бремя,
С чем-то тайным темную связь.

XXI

Всё течет, как вода между пальцев.
Как песчинки года жизни пленной.
Где ж пристанище для скитальцев
По холодным вокзалам вселенной?

XXII

Стал кровавой отравой
Утолявший и чистый родник.
Солнце встало со славой,
Но багровым погас его лик!

XXIII

Вновь отогретая земля,
Полна волшебного бродила,
Несметных травок острия
Вверх протолкнула, породила.

Впивают корни жадно ток
Отстоенный, подземный, острый;

И вспыхнули цветы в свой срок,
Как фейерверк внезапно пестрый.

Повсюду долго спавших сил
Стихийно молодые взрывы:
Их дождь весенний оросил
Под бурь гремучие порывы.

И вновь мои тревожны сны,
И ненадолго вновь забуду,
Что так обманчиво весны
Всегда одно и то же чудо!

XXIV

Не знаю, как она придет,
В ночной ли тьме, в дневном ли блеске;
Не с легким ветром ли впорхнет,
Чуть шевельнувши занавески,
От книги глаз не подыму,
Ее почуяв за спиною,
Но вздрогну, вспомню и пойму,
И медленно, сухой рукою,
Глаза усталые закрою...

XXV

Ах, жизнь была разнообразной
И всё же истомила скукой;
Была ненужной, праздной мукой
Или забавой столь же праздной;
Во что-то верою напрасной
И в чем-то лживою порукой...
О, дорогая, забаюкай
Песенкой тихой и несвязной!

XXVI

В мире простом, со всеми в мире,
Я твердо жить хочу – в тепле,
В уютной и жилой квартире,
Не думая о зле, о мгле.
Но нет, не быстрое ль движенье
Земли среди планет, в эфире
Дает мне головокруженье?
И вот мне неуютно в мире
На твердой и земной земле.

XXVII

На день в вагоне жизнь кажется мне сегодня похожей:
Тряска, копоть и каменный уголь
Проникают в уши и в глаза черной пылью.
Жизнь мне кажется похожей на каменные и железные вокзалы,
На их холодные, пыльные залы.
Даже ты не утешила меня, подруга
Светлая, у которой ищу утешенья.
Ты тоже
Бессильна...

XXVIII

Дождь, затихая, еле-еле
Незвучно к нам в окно стучит.
И в затененном свете лампы
Белеют по стенам эстампы.
Вещей знакомых милый вид.

Какое странное прозреньё,
Какая боль, какой испуг!

О, неужели, неужели
Нам суждено с тобой без цели
Скитаться в мире, бедный друг?..

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ГЁЛЬДЕРЛИНА (1770–1843)

I К ПАРКАМ

Одно лишь лето дайте, вы, мощные,
Одну лишь осень зрелых напевов мне,
Чтоб легче сердце, сладким пеньем
Долу насытившись, умерло бы.

Ведь душам, в жизни не воплощающим
Извечных и божественных прав своих,
Не даст забвенья даже Лета.
Если же песнь моя мне удастся:

Привет тебе тогда, ты, о мир теней!
Я буду светел, если б и не было
Со мной там лиры. Всё ж однажды
Жил я, как боги, а это – благо.

II

Душа приятное в сей жизни уж вкусила.
Где то, что в молодости было мило?
Апрель и май, июнь прошли. Как дни унылы!
Что я? Ничто. Жить не хочу, нет силы...

III

Увесили вы берег
Над озером розами
И желтыми цветами,
О, милые лебеди;
И в безумии страсти
Погрузили голову
В священную, трезвую воду.

Увы мне, где обрету я,
Когда зима настанет, цветы
И сияние солнца,
И тень земную?
Стены стоят
Безмолвны и холодны, под ветром
Треплются флаги.

IV

ВЕЧЕРНЯЯ ФАНТАЗИЯ

Под мирной сенью хижины пахарю
Очаг отраден, малым доволен он.
В долине путник слышит звоны,
Колокол тихий на близкой церкви.

Вернулись в гавань все корабельщики,
Далекий город шумы веселые

Смирят. Тихо. И в беседках
Мирно друзья коротают вечер.

А что же я? О, если б я жил, как все,
Труда поденщик, в смене размеренной
Забот и мира. Спят все. Что же
В сердце моем не смирилось жало?

В вечернем небе, словно весна цветет,
Несчетны розы. В славе и золоте
Сияет мир. Туда, туда бы
К тучам пурпурным, там в свете и в воздухе

Растает, растворится и жизнь, и боль!
Мольбой ли глупой вспугнуто, кануло
Очарованье? Смеркло. Снова
Я одинок, как всегда, под небом.

Приди же, сладкий сон! Слишком многого
Так жаждет сердце! Но отпылаешь ты,
Мечтательная так тревожно
Юность... И ясною будет старость.

V ПРОЩАНЬЕ (ДИОТИМЕ)

Если я со стыдом сгину, и дерзким, им
Не отмщу и сойду в гроб обесславленным,
И меня одолеют
Силы, духу враждебные –

Пусть тогда и тобой буду забыт, навек,
О, красней за меня, мучься и ты стыдом,
Ты, любимая мною!
Нет, и тут пусть не будет так!

Но предчувствую я: буду один, один...
Гений светлый, и ты бросишь! И духи лишь
Смерти будут мне струны
Сердца, струны все, рвать и рвать.

Кудри юности, о, осеребритесь же!
Краток будет мой день, завтра же что нас ждет?..
...меня на пустынный здесь
Двух дорог перекресток
Боль разящая кинула!

VI

В молодые годы был я так утру рад,
И плакал горько вечером! Ныне же
Я день сомненьем начинаю –
Радостен, свят мне тихий мой вечер.

ПРОЗРАЧНЫЕ ТЕНИ.

ОБРАЗЫ

1920

* * *

Благословляю малый дар,
Скупой огонь, возжженный Богом.
Его питает сердца жар,
Но не разжечь в большой пожар
Его ни бурям, ни тревогам.

Благословляю тайный знак
Далекой красоты духовной.
Мой уголек, мой алый мак.
Не от него ли сердце так
Тревожно бьется и неровно?

* * *

О чем-то светлом всё еще мне снится.
Надеждой замыкаю каждый день.
Но вот уже мне на руки ложится
Еще не близкой ночи тень.

Как прежде верю: будет всё иное.
Но изредка уж прозреваю я:
Всё то, что было в жизни здесь со мною –
Судьба моя и жизнь моя!

* * *

Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать.
Нет драгоценных в ней камней, нет драгоценных дней,
Нет слов поющих, словно мать, чтоб боль людскую укачать.
Чем боль людскую мне унять, что буду делать с ней?

Я боль одну, свою, люблю, о ней одной пою,
Ее я людям отдаю, ее, мою, другим.

Что делать людям с болью той, с ее певучей красотой?
У них своя. Не стой, не пой, не будь помехой им!

У них своя, как у тебя, у каждого своя.
И замкнут каждый человек в ту боль свою навек.
И каждого влечет ладья по быстрым водам бытия...
Моя погибнет иль твоя? и где же устье рек?

* * *

Гр. Н. В. Толстой

И бездна нам обнажена.

Тютчев

Мы в пуховом уюте гнезд
Лежим, не видя светлых звезд,
Ни темного вокруг них эфира.
Но в дни великих перемен
Разомкнут круг и мирный плен
Безмерной пустотою мира.

Не кровь, не ужасы страшны,
А странные под утро сны
И ночью тишина бессонниц
И шорохи невнятных слов
И гуд немой колоколов
С подземных, с отдаленных звонниц;

И ветер, что встает и рвет
С стоячих, милых, тихих вод
Загнившую цветисто ряску;
Блеск темный глаз, зубов оскал,
Который жутко засверкал
Сквозь приглядевшуюся маску.

* * *

За стеною я слышу чтение,
С остановками, по складам...
Видно, много нужно терпенья,
Чтоб прочесть бульварный роман.

Женский голос глухой и печальный...
Я почти не слышу слов.
Только тихий темп музыкальный
Долго-долго я слушать готов.

О исканья того же духа,
Что живет во мне и со мной:
Этот голос, звучащий глухо,
Заглушенный двойной стеной.

Как молиться молитвой чудесной,
Как молитву отдать словам,
Чтоб открылся, и мне безвестный,
Духа мир, – чтоб открылся вам!

* * *

Ты спишь неслышно рядом,
Дай дверь приотворю.
На миг одним хоть взглядом
На тебя посмотрю.

Ни шороха, ни слова!
Но так мне в тишине
Спокойно от родного
Дыханья во сне.

Слегка оправлю косы,
Едва коснусь волос...

Как будут свежи росы
Утром у роз!

ОЖЕРЕЛЬЕ

Меж нами память нижеет ожерелья
Из наших утр, дней, вечеров, ночей.
Алмазы радости, стразы веселья,
Кораллы боли. Полные лучей
Опалы слез. И черные печали
Жемчужины. И розовый, как дали
Под утро, жемчуг нашей алой зорьки.
И между всех, из тайных недр их вынув,
Вплетает память (милый миг и горький!)
Осколки утомительных рубинов.

* * *

Я не знаю, играет ли сладостный хмель,
Золотой жужжит ли в нем шмель,
Но ужалено сердце любовью такой
И такой пьянящей тоской.

О, шмель волшебный, жужжи, гуди!
Трепещи, ворожи в груди.
Как сияют, как искрятся крыльца твои
Многоцветной пылью любви!

ГРОЗА

Всё вспыхнуло огнем.
Зазубренным зубцом
Рассéкла небо молния.
А там вдруг топором

Рубнул по тверди гром.
И грубым топорищем
Ударил он потом
По бочек грузным днищам.
И бочки, влагой полные,
Как полный водоем,
Вниз пролились дождем!

ЗАКАТ

Розовы заката огни.
Свежи ароматы в тени.
Вечер тих и матов – взгляни.

Нежно-огневая вода.
Небо – окон рая слюда.
Тучка дождевая – куда?

Ливня отзвенела струна.
Небо засинело без дна.
Золото зардело руна.

Тени навевая, стеля,
Тьмою напоая поля,
Ночь слетает, тает земля...

РОНДЕЛЬ

Не Сонет, размеренно четкий,
Не его ровный холодный свет,
Не его строфы, четкие четки, –
Не Сонет.

Нет, Рондель изберет поэт,
Чтоб в ее быстрый, волшебно-короткий
Блеск – воплотить свой мгновенный бред.

Только Рондель грациозна кроткой
Грацией девочки в пятнадцать лет
С тонкою шеей, окаймленной бархоткой –
Не Сонет!

К КНИГЕ «РОНДО РОНДЕЛЕЙ»

Fly, white butterflies.

Swinburne

Летите, летите, рондели,
Летите, бегите, спешите,
Без думы, без воли, без цели
Летите!

Как осенью легкие нити
В полях паутины летели,
Летите и душу маните.

Как жаворонка легкие трели,
Как легкие волны отплытий,
Как легкие звуки свирели –
Летите!

* * *

Не всё ли равно мне, где жить и томиться
Любовью земной и печалью земной,
Откуда к безвестному страстно стремиться?
Ах, всё равно! всюду я буду молиться,
Любить красоту и дышать тишиной.

Россия далекая, образ твой помню,
Но вижу в мечтах столь прекрасной тебя,

Что, может быть, дома я был бы бездомней!..
Не всё ли равно мне, не всё ли равно мне,
Где верить в тебя мне, где помнить, любя?

А если забвеньё в душе уничтожит
Тоску по тебе, неразумную боль, –
Что ж! Тем, кого совесть бессильно тревожит,
Кто биться не хочет, забыться не может,
Где жить и где быть им – не всё им равно ль?!

Здесь умного, бодрого гость я народа,
Здесь больше смеются и легче живут,
Светлей здесь, изящней и ярче природа,
Здесь даже на тюрьмах есть надпись «свобода»
И ласковой смерть и упорнее труд.

Здесь так же вдыхаю я полную грудью
И пряный и сладостный воздух весны.
Здесь так же иные бесценны мне люди,
И так же молюсь я о радостном чуде
И вижу тревожные, странные сны.

Весною и здесь благоуханные ночи
Полны до краев темнотой, тишиной,
Когда лишь приблизившись, милые очи
Влюбленные видят, а речи короче
И словно насыщены тьмою ночной.

И здесь буду жить я и, может быть, долго!
И здесь я умру, если так суждено...
Что ж кажется жизнь мне здесь бременем долга,
Что ж снится мне Север, Москва моя, Волга?!
И плачу во сне я... О, не всё ли равно!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вижу твое искаженное злобой и страстью лицо,
Россия, Россия!
К тебе приковало меня роковое какое кольцо?
Неразрывные цепи какие?

Я так стремился к тебе, и еле тебя узнаю:
Вдохновенную, мерзкую, злую, святую,
И, быть может, великую, только не ту, не мою,
А другую, другую!

* * *

И. И. Фондаминскому

Не в светлый год, а в скорбный год
Вернулся я на Русь.
И вот живу, и вот, и вот
Кощунственно молюсь!

Благодарю Тебя, Господь,
Что дал Ты благо мне
Всё пережить и обороть
И быть в родной стране.

Благодарю свою судьбу,
Что кончен долгий сон,
Когда я заживо в гробу
Был тесном погребен.

И мир казался наг и пуст
И сух, как голый куст,
И воздух тяжело, душно густ
Для страдных, жадных уст.

Пусть услышал я в злой июль,
Как пенье странных птиц,
Те свисты, всхлипы, взвизги пуль
На улицах столиц.

Услышал грохоты громов
И скрежеты зубов,
Как будто вои мертвецов,
Восставших из гробов.

Увидел бедную страну,
Страну надежд моих,
Как бесноватую жену,
Что в корчах бьется злых.

Но всё во мне кричит, вопит:
Я жив, я жив, я жив!
Кругом распад, разгул и стыд.
Но я, я жив, я жив!

Смерть стережет, как хитрый зверь,
Висит над головой.
Но если я умру теперь –
Я в жизни жил – живой!

* * *

И вот опять, и вот опять мы здесь, в Москве, с тобой.
И эту радость испытать нам суждено судьбой:
С тобой прийти к истокам вспять, о, друг любимый мой.

Здесь можно меньше тосковать, забыть, что близко дно,
Здесь можно жить да поживать, а как, не всё ль равно!
И горе легче избывать, коль горе суждено.

Быть может, будет жизнь легка и милосердна к нам,
И рока поведет рука по мирным нас тропам.
Здесь можно жить легко, пока не оскудеть годам.

И жизнь так не замечать, как воздуха кругом,
Словно рассеянно читать романа милый том,
Не ждать, не думать, не гадать о том, что ждет потом.

И в рое будничных забот, забав, затей, труда
Здесь можно будет кончить счет, когда придет череда,
Чтоб скрыться с глаз за поворот пути, идя куда?..

* * *

О, что здесь есть, кроме усталости?
Смотрю на вас, друзья мои!
Немного мудрости и жалости,
Немного боли и любви;
Да тень прозрачная вечерняя –
Еще не близкой смерти час,
Да жизни будничные тернии,
Деля, соединяют вас!

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Мне тени мертвые предстали
На краткий час.
Слова забытые шептали
Еще мне раз.

Припоминали всё, что было
Давно-давно.
Что сердце бедное забыло,
Как суждено.

И было мне немного страшно,
Слегка, чуть-чуть.
Тоской и радостью вчерашней
Сжимало грудь.

Немного страшно, неуютно
На беглый миг
Увидеть с яркостью минутной
Былого лик.

Или магическое средство,
Безбольный яд,
Вернули юность мне и детство
На миг назад?

Когда бы это просто память
Зажгла свечу,
Я зажигал ее бы пламя,
Когда хочу.

Нет, без желанья, против воли
Пришли они,
Сгустившись в каплю сладкой боли,
Былые дни.

ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ

Совсем небольшой ныне стала земля,
Который уж год:
С тех пор, как вдали, клубы дыма стеля,
Легко бороздя водяные поля,
Бежит пароход.

Совсем небольшой и уютно земной
Уютом квартир,

Знакомой, доступной, обычной, родной.
Она не загадочный и не иной
Таинственный мир.

Но вот я хочу увидеть красоту
Ее – до конца.
Как каждую перед разлукой черту
И каждую складку, и эту и ту,
Родного лица.

Чтоб стало еще мне милей и родней
Родное мое.
Чтоб душу насытить всей прелестью дней
И без сожаленья покоиться в ней,
Уйти от нее!

В ЯПОНИИ

I. Рисовые поля

Деликатные усики риса дрожат,
Не поля, а игрушечный сад.
Грядок тоненьких светло-зеленых ряды
Из-под темно-зеленой воды.

Деликатные усики риса дрожат.
Ряд и ряд, ряд и ряд – квадрат.
Как квадратиков шахматных точны ряды,
Как фарфоров глянец воды!

Деликатные усики риса дрожат,
О, Япония, – ласковый сад.

II. Токио

По улицам Токио
Туфли шуршат.
Башмаки деревянные
– Ток-ток – стучат.
Люди странные,
Поклоны глубокие.
Какие далекие,
Какие обманные
На улицах Токио
Огни дрожат...
Дни ворожат...
Сны сторожат...
В цветистом потоке я
Иду наугад.
И чуждую душу я
Рассеянно слушаю:
Башмаки стучат...
Туфли шуршат...
Люди спешат...

III. Сайонара

Вере Инбер

Мать с сынком своим играла,
Наклонялась, убежала,
Вновь сначала начинала,
Улыбалась и кричала:
«Сайонара» –
До свиданья.

И хорошенький япончик,
Круглый, пухленький, как пончик,
Хохоча всё звонче, звонче,

Кимоно ловил за кончик:
«Сайонара» –
До свиданья.

Любовался я простою
Этой милою игрою,
Вспоминая, что порою
Так мой сын играл с женою:
«До свиданья» –
Сайонара.

Разве я чужой, прохожий?
В мире всё одно и то же.
Разно так и так похоже!
Вот уеду – ну так что же?
«Сайонара» –
До свиданья!

* * *

О, стихи, вы никому не нужны!
Чье отравит сердце сладкий яд?
Даже те, с которыми мы дружны,
Вас порой небрежно проглядят.

И одна, одна на целом свете
Ты теперь, быть может, после дочь
Полно примут в душу строфы эти,
Над которыми я плакал эту ночь.

ОБРАЗЫ

СЕЗАНН

М. Ф. Ларионову

Вот яблоки, стаканы, скатерть, торт.
Всё возвращаться вновь и вновь к ним странно.
Но понял я значенье Natures mortes,
Смотря на мощные холсты Сезанна.

Он не поэт, он першерон, битюг.
В его холстах так чувствуется ясно
Весь пот труда и творческих потуг.
И все-таки создание прекрасно!

В густых и выпуклых мазках его,
Как бы из туб надавленных случайно,
Царит, царит сырое вещество,
Материи безрадостная тайна.

На эти Natures mortes ты не смотри
Лишь как на внешние изображенья.
Он видит вещи словно изнутри,
Сливаясь с ними в тяжком напряженьи.

Не как Шарден, не так, как мастера,
Готовые прикрасить повседневность,
Которых к Natures mortes влечет игра,
Интимность, грациозность, задушевность.

Сезанн не хочет одухотворить
Их нашим духом, – собственную сущность
Дать выявить вещам и в них явить
Материи живую вездесущность.

И гулкий зов стихии будит в нас
Сознание мировой первоосновы.
Ведь семя жизнь несет в зачатья час
И в корне мира Дело, а не Слово.

Утерянное он нашел звено
Между природой мертвой и живою...
Как странно мне сознание мировое
Того, что я и яблоко – одно.

ВАН-ГОГ

Н. С. Гончаровой

О, бедный безумец Ван-Гог, Ван-Гог!
Как гонг печальный звучит твое имя...

Сновидец небывалых снов, Ван-Гог!
Стою захвачен вихрями-холстами.
Кто показать с такою силой мог,
Как жадными несатыми устами
Подсолнечники желтые, как пламя,
Пьют солнца раскаленно-белый ток?
Порою ты, как буйный демагог,
Вопишь с холста, и краски – бунт и знамя.

О, красные и синие фанфары,
О, этот крик, сияющий и ярый,
О, желтые и алые снопы!
И это рядом с «комнатой» убогой,
Где дышит всё гармонию строгой,
Где тихо всё и всё – не для толпы.

В ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ А. Ф. ОНЕГИНА

I

Какое странное виденье!
Кругом живет, бурлит Париж,
Моторов резкое гуденье
Прорезывает улиц тишь;
В ушах еще слова чужие
И блеск толпы чужой в глазах,
А здесь – не дальняя ль Россия
И не в тридцатых ли годах?

II

Рисунки, и книги, и вещи...
Ах, то, что мертво – то мертво!
Но голос не шепчет ли вещей
Здесь светлое имя его?
Лица столь знакомого очерк,
Исчерченный им манускрипт,
Всё, всё и не самый ли почерк –
Ключи от таинственных крипт,
Где мрак чуть зазубрили свечи,
Где дух его веет и вот
Бесплотную руку на плечи
Мне тихо и строго кладет.

ПРОДАВЕЦ КАРТИН

Умный, грустный, с большим лбом и кожей
В складках иронических – вот так.
Флегматично сильный, не тревожа
Мир чрез мир идущий, чуть похожий
На больших, худых, не злых собак.

Был и анархистом... Надоело!
– Голодать. Статьи писать. Мечтать.
Может быть и будет – что за дело!
Только нет: упорной, черствой, целой
Жизни не сломать ведь, не сломать.

Книги брось, пройдишь-ка по Парижу,
Громко проклинай иль зло шепчи
Городу глухое «ненавижу».
Он в ответ: «Людей, как бисер, нижу
В ожерелья. Покорись! Молчи!»

Покорился. Мускулы упруги,
Гибок ум. На ум здесь есть цена.
Дни и годы – круги, круги, круги.
Так женился. Ласковой подруги
Принял ношу он на рамена.

Опьянялся книгами, стихами,
Красками сияющих картин,
Сладкими прекрасными грехами,
Пьяными и острыми духами.
Но порой вставал в нем мутный сплин.

И когда в гостях у принципала
Шелестел нарядов пышный шелк
И сияли нежных плеч опалы,
Просыпалось то, что тайно спало:
В добром псе – свободный, злобный волк.

И тогда вдруг становилось жутко
Томной собеседнице его.
«Что я – дама или проститутка?
Он влюблен иль это только шутка?
Злая шутка, больше ничего!»

И жена, ребенок, парижанка,
Элегантно-милое дитя,

Думала (а в сердце ныла ранка):
«Для него я словно иностранка».
И звала домой его, шутя.

И в авто ему слегка ласкала
Руку гантированной рукой.
И пугалась вдруг зубов оскала,
Пламени, которое сверкало
В глуби глаз его глухой тоской.

Дома же огромными шагами
Он ходил, как в клетке, по ковру.
О борьбе с какими-то врагами
Грезил. И топтал врагов ногами!
Так всю ночь. И шел в бюро к утру...

ПАРИЖ

Париж суровый, темный, черный.
Как ночь темна, но как звездна!
Как четко в небе видны зерна –
Звезд золотые семена.

Туманно-пыльный, дымно-белый
Рефлектора молочный луч
Пантерой вкрадчивой и смелой
Бросается на груды туч.

Тупым концом большого клина
Обшаривает небосклон:
Не видно ль призмы Цеппелина,
Не тут ли вражий авион?

Иду и пью холодный воздух.
Какая тьма, какая тишь!
Какой прекрасный строгий роздых
Средь бурь и битв твоих, Париж!

ПАМЯТИ ЯКОВЛЕВА¹

Он твердо жил и твердо умер,
Из материалов крепких сбит.
Чужой мундир. На кэпи номер
Чужого счета. Он убит!

Убит так быстро, так мгновенно.
Он умер, а не умирал.
Как будто силой сокровенной
По сердцу смерть себе избрал:

Такую быструю, простую,
Бесхитростную. Умер вдруг.
Не сожалея, не тоскуя,
Без долгой агонии мук.
Как будто в жизнь его иную
За руку твердо вывел друг.

ПЛЕННЫЕ

Пленные вяло шли,
Серые, обыкновенные,
Дети тяжелой земли,
Пленные.

Словно каждый их шаг
Делал возврат безнадежнее,
Глубже окутывал в мрак
Прежнее.

Только один офицер
В позе искусственной гордости
Дать им старался пример
Твердости.

---

¹ С.-р, эмигрант, погибший волонтером во французской армии.

Чтоб аккуратно шаги
Землю французскую мерили,
Чтобы в мощь немцев враги
Верили!

Шаг был уныл у солдат,
Лица ж их грустными не были...
Жизни ли каждый был рад?
Хлебу ли?

О покоренной земле
Греза исчезла ль их смутная,
Чадно зачатая в мгле,
Мутная?

Рок уж не будет всегда
Смертью грозить им иль раною.
Радости смесь и стыда
Странная –

В них... Чистота и покой
Душ, где уж бой еле помнится,
Тихо безбольной тоской
Полнится.

Жадно смотрела толпа:
«Те, кто к войне нас принудили,
Те, чья жестокость слепа,
Люди ли?»

Люди, как мы, лишь полней,
Плотные, белокурые,
Только грубей и грустней,
Хмурые.

Только мундиров покрой
Станный, да длинные бороды».

...Пленные шли как сквозь строй
Города!

МАРАТ

Кутается в теплый халат Марат
От жара и от озноба.
Глаза горят и руки дрожат,
Он людям брат, он не злой – Марат!
Но он проклял мир, как проклятый ад,
И в душе – горящая злоба.

Он пишет, и пишет, и пишет – Марат.
Каждый день листки корректуры.
Глаза болят, ночники чадят,
Он тяжело дышит и пишет – Марат,
В промежутках глотая микстуры.

На лице, на руках, на теле – сыпь.
Словно сердца горячая лава
Прорвалась, как фурункулов гнойная сыпь.
Ночью мучат сны – страсти мертвая зыбь,
И встает он, как птица ночная, как выпь,
И строчит фельетон кровавый.

Это боль и грязь, это стыд и грязь
Всей неправды земной, окаянной,
Что веками копилась и вот прорвалась.
Он пишет и кровью дышит, смеясь...
И пахнет удушливо ртутью мазь,
И стынет горячая ванна...

ПРИНЦЕССА ЛУИЗА

«Vite, vite, au paradis, au trot, au galop!» Это
Перед смертью в бреду говорила принцесса Луиза.
О, галопом в рай! Кто смеет остановить карету
Дочери короля? Или Дю-Барри, или маркиза
И в рай посмеет пробраться интригами
И будет на выходах Бога ближе к нему, чем она?!
И там в раю посмеются над ее власяницей, над ее веригами,
И будет даже в раю она не нужна!
Или напрасно она променяла весь блеск Версаля
На крохотную келью монастыря?
Она не могла смотреть на эти нравы серала
Людовика Пятнадцатого, ее отца, короля.
Сколько раз она мечтала о подвигах Баярда,
Александра, Вобана. Но, увы, для принцессы
Суждены только выходы, танцы, приемы и карты,
Интриги, и сплетни, и сухие бездушные мессы!..
И она постриглась. И ей удивлялась Европа.
«Кучер, прямо в рай, поскорее, рысью, галопом!»

КАВАЛЕР

Ночь, и тишь, и имя «Мэри»
В тихом сердце. Завтра бой.
Эти люди, эти звери
Там за дымкой голубой.

Близок час борьбы и гнева,
Уж недолго до зари.
Нынче имя королевы
Будет лозунг наш: «Marie!»

Это имя, имя «Мэри»,
Светлой девушки моей.

Ждут, быть может, нас потери,
В грозный час я буду с ней.

Песни гордости и славы
Будем петь пред битвой мы,
А враги тянуть гнусаво
Хриплым голосом – псалмы.

Затрещат вблизи мушкеты,
Наши души веселя.
Вспомним мы свои обеты
Умереть за короля.

Наша истинная вера
Даст мне мужество в бою.
Я, быть может, Оливера
В схватке встречу и убью.

Иль, кто знает, в миг опасный
Королевского коня
Под уздцы рукою властной
Я из вражьего огня

Увлеку. И будет в гневе
Мне король грозить мечом.
Но, простивши, к королеве
Он пошлет меня гонцом.

Возвещу я ей победу,
Сообщу, что жив король,
И с почетом с нею въеду
Я пажом ее в Вайтголь.

Мне с тех пор, как я из школы
Убежал – не жизнь, а рай!
Стану ль я твердить глаголы,
Коль в беде родимый край?

Прочь пандекты и трактаты
И проклятую латынь!
Одевай, как воин, латы,
Жизнь в игру, как ставку, кинь!

Пусть отец грозитя высечь
И проклясть, как Хама – Ной.
Нас здесь юных много тысяч,
Он в душе гордится мной.

И гордится мною Мэри...
Помню, помню старый сад,
Молоток у милой двери,
Розы, плющ и буков ряд.

Парк, где так красиво ивы
Отражаются в воде.
Я хотел бы знать, всё ль живы
Те же утки на пруде?

В расставанья миг последний
Помню слезы синих глаз,
Помню, как я за обедней
Видел Мэри в первый раз.

В белых туфлях помню ножки,
Белизну прелестных рук,
Тихо гладивших застежки
Старой Common Prayer Book...¹

Но уж поздно, в росах травы,
Бога я пред сном молю:
Мэри счастья дать, мне – славу,
И победу королю!

---

¹ Комон прээр бук – английский молитвенник.

ЦИЦЕРОН

Он с обреченными связал свою судьбу.
Он близких к гибели и слабых на борьбу
Звал за бессильные и дряхлые законы.
Но с триумвирами и рок, и легионы,
Но императорских победен взлет орлов,
А у сената что? Запас красивых слов!

Повсюду сеял смерть Антоний-триумфатор.
И старый Цицерон, как бледный гладиатор,
Увидевший свой меч раздробленным в руках,
В огне отчаянья сжег месть, и страсть, и страх,
И без надежд, и груз неся разуверений,
Бежал. Но беглеца убил солдат Геренний.

Антоний с Фульвией, справляя торжество,
Велели голову точеную его
С трибуны выставить, с которой он, оратор,
Как славный адвокат, как консул, как сенатор
К народу говорил и где звучала речь –
Щит беззащитного, попранной правды меч.

И после, выпросив ее, взяв на колена,
Смотрела Фульвия в глаза, добычу тлена,
Бескровный медленно колола злой иглой
Язык, насмешкою ее коловший злой,
Когда в периодах, толпой бегущих тесной,
Он стыд блудницы жег и ранил честь бесчестной.

РИМ

Ты видала ль во время отлива на отлогом прибрежьи морском
Груды раковин, камней точеных,
черных крабов под влажным песком?

Между руин старинной арки.
А в бледном небе – мрамор туч.

Вершины старых стройных пиний
Растрепаны и тяжелы.
Но дивной правильности линий
Ввысь устремленные стволы.

Их ветер словно опახала
Качает мерною рукой.
Те ритмы сердце услышало
И полюбило строгий строй.

А дальше, как колонны арки
Незримой, – кипарисов ряд,
И словно альт густой и яркий
Поет тяжелый их наряд.

В РИМЕ

Как Одиссей к Пенелопе,
Своей супруге любимой,
Так я возвратился к Европе,
Изгнания ветром гонимый.

О, древних и вечных камней
Страна, – привет тебе низкий!
Италия, ты дорога мне,
Как некто любимый и близкий.

Не надо музеев-мумий.
Скорее мимо них, мимо!
Бродить в толкотне и шуме
Живописных улочек Рима.

Какой здесь воздух горячий,
Горизонт ничем не задымлен.

Здесь всё было так, не иначе
И у древних некогда римлян.

Работали, торговали,
На улицах весело вздоря,
И так же вино попивали
В тени небольших тратторий.

Во фьасках того же калибра
Было так же оно кисловато.
И желтые воды Тибра
Под мостами влеклись куда-то.

Такие ж смеялись лица,
Такие ж звенели крики.
Хорошо здесь бродить и молиться,
О, Боже, Боже великий!..

МЕСТЬ

Царь в Новодевичий послал монастырь
К игуменье, бывшей царице.
Врывается в келью покинутый мир.
Приказ ей: к Борису явиться.

Монахиню-гостью при тусклой свече
Встречают Борис и Мария.
Царь в скромном кафтане, царица в парче.
Что скажут слова роковые?

Под благословенье подходят. «На нас,
Мать Марфа, не держишь ты злобы?»
– Мирское отвергла я в пострига час
И мне недалеко до гроба.

Садятся, заводят степенную речь
Про службы, посты, прегрешенья.

Но нужно Борису враспloch подстеречь
Угрозу и тайну решенья.

«Воскрес, слышь, твой Дмитрий? Чай, рада тайком
И хочешь признать самозванца!»
На бледных щеках под ее клобуком
Огонь загорелся румянца.

«Ну, что ж ты молчишь? Иль не умер твой сын!»
И в голосе тихом – угрозы.
Чуть слышно в ответ: «Знает Бог то один!»
Сдержала усилием слезы.

И смолкла и стала смиренно немой
Под крики царицы и визги.
А в сердце тоска: «Митя, мальчик ты мой!
Забуду ли крови брызги?»

«Иль думаешь впрямь ты, что жив еще он!»
Жуть холода, мщение близко.
«Ну, что же, знай правду: его Симеон
От псов твоих спас, Бориско!»

Царица Мария схватила свечу:
«Спалю твои подлые очи!»
Царь вырвал свечу. Мрак. И чей это – чу, –
Чей смех это тихий средь ночи?

* * *

Но высший суд ему послал
Тебя и деву – эвмениду.

Пушкин

Я ненависть долго и страстно копила,
Я огненной влагою душу кропила,
Цедила по капле таинственный яд.

Искала, как клад, я все горькие травы
Обиды, отравы для жатвы кровавой.
И ныне насыщен мой дух и богат.

Я ждать буду долго, упорно и долго,
Покорна железному бремену долга,
Уйду я в подполье, в незримую тишь.
Пугливо, как мышь, промелькну осторожно
И скроюсь тревожно, как призрак неложный,
Как статуя вечером в сумраке ниш.

И будут заемны лица выраженья,
Рассчитаны речи и точны движенья,
Я выдержу долгую дней череду,
И силы найду я носить эту маску,
Как драмы завязку, чтоб страшную сказку
Узреть наяву, и в чаду, и в бреду.

И кружева жизни его я сплетенья
Распутать смогу терпеливою тенью,
Узоры, которых он сам не постиг.
Как демона лик или ангела мщенья
Явлюсь для свершенья святого веленья.
На путь его стану в назначенный миг.

И только его приближенье замечу,
Как дикая кошка я кинусь навстречу,
Снаряд подыму свой и брошу с плеча.
Меч взяв от меча я погибну, нарушу
Завет и обрушу гнев божий на душу
И твердо отдамся рукам палача.

ПОБЕГ

Она сказала: «Больше не могу.
Сегодня или никогда. Сегодня.
Пусть я погибну – всё же убегу».
Была весна и Волги полноводней
Я не видал, такой, как нам матрос
Седой, крестясь, сказал: «шири Господней».
Простор упругий разбухал и рос,
Как статной женщины кормящей груди.
А я смотрел на змейки темных кос,
На профиль милый и судьбу о чуде
Молил. С побегом более тянуть
Нельзя. Ну что ж. Пусть будет, «буди, буди!».
Ее мы быстро снарядили в путь,
Зашили деньги, узелок свернули,
Двух часовых решили как-нибудь
Занять беседой, чтоб ее от пули
Злой уберечь. Простившись быстро с ней,
На палубу пошли и затагнули
Мотив малороссийский: «Э-ге-гей».
Сказал солдат-хохол: «поете славно».
Разговорились мы. Он о своей
Хохландии, покинутой недавно,
Рассказывал. А часовой другой
Над ним смеялся. Видел я, как плавно
Она вздымала руки над водой,
Порой ныряла (о, как сердце билось!)
И вновь всплывала. Силы молодой
Доплыть хватило. Вот надолго скрылась
И вдруг, неожиданно легкая, вдали
В гору идет, бежит, остановилась,
К нам обернулась (еле мы смогли
Сдержат крик страха!). Истоиво, поклоном
Нам поклонилась низким, до земли,
И скрылась в полусумраке, за склоном.

КРОВЬ НА СЧЕГУ

1939

КАМИЛЛА

1. ЗА РОЯЛЕМ

Камилла играет на рояли
– До ре ми, фа соль, фа ми –
И следит напряженно за своими пальцами,
По клавишам неопытными скитальцами,
Чтобы не разбегались, чтобы не убегало,
Куда не надо,
Белых барашков, черных ягнят –
Клавишей непослушное стадо.
А за окном манит, манит сад.
В аллеях сада
Мальчишки играют в войну и парады.
В зале прохлада
И колонн облупившихся белый ряд.
До ре ми, фа соль, фа ми.
Как хочется Камилле играть с детьми!
Как скучно повторять те же гаммы подряд,
А надо...

2. БАЗИЛЬ

Базиль приехал странный, словно обновленный весь,
Ходил в костюме белом, парусиновом
С открытым воротом. И шея тонкая
От солнца загорела. Был высок, как жердочка,
И неуклюж и вместе грациозен он.
Ломался голос, и глаза как будто глубже внутрь
Ушли и не по-прежнему смотрели на мир:
Уже не просто миру отдавались. Нет!
А из засады, за бруствером затеняющих ресниц
Смотрели с любопытством настоженным.

Похож он стал на день весенний, мартовский,
Недаром голос у него звенел, как лед на лужице
Едва подмерзшей. Улыбался, хмурился
Он неожиданно. То был весь трепетный
И бесконечно мягкий. То вдруг в комнату
Капризно запирался и грубил без повода.
Когда же в первый раз с глазу на глаз
Они вдвоем остались – так смутился он,
Что покраснела даже шея загорелая.

3. ФИЛА<Н>ДЖИЕРИ

Над книгою Фила<н>джиери
Как сладко сидеть вдвоем.

На месте всё том же, всё том
Всё та же раскрыта страница.
О чем же, о чем, о чем,
О чем же теперь им снится?
О мудром ли Филанджиери
И его уверенной вере,
Что можно как прочный дом
Устроить государство?
Но мудро любви коварство,
Тебе, о Филанджиери,
И не снилось, верно, о том,
Что твои страницы – кому-то двери
К голубой, воздушной, нездешней сфере,
О старый и милый Филанджиери,
О толстый, растрепанный том!
И затем ли скрипели гусиные перья
В твоей руке, Филанджиери,
Чтоб любовь посмеялась, как легкая Пэри,
Над твоим седым париком?

НИКОЛАЙ I

1

Как медленно течет по жилам кровь,
Как холодно-неторопливо.
Не высекала искр в душе твоей любовь:
Ты как кремень, и нет огнива!

Как вяло тянутся холодной прозой дни:
Ни слов, ни мук, ни слез, ни страсти.
Душа полна одним, знакомым искони,
Холодным сладострастьем власти.

Повсюду в зеркалах красивое лицо
И стан величественно стройный.
Упругой воли узкое кольцо
Смиряет нервов трепет беспокойный.

Но всё ж порою сон медлительной души
Прорежет их внезапный скрежет,
Как будто мышь грызет, скребет в ночной тиши
Иль кто-то по стеклу визгливо режет.

2

Помнит он те недели,
Когда они вместе сидели,
Невеста с женихом.
Помнит он те недели,
Когда Малек Аделя
Они читали вдвоем.
Читать ему было скучно,
Вздыхать ему было скучно,

Какой забавой докучной
Казалась любовь ему!
Но он знал, что это надо:
Поцелуи и нежные взгляды,
Воздыхания и наряды, –
Он не знает сам почему,
Но он твердо знает, что надо.
Есть ученья и есть парады,
Представленья и маскарады,
Панихиды, разводы, награды,
И любви есть также обряды,
Нужно знать добросовестно их.
Вот назначен он батальонным,
Будет после и дивизионным,
А теперь быть должен влюбленным,
Как прилежный и нежный жених.

3. В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

На кафедре высокий молодой человек
Громко, не подымая тяжелых век,
Читает.
На бумагу падает бледный свет,
И вокруг Государственный Совет
Благоговейно внимает
Всей своей верной лягавой душой,
Как хозяину преданный пес большой,
В слуховые трубки
И в трубочки рук
Впитывая, как губки,
Каждый звук.

Устами, глазами
Пьют слова.
Лысыми и блестящими лбами,
От краски зелеными волосами,

Порами явных и тайных морщин
Внемлют, слышат,
Дышат едва,
И громкий голос,
Благодатный ветер высочайших слов,
Еле колышет
Перезрелый колос
Старческих отяжелевших голов.

Слились все:
Лопухин, в своей пышной красе,
Великолепный вельможа,
И мумия юноши, вставшая с ложа, –
Оленин с мальчишеским древним лицом,
Граф Литта с мальтийским крестом,
Наивный и седокудрый
Карамзин, и Сперанский мудрый,
Князь Куракин и Кочубей,
И маленький буффа – Голицын.
Не разберешь, хоть убей,
Где виги, где тори –
Все лица
Слились в одно.
И оно
С блаженством во взоре
В некое светоносное море
Погружено.

«Ангелом я покойным дышу,
Пусть он мне предводительствует,
Но можем ли мы рисковать
Положением государства,
Этого обожаемого отечества?
Я исполняю свой долг.
Присягну как первый верноподанный
Брату и моему Государю».

И вот
Старцы его обступили в волненьи.
«О, самоотверженье!..
Подвиг!.. Царственный род!..»
И мокрыми поцелуями
Целуя его в рот,
В грудь, в плечи, в живот,
Протестуя всеми подаграми, ревматизмами, почечуями,
В ответ
На слов превыспренних ворох
С блаженной тоскою во взорах
Шептали ему верноподданно-слабое «нет!».

14-ОЕ ДЕКАБРЯ

1. Бунт

Буйность воскликновений,
Звоны копыт о лед;
Гуды и гул борений,
Камней разгульный лёт.
Это свободы Гений
Толпы мутит, мятет.

Всюду водовороты,
Лопнул упругий кран.
В весе полен – полеты,
В грузе бревна – таран.
Богом был царь. Но что-то
Сдвинулось. Он – тиран!

Зверь, отхлебнувший крови,
И захлебнется в ней.
Гончую ль остановишь
Свору ночных страстей?

Вихорь безумья, внове
Веяньем вольным вей!

Миг – и в щепках плотина,
Вал все препоны снес.
Вот ниспадет лавина,
Вот запоет хаос.
Миг... Вдруг хлыст господина!
Зверь заскулил, как пес.

Тщетно борись с волнами,
Дно нащупывай, шарь...
Ничего под ногами, –
Тонешь ты, русский царь!
Вдруг барабан и знамя,
Твердо идут, как встарь.

Преображенский, первый
Близится батальон.
Царские крепнут нервы,
Выпрямляется трон.
О, воистину первый
В мире всем батальон!

Словно Урала скалы
Или Невы гранит,
Синяя сталь сверкала.
Что за волшебный вид!
Щерится зверь; оскалы
Морды; визжит; бежит.

Громче «ура», солдаты,
Слуги, друзья, рабы!
Самодержавье свято
И тяжелей судьбы.
Дружно «ура», ребята,
Шире крестите лбы.

Вам же года неволи
Ваши несут штыки.
Бунту безумной голи
Окрик, прицел, клыки!
В буйном ты, Русь, камзоле
Цепи тоски влеки.

Вашим же детям цепи
И подневольный труд.
Эх, широки вы, степи,
Буйных разгулов гуд!
Против себя же крепи
Выстрой, о, русский люд!

2. БАРОН РОЗЕН

Розен вел свою роту
Стройно, как на параде
– Раз-два, раз-два –
(В сердце забота,
Тоска во взгляде,
Тяжела голова)
Через Фурштатскую
И по Галерной
На площадь Сенатскую,
Иль к Императору?
Всюду беда!
Ни черту, ни Богу,
Ни «нет», ни «да»!

В ногу, в ногу,
Быть беде:
Поп дорогу
Пересек.
Ждут потери,
Пасть в борьбе

И не верить
Ни судьбе,
Ни звезде,
Бедный, убогий
Человек...

Царь – тиран.
Но он ли изменит,
Сын поколений
Эстляндских дворян?
Столько верных
Царских слуг
Слышало мерный
Ног солдатских
Топот и стук...

О, кому же
Ныне служить?!
Уже, уже
Тонкая нить.
За кого сложить
Свою голову?
И как олово
Тяжела голова,
И в ушах стучат
– Раз-два, раз-два –
Топоты невеселого
Мерного и тяжелого
Шага солдат...

3. БЕГСТВО

Бежали...
Дул сырой, морской
Ветер с такой тоской...
Стреляли.

Неслась картечь,
Как порывы сырого ветра,
И пушек извергали черные недра
Смерти смерч...

Чрез полыньи и крови лужи
Вел по Неве свой нестройный взвод
Бестужев.
Ядра ломали лед.

Рылеев,
В серой толпе затерявшись, бежал,
Звал, рукой безнадежно махал:
«Смелее!..»

И Кюхельбекер, бедная Кюхля,
Рыхлая рохля, шлепал по снегу
Ногами, обутыми в слишком широкие туфли,
И еще верил в победу.

Юный Одоевский
Тоже кричал и тоже бежал.
Боже, не праздник, не светлый бал...
Где скроешься?!

На перекрестке Булатов
Думал: «не с ними ли светлая смерть,
Близкое небо, ясная твердь,
Твердая смерть солдата?..»

И слыша, как бухают пушки,
Князь Трубецкой
С смертной тоской
Зарылся лицом в подушки.
И ежась от боли
И нервно смеясь,
Бедный Князь,

Вождь поневоле,
Как будто попавши во фраке в грязь,
Морщился, корчился, весь вяясь,
Брезгливо, бессильно и думал: «доколе, доколе, доколе?..»

И серые, сирые,
Пошедшие вслед командирам,
Вслед офицерам,
С слепую верой
Солдаты
Бежали, как стадо,
Ибо не знали,
Что делать им надо,
За что умирать?
Они, прогнавшие Наполеона,
Бежали с воем, визгом и стоном,
Русской свободы бессильная рать.
«Эй, Фадеич,
Дай тебе подсоблю,
У тебя колено в крови!»
Нет, не избежать смерти иль плена...
Кто там, – враги иль свои?..

ИСКУПЛЕНИЕ

1. УТРО АРЕСТА

Эта утренне хмурая
Непроглядная тьма –
Полуосень понурая
Иль двойная зима?

Утро бедное, бледное,
Утро робких калек
(Душ их радость победная
Не коснется вовек!).

Город встал без желания
Для ненужного зла,
Как игрок, состояние
Проигравший дотла,

На мгновенье забывшийся
И проснувшийся вновь,
Чтобы вспомнить приснившийся
Сон про свет и любовь,

С неушедшей дремотою
В воспаленных глазах
И с унылой ломотою
В омертвевших костях!

Был я проданный, преданный
Привезен во дворец
На конец неизведанный,
На бесславный конец.

Без шинели, как ветка я
Не от страха дрожал,
Когда руки салфеткою
Адъютант мне вязал.

По паркету блестящему
Тихо вел он меня
К офицеру, стоящему
У стола близ огня.

Перед мутные, жесткие,
Перед очи Царя
Как на плахи подмости я
Шел, молитву творя.

И в мундире расстегнутом
Он, казалось, во мгле

Предо мной, полусогнутым,
Был *один* на земле.

Весь прямой (Боже, смилуйся),
Тихо пальцем грозя...
И тогда изменилася
Бедной жизни стезя...

2. НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Тесная камера.
Часовой у двери как столб
Замер.
Узник, опершись рукою о стол,
Медленно пишет.
Вдруг он зябко шеей повел
И чувствует весь, что кто-то вошел,
Стоит за спиною, сердито дышит.
Чувствует и не может встать, перестать!
И сердитое слышит:
«Встань, здесь твой царь!
Что ты писал там? дай, достань!»
– Вот, Государь!
Прочитал, наморщил лоб,
Оглядел камеру – тесный гроб.
«Не жалуешься, не плохо?
Нужно, чтоб ты искупил свой грех
Перед царем и Богом,
Или не знал ты их всех?!Им захотелось
Править наместо меня.
Им не терпелось
Одеться в красивую тогу,
Речи парламентские говорить.
Но не угодно было Богу
Этот позор допустить!

Английские завести палаты,
В лорды угодить...
А не угодно ли будет
Погодить?!
И ты с ними шел,
С мальчишками в мерзких фрачишках!
Или забыл ты пушки
Бородина?
Иль побрякушки
Твои ордена?
Ведь в волосах твоих – видишь нити? –
Седина видна!
Что ж ты молчишь?!» – Государь, простите!
«Простить тебя!
В душе давно уж простил
Как человек человека.
Знаю, что ты из малых сих,
Пойманных сетью умных и злых
Исчадий гнусного века!
За себя не трудно простить,
Но за Россию простить нельзя!
Что наделали!
На кого вы подняли руку,
Бесстыдно-смелую?
На меня, потомка великих царей.
С дерзостью мерзкой преступных детей...
...Ну не плачь, не нужно, зачем?
Я говорил с тобой строго,
Но хочу не страха – доверья.
Не отходи, я тебя не съем!»
Подошел, поцеловал в лоб,
Оглядел камеру – тесный гроб
И ушел, наклонившись слегка у порога,
Слишком высокий для тюремной двери.

3. ПИСЬМО КАХОВСКОГО ИМПЕРАТОРУ

Не о себе хочу говорить я, но о моем отечестве.

Пока не остановится биение сердца, оно будет мне дороже
всех благ мира и самого себя.

Я за первое благо считал не только жизнью – честью жертвовать
пользе моего отечества.

Умереть на плахе, быть растерзану и умереть
в самую минуту наслаждения – не всё ли равно.

Но что может быть слаще, как умереть принеся пользу?

Человек, исполненный чистотой, жертвует собой не с тем,
чтобы заслужить славу, строчку в истории,

Но творить добро для добра без возмездия.

Так думал я, так и поступал.

Увлеченный пламенной любовью к родине, страстью к свободе,

Я не видал преступления для блага общего,

Согрет пламенной любовью к отечеству:

Одна мысль о пользе оного питает мою душу.

Я прихожу в раздражение, когда воображаю себе все беды,

Терзающие мое отечество.

Конституция – жена Константина... забавная выдумка!

О, мы очень бы знали заменить конституцию законом!

И имели слово, потрясающее сердца всех сословий: «Свобода».

Мы не можем жить, подобно предкам, ни варварами, ни рабами:

Ведь чувство свободы прирождено человеку.

Во имя чего звать к восстанию? Во имя свободы.

Свобода – вот лозунг, который подхватят все.

Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни.

Свобода обольстительна, и я, распаленный ею, увлек других.

Жить и умереть для меня – одно и то же.

Мы все на земле не вечны – на престоле и в цепях.

Человек с возвышенной душою живет не роскошью, а мыслями –

Их отнять никто не в силах.

Тот силен, кто познал в себе силу человечества.
Я и в цепях буду вечно свободен.
О, свобода, светоч ума, теплотвор жизни!..

4. СПЕРАНСКИЙ

«Лишь дерево непрочное барьера,
Теперь я здесь, а мог быть там!
Их движет политическая вера,
Которую я разделял и сам.

Да, та же вера, но другие люди
И дух другой. И ближе мне
Вот эти в золоте и лентах груди
Всех тех голов в горячечном огне.

Дозирую с умом несчастных вины,
Как конституции точил бы параграф.
Но не на мне ли вин их половина?
Иль перед Богом и людьми я прав?

Я не рожден для доли страстотерпца,
Когда б фортуна улыбнулась им,
Я от всего бы поздравлял их сердца,
Служил бы им так, как служу другим.

Но не могло быть, не бывает чуда,
И я сужу их, справедлив, но строг.
Что ж! Верен я себе, я не Иуда.
Так хочет Рок: им – казнь, тюрьма, острог,

А я – домой, на кресла! Славный повар
Сготовит завтрак. Выплюсь. А потом
На именины, на раут, на сговор
Поеду... Вечером же толстый том

Открою Монтескье иль Филанджера –
Забвение и отдых от забот»...
И пухлою рукой с фуляром у барьера
С блестящей лысины Сперанский вытер пот.

5. НАТАША РЫЛЕЕВА

О, кто же милее, проще, скромнее,
Яснее милой Наташи.
Тепло и светло и уютно с нею,
С веселой Наташей нашей.

Жила, любила дочку и мужа,
Обожала пестрые тряпки,
Но казалась самой себя много хуже
В нарядном платье и шляпке.

Говорила с ошибками по-французски,
Неумеренно сильно картавя,
И носила корсет до того уж узкий,
Что не стягивает, а давит.

Любила сплетни на дамском вече
И радовалась визитам
И тому, что ее так округлы плечи
В бальном модном платье открытом,

А была-то в сущности доброй хозяйкой,
Вовсе не Nathalie, а Наташей.
Снявши с розовых ручек перчаток лайку,
Готовила борщ и кашу.

И вдруг свалились так странно, так быстро
Такое горе и ужас.
И вот Наташа в приемной министра
Хлопочет за мужа, «за мужа-с!».

Постарела сразу, ходит в салопе,
Словно выцвела вся мгновенно.
«Не тревожьтесь, сударыня, мы ведь в Европе,
Милость царская неизреченна».

По приемным, по банкам да по ломбардам,
Предвосхитивши долю вдовью,
Продавала, платила, торговалась с азартом,
Исходила верной любовью,

Великой любовью к мужу и к Насте,
Крошке дочери (кто ее краше),
И была в своем безысходном несчастье
Бедной простою Наташей!

6. НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЮЮ

«Вы не споете ли нам, Муравьев?
По-итальянски славно вы поете».
– Ну что ж, извольте, я всегда готов.
Но не сорваться б на высокой ноте
Унылому певцу – на эшафоте!
«Oh, dans la maison du pendu... Без дальних слов!
Начните. Тише, господа, вниманье».
И песня полилася, как рыданье,
Полночное рыданье соловьев.
Был душен, черен полог летней ночи,
И напряженно в тьму глядели очи,
Чтоб будущего приоткрыть покров.
Италия горячая вставала
На полный сладкозвучный чудный зов.
Лилася песня, страстно колдовала,
Зачем же жизнь нельзя начать сначала,
Бездумными и счастливыми быть,
И не рыдать в темнице, а любить...

Душа внезапно словно обнажилась
От мелкого, что зарослью обвилось
Вокруг нее, и видно стало дно,
И в глубине прозрачной то одно,
Из-за чего и стоит жить на свете,
Из-за чего так горько умереть...

Все слушали, притихшие как дети,
И каждый думал с болью о своем.
Умолк и молодой Бестужев-Рюмин,
Он был порой слишком болтлив и шумен,
Он был рожден, чтоб верить и гореть
И зажигать других своим огнем,
Огнем наивного энтузиазма,
Но он замолк, и горло сжала спазма,
И он бесшумно горько зарыдал,
Весь сотрясаясь, исходя слезами.
Он жить хотел и смерти он не ждал,
Хотел еще насытить сердце днями,
Чтоб умереть не скоро и в свой срок.

А Якубович думал: «это рок».
И слушал, слушал, пальцы сжав до боли,
Как будто вел азартную игру
И бросил всё на ставку: жизнь и волю.
Он жить хотел, быть гостем на пиру,
Где звон мечей и страсти роковые.
Но, Боже, страсти знают лишь живые,
А смерть, как шулер, всё возьмет к утру!

А июльская нестынувшая ночь
Их пологом горячим обнимала...
Рыдала песня, сладостно рыдала,
Чтоб выпеться до дна и изнемочь.

«РОССИЯ НИКОЛАЯ»

1

Скучна Россия Николая,
Бескрылой силою сильна.
Всех внешних недругов пугая,
Внутри развращена, больна,
Но миру робкому – пока
Ее недуг точил незримо,
Она казалась велика
Безрадостным величием Рима.

2. СТАРУХА ВОЛКОНСКАЯ

Косная, грузная, грубая жизнь недвижима.
Дух отлетел, цепенеет тяжелая плоть.
Словно дыхания пар на зеркале, стер их Господь,
Вместе с мечтой их развеял, как призраки дыма.
Всё неизменно навек, и старуха Волконская, мать,
В день, когда сына ее заковали в железа,
Мать с улыбкой застывшей силы нашла танцевать
В первой паре с царем застывшее pas полонеза.

3. ЕРМОЛОВУ

О, как Вы не бросились, Ермолов,
Вы, лев Кавказский, с вершин Кавказа.
О, как Вы не сбросили престола
Ударом лапы могучей сразу?

За Вами армия и офицеры,
Народность громкая среди народа,
Кто не последовал бы примеру
Героя двенадцатого года?

Миг колебания, миг судьбоносный,
Но победил, увы, наш рок проклятый!
И Вы смирились пред силой косной,
Остались верным Вы «долгу солдата».

И вышло: гибель нам, а Вам – отставка,
Мундир и пенсия, покой и сытость,
Не слава вечная – пустая славка,
Одна московская лишь знаменитость.

Старейте медленно в своей подмосковной,
Грызите ногти, стригите когти,
Как лев прирученный и малокровный.
Склоняйте голову в тоске на локти.

Красуйтесь глыбою другого века
На всех обедах, на всех парадах.
Читайте с завистью, душой калека,
О новых подвигах, чужих наградах.

Стреляйте дупелей в своем болоте,
Браните правительство в своей гостиной,
Но Вы прощения не найдете
За эти великие Ваши вины.

За то, что не бросились Вы, Ермолов,
Вы, лев Кавказский с вершин Кавказа,
За то, что не сбросили престола
Ударом лапы могучей сразу!

4

Когда Ермолов хоть день без движения проводил,
Без забот, без охоты, без скачки бешено смелой,
Сдержанный пыл наружу рвался, выходил
И пупырышками покрывал его тело.

О, Россия, страна богатырская, как легкий пух
Тебе величайшие тяжести земные,
Но ты скована, бессильна, недвижна, Россия,
И медленно изъязвляется твой светлый дух.

5. СМЕРТЬ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА

По ночам горели бочки со смолою
На шестах высоких.
И неслось восстанье бурною рекою
Вплоть до сел далеких!

Белокурые мальчишки в селах,
Громко зубоскаля,
Побеждали в играх буйных и веселых
Медведя-москаля.
И не умолкали
В раскаленной добела и докрасна Варшаве
Словопренья страстные.
Спор вели о власти и раздор о праве
Белые и Красные.

А потерявший оба отечества
(О, кара сверх меры
Его великих вин!),
Когда терять было нечего,
Без воли, без веры
Умирал от холеры
В Витебске Константин.

И княгиня Лович, глупая и милая,
Милая и красивая,
Прожившая жизнь с такою кроткою силою,
Добрая и счастливая, –
Чувствовала, что не жить ей больше,
Что не пережить ей Польши

И не пережить своего бедного, странного,
хмурого, грубого мужа...

Плакала вполголоса,
Не рыдала в голос
И не рвала волосы,
А с собой боролась.
Не причитала,
А шептала:
«Умер мой Константин,
Умер мой господин.
Я здесь одна, и он там один,
Без меня!»
Плакала и не брала
В рот росинки маковой
Три дня.

А потом остригла бедная княгиня Лович
Волосы без вздохов и без слез,
Чтобы положить подушку в гроб из кос,
Чтобы опочила голова бульдожья
На ласковом, как ее руки, ложе
Живых, густых, каштановых волос.

6. Прогулка Николая I

Пристегнувши шнурками полость,
Запахнувши крепче шинель,
Он летит – и в душе веселость.
Веет ветер, крепкий, как хмель.

Иногда от быстрого бега,
Из-под легких конских копыт
Мягко белыми комьями снега
На мгновенье глаза слепит.

Мчатся сани стрелой прямою,
А вокруг них снежинок игра,
Опушающих белой каймою
Темно-серый город Петра.

Николай изящный, высокий,
Неподвижно прямой сидит,
И любовно царское око
Созерцает знакомый вид:

Дали ровны, улицы прямы,
И мундиры застегнуты все,
Дальней крепости панорама
В величавой стынет красе.

Дали ровны, улицы прямы...
Что страшней, прекрасней, скучней,
Чем создание воли упрямой
Напряженных петровских дней?

Дали ровны, улицы прямы,
Снег блестит, простор серебря.
О, какая прекрасная рама
К величавой фигуре царя!

7. Прогулка Николая I

Снежно-белый, холодный
От метелей и пург
Над Невой благородной
Онемел Петербург.

Мчатся быстрые сани
В вихревое кольцо.
От холодных касаний
Запылало лицо.

Всё полно здесь холодной
Неживой красоты,
Несвободной, бесплодной
И бескрылой мечты.

Что за странное чувство
Средь полузабытья:
«Правда, жизнь и искусство,
Всё – мое. Всё – как я.

Тяжкая величавость,
Огражденный простор,
Неба хмурая ржавость
И свинцовый мой взор.

Зданий каменный очерк,
И кирпич и гранит
Часть меня, как мой почерк,
Необманно хранит.

Хорошо мне промчаться
Улиц лентой прямой,
Хорошо возвращаться
В тихий Зимний домой,

По пути офицера
Пожуривши слегка,
Посадив для примера
За размер темляка».

8. Последняя поездка Николая I

Старый уже и не прежний уже, полуседой
Едет Дворцовою Набережной, дорогой прямой.
Гаснет Собор Петропавловский меж тлеющих зорь...
В сердце глухая безрадостность, хмурая хворь.

Гаснет Собор, усыпальница предков – царей...
Смерть, приходи, не запаздывай, будь побыстрей.
России гранит рассыпается в руках, как песок.
Сани в смерть подвигаются. Путь недалек.

<9>. СМЕРТЬ НИКОЛАЯ I

На низкой походной кровати,
На которой всегда он спал,
Средь слез семьи и объятий
Император умирал.

Сбиваясь в знакомом напеве,
Читал над ним духовник
Отходную. Сын – Цесаревич
К его руке приник.

«Позвать Цесаревича – внука
(Цесаревича с завтрашнего дня).
Ну, Никс, по-военному, ну-ка,
Не плачь, поцелуй меня.

Дед будет всё видеть с неба,
Так веди же себя молодцом.
Учись, ничего не требуй
И вырастешь славным царем.

Пусть будет насколько прилично
Краток траур по мне.
Ты крепишься, Муффи, отлично!
Нужно твердой быть царской жене.

Молчите про Севастополь!..
А душа еще там, всё там...
Редуты, курганы, окопы,
Я их строил когда-то сам.

Камчатский редут Тотлебен
По моим чертежам возвел.
Обо всем дам отчет на небе»...
Смолк, ослаб и в себя ушел.

И готовясь к докладу, к приему
Перед тронном другого Царя,
Вспомнил, может быть, сквозь полудрему
Про далекий день Декабря...

В СИБИРИ

1. ЛЕПАРСКИЙ

Станислав Романыч Лепарский,
Поседевший на службе царской,
Конно-егерский, не гусарский,
Генерал кавалерист.
По-солдатски, а не по-барски
Он тянул свою лямку, Лепарский,
Поседел на службе на царской,
А остался душою чист.

Как прилизаны гладко височки,
Как пачулево пахнут платочки,
Фиолетово-дряблые щечки –
Молодится еще генерал.
Он, воспитанник езуитов,
Обжился среди московитов,
Было б гладко всё, шито да крыто,
Да не вышел бы где скандал.

Наклонившись над дамской рукою,
Говорил с мольбой и тоскою
(И мундир его слишком узкий
Вот-вот, кажется, лопнет по швам):

«Ну, браните меня, браните,
Ну, браните, сколько хотите,
Но браните меня по-французски
Pour la grâce de Dieu, Mesdames!

А не то донесут, злодеи!»
И, как будто он был в траншее,
Багровела толстая шея,
Как малиновый воротник.
«Быть изруганным, как мальчишке.
Ах, ты жизнь...» И он шел в картишки
Дернуть вечером по мелочишке
К госпоже-оберштейгерше Рик.

И вот этот смешной старичишка,
Изменивший своим полячишка
Приоткрыл свинцовую крышку,
Погребенных заживо спас.
Без него не одна бы погасла
Жизнь, как лампа, лишенная масла,
Оборвалась, как нить без прясла,
В роковой полуночный час.

«Что карьер? Я уж стар для карьера,
Хоть не русскому офицеру
И не аннинскому кавалеру
Быть игрушкою модных идей,
Не боюсь осужденья людского,
Не боюсь царя я земного
И не буду – шляхетное слово! –
Мучить сих благородных людей!

Аккуратно пишу донесенья
И инструкции, и представленья
Я для Третьего шлю Отделенья,
Каждый вью и точку параграф.

Пусть читают их там, в Петербурге,
Бенкендорфы, Солоны, Ликурги,
Всё завесят сибирские пурги,
Перед совестью буду я прав»...

Был он прав! И среди благословенных,
Среди имен, России священных,
Ваше имя, спаситель пленных,
Лепарский, Станислав!

2. Из дневника КАМИЛЛЫ

За окном мороз и снег.
Тихо, словно в ночи вечной.
Времени не слышен бег.
Человеку человек
Близок, близок бесконечно...

В кресле дремлет Вася мой
С книгою полураскрытой.
Хочется ли мне домой?
Дом ли это, дом ли мой?
Этот скованный зимой
Скудный берег ледовитый!

Слиты мы и сплетены
Нитями любви и боли.
Делим всё: и жизнь и сны,
Всё, что мы делить должны,
Словно птицы две в неволе.

Тих и горек день за днем
– Кофе, завтрак, чай и ужин, –
Греемся мы пред огнем,
И среди холода кругом
Нам очаг уютный нужен.

Тихая, простая боль,
Полуболь и полускука.
Господи, доколь, доколь
Эта скука, эта боль,
Эта тьма и ночь без звука?..

3. ВОЗВРАЩЕНЬЕ

Басаргин возвращался из далекой Сибири,
Басаргин возвращался и прощался,
И мыслию к тем, кого в этом мире
Не увидит уж больше, – обращался:

Там в Иркутске лежит Трубецкая, Каташа
(Этим ласковым именем звать я
Смею Вас, утешенье и радость наша,
Мы ведь были Вам близки, как братья!).

Сколько милой, улыбчивой, ласковой силы,
Простоты, обаяния, воли...
Бог ей не дал спокойно дойти до могилы
И взыскал испытанием боли.

Кюхельбекер, увы, не дождался славы,
А желал ее с страстной тоскою.
Снег зимою, а летом высокие травы...
Не прочтешь, кто лежит под доскою!

И читатель тебя никогда не узнает,
Бедный рыцарь словесности русской.
Только друг с улыбкой порой вспоминает
Этот профиль нелепый и узкий.

И на том же кладбище, где спит Кюхельбекер,
Тоже немец и тоже – Божий,

Фердинанд Богданович Вольф, штаб-лекарь,
Бедный прах твой покоится тоже.

А Ивашевы, близкие сердцу, родные,
Те в Туринске спят непробудно.
Оба милые, оба простые, земные,
Обреченные жизни трудной.

После родов в горячке скончалась Камилла
И день в день через год мой Вася.
С ними всё ушло, что мне было мило,
Холостецкую жизнь мою крася.

Над могилами долгие, долгие ночи,
Над могилами белые зимы,
Над могилами летние зори короче,
Чем огнистые зимние дымы.

И, как птица, душа и реет, и вьется
Над гнездом, единственным в мире.
И быстрее, чем тройка на запад несется,
Мчится сердце к кладбищам Сибири.

КЛЮЧ СВОБОДЫ

Ключ свободы при Николае
Застыл, но не вовсе замерз.
Часто царь говорил: «я знаю –
Ce sont mes amis du Quatorze!»

И когда через многие годы
Вдруг народ свой выпрямил торс
На одно мгновенье свободы –
C'etaient ses amis du Quatorze!

Сон иль явь? О, Боже великий!
Или то океан отмерз?
Толпы, площадь, цветы и клики,
Ce seront ses amis du Quatorze!

МАЛЫЙ ДАР

КАПЛЯ СУРГУЧА (РОНДЕЛЬ)

Капля сургуча, шипя, упала,
Чуть ее расплавил свеча.
Вспыхнула, с шипеньем просияла
Капля сургуча.

На письмо упала, горяча,
Малою крупинкою коралла,
Каплей крови с острия меча.

Как мгновенно чувство: задрожало,
Вспыхнуло, как в фокусе луча,
Просияло и застыло алой
Каплей сургуча!..

ПАУТИНКА

Это трепетный стих мне звенит, смеясь...
Паутинка на солнце висит, золотясь.
О, ты, тонкая, тайная, тихая связь,

Ты вплетаешься в мира прозрачную вязь,
Золотясь, серебрясь, то на миг таясь

И темнея незримо, то явно виясь,
А потом ниспадаешь на землю

И, смешавшись с пыльной и серой землей,
Покрываешься ею, как червь земляной...

То не легкий ли образ судьбы людской?
Золотись, гори, а потом на покой
В серую, грязную землю!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Как нежно весел мир сегодня,
Недолгим ливнем освежен,
Был, как дитя в корыто, он
Весь погружен в купель Господню.

И вышел чистым и омытым...
Гори же, радуга, гори,
Как мыльные те пузыри,
Что нежно блещут над корытом!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ

Ко мне приходят олени
И стройные горные серны
И мягкими губами
Берут из рук моих хлеб.

Не боятся прикосновений
И говорят мне – глазами –
«Ты на всех похожий и, верно,
Робкий, как мы, человек».

Стихи мои, легкие серны,
Еле виден ваш след
У вод, где бродит неверный,
Серебристо-туманный свет.

* * *

У Тютчева учась слагать свой стих
И Баратынскому внимая чутким слухом,
Я знал, что нелегко разведать тайны их
И нелегко нечуждым стать им духом.

Но если иногда с печальной простотой
Песнь зазвучит на нетяжелой лире,
То отраженную, заемной красотой
Обязан я тому, что они были в мире.

Что голос тот глухой, глубокий не затих
С тех пор, как в сумраке средь скал дубровы финской
Слова молитв своих, тяжелых и литых,
Слагал угрюмый Баратынский.

И Тютчев из волшебного ковша
Пил ток ночной и звездной боли.
И звук, которого уж боле
Не будет в мире – издала душа.

МОЛОДОСТЬ

Молодость, по белой ты пороше
Ускользаешь, и уже морозы
Дышат ледяным дыханьем прозы,
Стали жизни тяжелей мне ноши.

Но я верю, что найду я прорубь,
Подо льдом вода тепла, как прежде,
И, омывшись в ней, душа, как голубь,
Полетит в лазурь вослед надежде.

* * *

Старость, крадучись, приходит
В мягких туфлях по песку,
Белой краскою обводит
Волосок по волоску.

Бьется медленнее сердце,
Кровь струится тяжелей,
Гнева против иноверца
Нет уже в душе моей.

И любовью оскудела
Одинаково душа
И, познав во всем пределы,
Все вкушает не спеша.

Стал безвкусней и скупее
Жизни жгучий эликсир.
Иль глаза мои слабее,
Иль бесцветней божий мир.

* * *

Как странно полиняли
Закаты и восходы.
Иначе мне сияли
Они в былые годы.

Как были нежно клейки,
Как были странно яркие
Трава у той скамейки,
Листва в Петровском Парке,

Москва весной в апреле,
Где мы с тобой сидели,
Где мы с тобой смотрели,
Как в небе краски рдели!

VITA SOMNIUM

1

Жадно пей, полней и слаще
Краткий миг земной,
Этой жизни преходящей
Быстрый ток хмельной.

Тот, кто знает, что в бутылке
Выпуклое дно,
Воин и любовник пылкий –
Тем не все равно!

Ибо воздух им отмерен
И отцежен свет,
Тот, кто в жизни не уверен,
Есть уже поэт.

2

Эта сонь, да тишь, да дрема,
Пуховой уют...
До чего мне все знакомо
И привычно тут.

Ни забота не тревожит,
Ни добро, ни зло.
Ах, не может быть, не может,
Чтобы все прошло!

Будет ночь навеки длиться
И ночник гореть,
Чтобы нам не измениться
И не умереть.

Чтобы вечность сонной дремой
Нас качала так,
Словно в комнате знакомой
Тихий полумрак.

3

Желай не желай – не оставишь навеки
Ты следа на этой забвенной земле.
Легко и навек закрываются веки.
О, память! О, слабая лампа во мгле.

И самые близкие люди забудут...
Те бледные и неживые черты,
Которые все ж вспоминать они будут,
Ведь это другой, это тень, а не ты.

Но разве теперь, о, не так же ли точно
Ты тень, только призрак и тень для других?
Лишь образ двоящийся, зыбкий, непрочный:
Мелькнул – и пропал. Говорил – и затих.

Мы видим, мы слышим и мы осязаем,
Мы любим людей, обнимаем друзей.
Но мы забываем, но мы исчезаем
На бледном экране бледней и бледней!..

* * *

Останься в памяти навеки,
Какой в тот миг предстала ты:
Слегка опущенные веки,
Почти что детские черты,

И дикой розы на ланитах
Едва расцветшая весна,

И на устах полуоткрытых
Полуулыбки тишина.

* * *

Тот, кто видел мир сквозь слезы,
Знает, как горят светло
Феерические розы
Сквозь их влагу и тепло.

Как волшебен блеск павлиний,
Как лучист его алмаз
Через легкий, через синий,
Через теплый иней глаз.

МОЛИТВА

Взгляни с высот недостижимых,
Людских молений не отринь
И на овец, Тобой хранимых,
Свой взор с любовью Отчей кинь.

Мы так ничтожны и мгновенны!
Что было б, что б осталось в нас,
Когда б не этот сокровенный
С Тобой нас единящий час?

Я знаю: Ты нахмуришь брови,
И с громом стогна задрожат,
И теплые потоки крови
Поля и веси орошат.

Но не карай нас карой строгой,
Наш охрани земной удел,

Дай нам пройти своей дорогой
Без горьких слез, без громких дел.

И как великую награду
За долгий путь, за труд людской
Пошли нам тихую отраду –
Молитвы радость и покой!

БИЧЕ

О, мудрая умбрийская весна
И детский праздник – дедовский обычай!
На площади среди подруг бледна,
Строга, серьезна маленькая Биче.

И мальчик, лет двенадцати, проказник
И забияка, приоткрывши рот,
Глядит на девочку, на яркий праздник,
На пестрые наряды и народ,

На платья золотистого парчу,
Вязь фероньеры и полоску банта,
И стих весь мир, и тихо, тихо – чу! –
Запел впервые стих в душе у Данта.

НОРМАНДИЯ

Как вымя полное коровье,
Ты изобилия полна,
И краснощекого здоровья,
И сидра, что пьяней вина.

Как яблоки твои тугие
Мешают сладость с кислотой,

Так жители твои скупые
Являют хитрость с простотой.

Белы на окнах занавески,
Темны дубовые столы,
Сидят и пьют и судят веско,
Расчетливы и тяжелы,

Сужденья мудры их и здравы,
Ведь их в полях за долгий день
Душистые вспоили травы
И труд, медлительный как ленъ.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

ИЗ РИЛЬКЕ

Господь, пора! Окончен летний день.
Ты скоро отуманишь дол и горы,
И солнечных часов в саду узоры
Овеешь ветром и укроешь в тень.

Но перед тем пошли хотя б одно
Иль два горячих утра, жарких полдня,
Чтоб дать дозреть плодам и переполнить
Последней, тяжелой сладостью вино.

Бездомный ныне дома не найдет,
Кто одинок теперь – тот долго будет
Один, он книгу снова перечтет,
Где ветер листьями шуршит, аллеи студит.
И будет письма длинные писать...

ИЗ РИЛЬКЕ

О, как я знал, что значит расставанье:
Прекрасно-связанное показать,
Поднять его на миг для любованья,
Но лишь затем, чтоб взять и разорвать.

О, как бессилен был я перед этим:
Зовущая (не удержать!) рука,
Как будто там все женщины на свете
Иль только еле видный взмах платка!

И словно не ко мне уже призывы,
Невнятный знак воздетых слабо рук...

Иль то, быть может, только ветка сливы,
С которой птица упорхнула вдруг?

АНГЕЛЫ (Из Рильке)

У них усталые уста
И души – светлые купели.
Порою в их глазах мечта,
Томление (не о грехе ли).

Живут среди Господен рощ,
Бесстрастны все и все красивы...
Бог – Ты мелодия и мощь,
Они в тебе, как перерывы.

Но изредка – взмахнут крылами,
И ветра пробежит струя:
Как бы широкими руками
Строитель Бог шуршит листьями
Сокрытой Книги Бытия.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ В «ИЗБРАННОЕ»

АВГУСТ

Брожу по улицам пустынным.
Уж август. Грустен, тих Париж...
Выздоровленье! Сладким, длинным
Ты упоением даришь.

Недолгое минуло лето,
Нет дней горячих, золотых,
Но серебристо полнят свету
Озера площадей пустых.

Я про себя стихи читаю
И улыбаюсь все нежней,
Как будто я о чем-то знаю,
Но тайной не делюсь своей.

СВЕТЛЯЧОК

Что я вспомню, умирая,
Если вспомню что-нибудь
И не даст судьба незлая
Без раздумья мне уснуть
И, как в шелку, в двери Рая
Незаметно проскользнуть?

Выну что со дна шкатулки,
Подержу я что в руке?
Что приснится мне? Прогулки
Лет в шестнадцать по реке?
Вечер? Где-то поезд гулкой?
Звон лягушек вдалеке?

Или та, как будто кантом
Обведенная давно,
Ночь, когда влетел брильянтом
Светлячок в мое окно,
И над черным ночи бантом
Счастье было зажжено?

Червячок, сиявший летом
Слабым светом и теплом

И подобный тем поэтам,
Что порою меркнут днем,
Но полны нездешним светом
Под зеленым звезд лучом.

Он летал... Как было странно,
Было дивно видеть нам
Этот луч непостоянный,
Этот свет то здесь, то там,
Этот ласковый, обманный
Нежный блеск по сторонам.

И невольно, словно чудо,
Я запомнил навсегда,
Как крупинка изумруда,
Миньютюрная звезда
Залетела к нам – откуда? –
Улетела вновь – куда?

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ»

ПЕСНЬ I

На мгновенье нам даны
Звезды, люди, книги, вещи,
На мгновенье сплетены
С миром мы в дремоте вещей.

На мгновенье лета зной,
Белый снег на иглах сосен,
Почки клейкие весной,
Фиолетовые очень.

И вино из погребов
В хрустале нам так сияет,

Потому что тьма гробов
Нас пугает, нам зияет!

И мы пьем тягучий ток
Медленно и с упоением,
Ибо каждый наш глоток
Только грань меж сном и бдением.

ПЕСНЯ 3

Твоей увядшей красоты
Один свидетель – я.
Бледнеешь ты, уходишь ты
В неизвестные края,
Но помню милые черты
На утре бытия.

Дай заглянуть в твои глаза,
В их глубь, в их синь, в их даль!
Когда на них дрожит слеза
И мутен их хрусталь,
И отражает бирюза,
Как облачко, печаль.

Пусть будет так, пусть будет так,
Как хочет горький рок!
Пусть будет ночь, и мгла, и мрак,
Молчанье и упрек,
Но я ль забуду тайный знак
И светлый вод исток?

* * *

Предутренняя свежесть
И нежность полей,
Омытая струями
Вчерашних дождей.
Голубовато-серых
Небес тишина,
Исполненных покоем
Без края, без дна.

О, Боже, неужели
И там тишина!
Над грустными полями
Небес глубина,
Над грустными полями,
Над горем людей,
Над горестным безумьем
Отчизны моей?

ПОЛИКРАТ

Золотой свой перстень бросишь в море,
Не надейся: принесет назад.
Настоящее, большое горе
Будет больше во сто крат.

Будет больше, будет тяжелой глыбой,
Вдруг тебе на сердце упадет.
Ах, проглоченный большою рыбой,
Перстень твой не пропадет!

И рыбак удачливый изловит,
И веселый повар в свой черед
С песнею ту рыбу изготовит
И искусно вспорет ей живот,

Чтоб, омытый глубио океанной,
Заблестел он ярче во сто крат,
Чтоб обрел ты перстень окаянный,
Твой проклятый перстень, Поликрат!

ТЕАТР ВОЙНЫ

Быстро дни бегут за днями,
С любопытством мы глядим
На театр с его огнями,
На актеров жалкий грим.

И не без сердцебиенья
Ждем, чтоб кончился антракт
И, как светопреставленье,
Начался последний акт.

Но актеры в длинной драме
Не замкнут ее кольца,
Не увидят больше сами
Эпилога и конца.

Этот, столь благополучный,
Идиллический конец
Не погасит пылью скучной
Трепет душ и пыль сердец.

Бездыханный, распростертый
В скучной роли мертвеца,
Ах, с земли навеки стерты
Будут бедные сердца.

Что страдали, холодали
Там, далеко, впереди.
Что письма иль славы ждали
И медали на груди!

ВЕЧЕР

Там, в закатной полосе,
Свет и мир, туман и пламя.
День не выплакал ли все
Скорби долгими дождями?

Дымно дышат янтари,
Сладостно алеют розы.
В чаше гаснувшей зари
Кто смешал и свет, и слезы?

Может быть, когда и мой
День устало оскудеет,
В небе алою каймой
Предвечерний свет зардеет.

И в последний раз душа
Будет рада пред закатом
Надышаться, не спеша,
Жизни влажным ароматом.

Теплым, всюду разлитым
Так прощально, несказанно,
Словно этот тихий дым
Розоватого тумана.

ГРАФ КАЛИОСТРО

Он обнажал свой кинжал
Быстрый и острый,
И магический круг
Точным движением рук
Им обводил вокруг
Граф Калиостро,

И шептал он слова,
Слышимые едва:
«Гелион, Мелион, Тетраграматон».

О, мистагог и мудрец
Неаполитанский!
Жаждающий чуда сердец,
Душ легковерных ловец,
Древней мистерии жрец
И шарлатанской!
Был твой обилен улов,
В чем была сила тех слов:
«Гелион, Мелион, Тетраграматон»?

Слышишь ли бурю вокруг?
Мы погибаем!
Где же магический круг?
Как победим мы испуг?
Что же мы можем, мой друг,
Что же мы знаем!
Не прошептать ли слова,
Слышимые едва:
«Гелион, Мелион, Тетраграматон»?

КАЗАНОВА

Все было юно, стройно, ярко, ново,
Ты в жизни жил на вечном новосельи,
Твой смех звучал так, как само веселье,
Мудрец и лжец волшебный Казанова!

Был мир всегда сверкающей обновой
Тому, кто пил, не ведая похмелья,
Ток колдовского, пьяного, хмельного,
Не чертом ли настоящего зелья!

Твоих воспоминаний вереницы
До сей поры горят и жгут страницы
(Прочешь не грех их, – в них ведь нет греха,
Ни мании высокой Дон Жуана),
А просто сипловатый, чуть-чуть пьяный
Победный крик горлана петуха!

РАЗГОВОР **(из Поля Валери)**

А:
Увядающей розы
Вокруг нас аромат.
В томной кротости позы
Твоей – есть закат
Увядающей розы.
И для чуткого слуха
Ты напомнишь на миг
Ту, чье нежное ухо
На коленях моих
Лежало покорно,
Но не слыша упорно
Молений моих.

Словно прежнее имя,
Словно ты – это та,
Чьи уж были моими
Когда-то уста.

В:
На увядшую розу
Непохожа душа.
Лишь внезапна – как грозы –
Любовь хороша!

И давнишние слезы
Твои осуша,
Ищет взор в твоих взорах
(Как вернувшись домой)
Признаний, в которых
Ты всегда будешь мой.
Я себя обнаженной
Вижу в них отраженной.

И желанья встревожа,
Я хочу, чтоб потом
Они умерли тоже
На ложе моем.

* * *

Максимилиану Александровичу Волошину

Вам суждено из своего стакана,
Из кубка пить большого своего.
На нем узор особого чекана,
Какого в мире нет ни у кого.

В Ваших стихах дар сладкого обмана,
Неизъяснимых звуков волшебство,
Изысканная тонкость филигранна,
Упрямого искусства торжество.

Вы в мире жрец. Курится Ваш триклиний,
И через дымы, что встают, вьась,
Весь мир окутан в влажный блеск павлиний.

И в завитках декоративных линий
В глубоких слов мерцающую вязь
Растворены земная боль и грязь!

Париж, 6 декабря 1915 года

АМЕРИКАНКЕ

Ты мила, американка,
Грациозна и ловка,
Ты, как девушка-спартанка,
За мячом бежишь, легка.

И милы, милы мне тоже,
Словно кисловатый плод,
Тонкость рук и смуглость кожи,
Некрасивый детский рот.

Ты, как юркий ящеренок,
Любишь солнце, любишь зной,
Ящеренок иль ребенок,
Пьяный светом и весной.

Ты не знаешь, что такое
Тяжесть, горе, правда, ложь,
И веселой и простою
Светлой жизнью ты живешь.

По утрам смеешься звонко,
Плачешь, может быть, чуть-чуть,
Грациозной амазонкой
По утрам свершаешь путь.

И за книжкой лениво
Коротаешь вечера,
Чтоб заснуть и встать счастливой,
Завтра так же, как вчера.

**СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ
В ОПУБЛИКОВАННЫЕ
СБОРНИКИ**

ОСЕНЬЮ

Осенью лелеять грустно грезы,
По утрам сходить в прохладный сад,
Видеть, как, сияя, гаснут розы
И как зреет дикий виноград.

Днем в лучах нежарких и блестящих
Засыпать в желтеющей траве,
Просыпаясь, видеть птиц, горящих
Золотом в вечерней синеве.

Милые мерцающие руки
В сумеречных комнатах ласкать,
Из рояля вздохи, стоны, звуки
Сладостно и долго извлекать.

От уютной лампы мирных бдений,
Перед тем как отойти ко сну, –
Чтоб вздохнуть сырою тьмой осенней,
Подходить к раскрытому окну.

ЖУРФИКСЫ В ССЫЛКЕ

Из поэмы «ДЕКАБРИСТЫ»

«Нонушка, Муравьева,
Мурашка!
Скоро ль будут готовы
Чайные чашки?
А ты, Катюша,
Послушай!
Что же ты на вечер
Пришла в охотничьих сапогах?
Посмотри, как милая Визинка
Разрядилась, просто страх!

И Лизхен, Лизанька!
Надо бы открытые плечи,
Белое бальное платье.
Ах, Катюша, вечно проказница Катя,
Смешная такая!
А еще княгиня Трубецкая,
Придворный муж,
И по рождению к тому ж
Француженка...

Завалишин считает лишним,
Не придет!
Ну что же, Бог с ним, очень рады,
Мы для него ведь аристократы,
А он плебей, народ!»

Ивашев пришел во фраке,
Целует дамам руки,
Стараясь не замечать,
Что не светской, любезной скуки
На этих лицах печать,
А привычной заботы знаки.
Стараясь не замечать,
Что не очень свежи фраки
И что старость идет, как тать.
Стараясь не замечать
И главное не молчать,
А так, как раньше в гостиных,
О пустяках невинных,
О слухах, о сплетнях старинных
Болтать, говорить, отвечать.

Полупоклоны,
Полунамеки,
Шепот салонный,
Ропот далекий.

Так же все было,
Было когда-то,
Сердце забыло...

СЕМИСВЕЧНИК

I

Семисвечник святой мечты
С просветленной, чистой душою
Зажигаешь под праздник ты.
О, наверно, светлы такую
Неземной, иной белизною
В книге мира под божьей рукою
Неисписанные листы!

II

Ты всегда говоришь: «борух».
Это значит: «благословенно».
Всюду божий, праведный дух.
В мире все нетленно, священно.
Я ж забыл про слово «борух»,
И мой дух стал скуден и сух
В обезбоженной, скудной вселенной.

III

И плоды, и хлеб, и вино –
Все до маковой, малой росинки,
Все молитвою освящено.
Шепчешь, шепчешь слова без запинки,
Воду пьешь иль вино – все равно!
Если только опустишь на дно
Нард душистый – молитвы крупинки.

IV

Десять заповедей мезузы
Освящают в жилище вход.
Запрещенья, пути и узы,
Сколько мелочных вечных забот!
Но среди бурных, великих вод
Не от этого ль тяжкого груза
Твой корабль не тонет – плывет?

V

Не задул, не задул твоих свеч
Бурный ветер, ветер гонений.
Мог он только их ярче разжечь:
Все звучит, звучит твоя речь,
Все горит и горит твой гений.
Не пришло еще время лечь
Для глубоких откровений.

VI

Пасха, Пасха, накрытый стол,
Скатерть чистая, светлые лица
И для деда кресло-престол,
Чтоб за трапезой петь и молиться...
Я забыл, отвернулся, ушел.
Горький «морейр» и острый рассол –
Детских образов мне вереница.

VII

Семисвечник, гори, светись.
Наклонись над книгою вечной,
Там вначале гремит «брейшишь»
Громовой красотой бесконечной.

Каждый день недели молись.
Жизнь, гори, прояснись, просветись,
Как светильник святой семисвечный.

ПАМЯТИ МИЦКЕВИЧА

Ты родина ль великого Адама,
Не прежняя, другая, злая Польша?
Он не поверил бы. «Нет, бред Бэдлама, –
Сказал бы он, – лжи не придумать больше!»

Он был певцом, пророком, пилигримом.
В его мечтах Польша была Мессией...
И вот она, гонимая, к гонимым
Безжалостна! И делит стыд с Россией.

Адам, Адам! Ты, спящий там в Вавеле,
Венчающем прекрасный древний Краков,
Когда б проснулся ты, о, неужели
Спокойно б ты смотрел на грех поляков?

Нет, бросился бы ты под колесницу,
Которая чужих, но слабых давит.
Или простер, как властелин, десницу,
Чтоб удержать коней и тех, кто правит!

О, мой народ! Опять година скорби.
Прибавишь к старым ранам снова раны.
Но не погибнешь ты: ведь в бедной торбе
Странника-торгаша есть талисманы.

Те талисманы – вера, сила духа.
Они – ковчег твой среди злой стихии.
И явственен для внутреннего слуха
Призывный рог незримого Мессии.

ЛЕТОМ

Хорошо нам летом жить,
Утром слышать птичьи свисты,
Жить да жить и не тужить,
В лес тенистый уходить,
Спать под шелест многолистый.

Травы мягкие растут,
Посмотри, как гусеницы
Целым тельцем вверх ползут,
Терпеливо ждут и ждут,
Чтобы бабочками взвиться.

Ткут воздушно паучки
Паутинки тонкой нити.
Тише, тише, башмачки!
Осторожней, каблучки, –
Муравья не раздавите.

Муравьев не легок труд:
Целый день, не отдыхая,
Там и тут, и там и тут,
Все ползут, ползут, ползут,
А куда ползут, не знаю.

ТОСТ
(За артистов Художественного театра)

Никогда я в жизни не забуду,
Сколько я еще ни проживу,
Это упоительное чудо,
Этот сон прекрасный наяву!

Буду помнить Книппер темный голос;
Южная в нем ночь и всплески волн.
Страстью, что страдала и боролась,
Умною он ласковостью полн.

Буду помнить Лилину я в Ане
(Диких роз колючий, нежный куст)
И слова великих упований
К Дяде Ване с девических уст.

Машу, нюхающую по-мужски,
Милых, грустных, бедных трех сестер,
Шуйского и Фокерата, Лужский,
Лет ушедших ряд в душе не стер.

И со мной. Вишневский, Ваш Антоний,
И с собой как малый груз влеку
Москвина – блаженного на троне
И его лукавого Луку!

Леонидов, пламенный Бурджалов,
Чувством меры полнящий гротеск.
Несравненный чародей – Качалов,
Коренева – глаз лазурный блеск!

Образов я всех не перечислю –
Что скажу, «волнуясь и спеша»?
Но о Вас, о Вас еще помыслию,
Станиславский, – общая душа!

САШЕ

О, первая нить молодой любви
От сердца к сердцу слегка...
Паутинку эту не тронь, не рви:
Она так тонка и легка.

Вот губы скривились в улыбку, чуть-чуть,
От смущенья в тот милый миг,
Когда возник, как сквозь легкую муть,
Просветленным – знакомый лик.

Она стала другая, совсем не та,
Что была так недавно, вчера.
О, как теплым дыханьем мягчит красота
Для счастливых слез, для добра,

Для всего, что бывает в жизни хоть раз!
Но навек остается в душе
Блеск дрожавших слез, свет сиявших глаз,
Напоенное счастьем саше.

То, что после глубоко, на самом дне
Запыленной и тусклой души,
Не выветривается все же вполне,
Благоухает в тиши.

И не знаешь, как быть среди забот и дней
С даром слез, обретенным вновь.
«О, Боже, что сделал я с жизнью моей?
Зачем не хранил любовь!»

СНЕГ

Снег падал на руки и лица,
Мягко слепил глаза,
Сверкал, ложась на ресницы,
Как алмазная слеза.

И казался взор осветленным
От напудренных снегом волос
И теплым и благовонным,
Как от белых душистых роз.

Становился воздух морозный, –
И земной красотой дыша,
Трепетала в дрожи предслезной
Умягченная счастьем душа.

И губы коснулись нежно
(Поцелуй был сдержано-скуп)
Холодка и влажности снежной
Дрожащих от счастья губ.

И выпили, как росинки
На утренних чистых цветах,
Растаявшие снежинки
На этих холодных устах.

ГУСЕНИЦА

Гусеница, будущая бабочка,
Что ты знаешь о своей судьбе?
Ты уснешь, запеленавшись коконом,
Но проснуться легкою, сияющей
Бабочкою суждено тебе.

И душа моя освобожденная,
Средь эфирных, голубых полей,
Вспомнит ли, как бабочка о гусенице,
О другой, о вялой, спавшей коконом,
О слепой, земной душе моей?

* * *

Что я унесу в своем сердце и с чем я уйду?
На что оглянусь на мгновение в последнем бреду?

Насытившись всей красотой земною, уйду,
Нетленной, священной ее красотой – уйду.

Со всем, что приснилось людям, в блаженном чаду
Мечтавшим о чуде, о вечности в райском саду.

И с тем, что открылось нам – знак побывавших в аду,
Ожог его пламени! – если теперь я уйду.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ СОНЕТЫ

ЕЛИЗАВЕТЫ БАРРЭТ

БРАУНИНГ

1956

1

В мечтанья погруженная однажды,
Я вспомнила о том, как Теокрит
В стихах проникновенных говорит
О сладостных годах, из коих каждый
Несет дары для смертных. Сердце, жаждой
Античной красоты полно, горит.
А взор, слезами омраченный, зрит
Ряд горьких лет, чьей скорбью вечно стражду.
Вдруг чувствую – похолодела кровь –
Что призрак, за спиной моею стоя,
Схватил меня за кудри. Вновь и вновь
Пытаюсь вырваться. Но властно: «Кто я?»
Он спрашивает. – «Смерть», шепчу, – «Пустое»,
Звенит ответ, «не Смерть я, а Любовь».

2

И только трое в целом Божьем свете
Услышали звучанье этих слов:
Ты, я, да Он. Карающе-суров,
Один из нас – то был Господь – ответил.
Исчез видений мир, что был так светел.
И образ твой окутал тьмы покров.
Лишь сознаешь, людское поборов,
Какая сила в Божьем есть запрете.
Людские были б не страшны угрозы!
Моря ведь не зальют любви, и грозы
Ее не сломят. Над громадой гор
Сомкнем мы руки. Если б вспыхнул воздух
И небеса разверзлись, даже в звездах
Найдет родную душу верный взор.

3

О сердце, что горишь во мраке бессердечий,
Ничем не схожи мы: ни даром, ни судьбой.
И духи, что следят обоих нас с тобой,
Глядят, удивлены непостижимой встречей.
Трепещут крылья их и сторонятся плечи.
Ты создан, чтоб царить над пышною толпой.
Безвестный же певец, я – менестрель слепой,
На празднество твое попавший, незамечен.
Скажи, что до меня тебе? Ты смотришь вниз
На странника-певца с твоей высокой башни,
Пока я, прислонясь плечом о кипарис,
Тяну во тьме напев унылый свой всегдашний.
Ты чужд мне, как земле чужда в величье твердь.
И жребий наш сравнять сумеет только Смерть.

4

Великосветской музы слыша зов,
Ты блещешь в замках между пар, под звуки
Певца, среди пляски, разомкнувших руки,
Ушедших в слух, забыв про ход часов.
Зачем приходишь ты поднять засов
Жилища мрачного, приюта скуки?
Меня к веселой приобщить науке
И к отзвукам небесных голосов?
Здесь гнезда сов. Летучие здесь мыши
Кружатся под навесом ветхой крыши.
К чему тут лира звонкая? Молчи!
Увы! чем звуки слаще, совершенней,
Тем горше отзвук злых опустошений.
И кто-то плачет горестно в ночи.

5

Я сердце тяжкое подъямлю к небесам
Торжественно, как встарь Электра пепел урны
Вздымала. Устремив мой взгляд в твой взор лазурный,
Я пепел чувств моих вручаю тебе: сам
Узришь, какая скорбь нагромоздилась там.
Хоть рдеет всё еще в золе огонь пурпурный
И может вспыхнуть он, лишь страсти ветер бурный
Дохнет. Но пламень свой я вечной тьме предам.
С презреньем растопчи мой пепел, друг суровый!
Чтоб искры, залетев на смоль твоих волос,
Не жгли их, несмотря на твой веночек лавровый,
И сердце мукою моей не обожглось.
Пусть в страдании душа моя окрепла,
Но в сердце у меня теперь лишь гряда пепла.

6

Хотя бы ты ушел, мне суждено судьбою
Дышать в твоей тени. С тех пор, как мой порог
Ты раз переступил, мой гордый дух не мог
Уйти в свой скрытый мир и быть самим собою.
И если руку я, под твердь голубую,
Ликуя, окуну в лучей живой поток,
Ладонь мою пронзит мучительный ожог, –
Сознание, что она не стиснута тобою.
Нет бездны, что могла б нас разделить вполне.
И сердце я твое в моем всё глубже чувую, –
Что бьется за тебя и за меня вдвойне.
Ты растворен во мне, как виноград в вине.
И если о себе порой мольбу шепчу я,
Бог слышит имя то, что затаил мой дух,
И в каждой зрит слезе, как плачу я за двух.

7

Лик мира словно изменился весь
С тех пор, как ты, пройдя неувовимо,
Из бездны смерти силой херувима
Меня исторг. И я, оставшись здесь,
На новый лад любви начавши песнь,
Живу тобой поддержана, любима.
Страданьем крещена, прошла ль я мимо
Той чаши слез, которою нас днесь
Бог причастил любви? И в этой чаше –
Вся сладость жизни. Дальние брега
Близки, лишь ступит там твоя нога.
И станет край чужой странною нашей.
Ведь даже песня тем мне дорога,
Что имя в ней твое звучит – всех краше.

8

За золото и пурпур твоего
Нетронутото сердца, благородный
Мой друг, за дар твой царственно-свободный,
Что дам взамен? Ужели ничего?
Вот ты открыто положил его,
Чтоб я взяла, коль это мне угодно.
О, не считай меня скупой, холодной,
Неблагодарной! Нет, но до того
Бедна вся жизнь моя и так бледна...
От слез бесчетных выцвела она.
И в изголовье положить неловко
Ее тебе, как старую циновку.
Уйди! Она годится, может быть,
Чтоб на нее ты мог хоть наступить.

9

Что дать тебе могу? Одни страдания.
О нет, тебя любить я не должна.
Моя улыбка солью слез влажна:
Годам жестоким приношу их в дань я.
И все твои напрасны настоянья.
В очах чуть вспыхнет радость, уж она
В хрустальном ручейке отражена.
Как велико меж нами расстояние!
Жизнь серая моя – что в том, чиста ль? –
Лишь затемнит души твоей хрусталь
И пылью омрачит твой пурпур яркий.
Моей любви бесцветные подарки
К чему тебе? Тебя люблю я. Пусть
Любовь пройдет. Останется лишь грусть.

10

Но каждая любовь ведь хороша
По сущности самой: всё то же пламя
В охваченном огнем пылает храме
И в остове горящем шалаша.
Любовь – огонь. Когда я, чуть дыша,
Шепчу слова любви, перед очами
Твоими озаряется лучами
Моя преображенная душа.
Любовь пресуществляет всё, что низко.
Ничтожнейшее в мире существо,
Любя, в любви познало Божество,
Припав к душе вселенной, вечно-близкой.
Бог есть любовь – божественный призыв
Любить, себя и мир преобразив.

11

И если есть в любви заслуга, неужели
Себя достойною сочту я? Но вполне ль?
Бледнеют щеки. Дрожь в коленях. Тяжкий хмель
Пьянящих сердце грез день ото дня тяжеле.
Высь далека. Не на предельном рубеже ли
Стою, блуждающий, усталый менестрель?
Трель соловьиная глушит мою свирель.
Померк мой кругозор, где выси гор свежели.
Не стою я тебя. Не трудно разгадать,
Что обольщаюсь я, во власти злой соблазна.
И всё же мне в любви дается благодать –
Любить тебя и жить, хотя бы и напрасно,
Благословлять тебя, молиться за тебя,
Но отрицать в глаза любовь мою, любя.

12

Любовь, которой я горжусь глубинно,
Мне увенчала царственно чело,
Чтоб, глядя, человечество прочло
Ей цену, сверх алмаза и рубина.
Я знаю, что тебя как ни люби – но
Мне б это чувство в душу не вошло,
Когда бы взор твой не открыл светло
Мне край иной, казавшийся чужбиной.
И потому о чувстве я своем
Не говорю, как мне принадлежащем.
Мы лишь по милости твоей вдвоем
Владеем счастьем здесь – и рай обрящем.
Свой дар любви мне в сердце зароня,
Любить ты щедро научил меня.

13

Ты хочешь, чтоб я выразить сумела
Мою любовь к тебе, найдя слова,
Чье яркое пыланье наши два
Лица, как факел, озарило б смело?
Роняю я рукою онемелой
Его к твоим ногам. Любовь жива:
Пылает дух, но гаснет слух, едва
Ее поверю речи неумелой.
Пусть женственность, в молчанье облачась,
Тебе внушит к моей любви доверье.
Еще стою я робко у преддверья,
Проникнуть в новый мир не пробил час.
Такая затаилась в сердце горечь,
Что лишь любовью ты ее растворишь.

14

Коль любишь ты меня, люби за самоё
Любовь. Не говори: пленяет в ней улыбка
Иль взор задумчивый... уклоны мысли гибкой,
Пересекающей мышление мое.
Всё преходящее уйдет в небытие.
Любовь не строится, когда в основе зыбкой
Таится недочет, могущий стать ошибкой
И горько обмануть тончайшее чутье.
Еще молю тебя, чтобы не вкралась жалость
В твой поцелуй, когда ты слезы с влажных щек
Спешаешь в него впитать. Что страстно обожалось,
Оставит на сердце, быть может, лишь ожог.
Люби лишь для любви, чтоб чувство удержалось
На дивной высоте, где пребывает Бог.

15

Не обвиняй меня, что я чужда веселью,
Что на лице моем – страданье и покой.
Ведь даже солнца луч найдет отсвет другой
В кудрях и на челе у нас. С иною целью
Бог душу каждую к земному новоселью
Послал, и тьма путей сквозит во тьме людской.
Как пчелка. с детства я заключена тоской
В мрак одиночества, как в восковую келью.
Наружу не стремлюсь. К полетам не зови.
Застыл размах души. Напрасен крыльев шорох.
Предвижу я в любви – конец твоей любви
И тайный приговор в твоих читаю взорах.
Так с выси снежных гор провидит человек,
Как в горечи морей истает сладость рек.

16

Но потому что ты, всех благородней,
Наследуешь величье королей,
Мой скрытый страх навек преодолей,
Накинь свой пурпур на меня сегодня,
Чтоб сердце билось шире и свободней
Близ твоего. Победы нет светлей,
Чем милость к побежденным. Пожалей
И ты меня, чей дух тобою поднят.
Как к ратнику во прахе и в крови,
Склонись великодушно, и тебе я
Отдам свой гордый меч. Пусть я слабее,
Я вновь восстану силою любви.
И это сердце, взято смелым с бою,
Оно облагорожено тобою.

17

Певец, тебе открыта тайна звука.
Тебе доступен мира светлый строй.
И ты своей чарующей игрой
Страдающие души убаюкай!
Владеешь ты целителя наукой.
Своих даров божественных не скрой!
Ты можешь мертвых воскрешать порой.
Моя любовь к тебе тому порукой.
Скажи, чем я могу тебе помочь?
Надеждой радостной быть, звонко вторя,
Стараясь подражать тебе точь-в-точь?
Иль скорбной памятью людского горя?
Быть песней, где поется дивный край?
Или молчанье смерти? – Выбирай!

18

Я никому еще своих волос
Не подарила пряди. Видишь? эта –
Тебе, мой друг. Каштанового цвета
На пальцы навиваю кольца. Роз
Я больше не вплетаю в кудри. Грез
Девичьих минул час. Веселье света
В моей душе не вызовет ответа,
И смех давно умолк под ропот слез.
Прической строгой бледность щек обрамить
Я в горе научилась. Прядь кудрей
Моих возьмут, я думала, на память,
Когда на смертном я засну одре.
В них дышит чистотой, что годы не утратили,
Прощальный поцелуй моей покойной матери.

19

Ты на Риальто помнишь торг базара?
И я в душе торги веду. Скорей
За локон локон! Груза кораблей
Он мне дороже. Нет ценней товара.
Как при явленье муз в стихах Пиндара,
Смоль черных иссиня твоих кудрей
Вся отливает блеском, звезд светлей,
И пышет зноем солнечного жара.
Не блеск ли то лаврового венка?
Мой поцелуй, вернее чем рука,
Его пленит и закрепит украдкой.
И будет долго твой бесценный дар
В тепле уютном спать на сердце сладко,
Пока не оскудеет жизни жар.

20

Любимый, вечный мой, чем больше думаю,
Вообразить тем меньше я могу,
Что год назад ты жил, когда угрюмою
Холодной жизнью скована, в снегу
Следов не видя и не слыша шума, я
Здесь прозябала и судьбе врагу
На радость средь страданья и безумия
Цепей считала звенья; но в мозгу
Твой образ не возник еще. И в промахе
Моем предвосхитить я не могла
Явленья твоего... Весной черемухи
Цвели, а на душе царила мгла.
Так и безбожники душою серою
Не чуют Бога, в светлый мир не веруя.

21

Скажи еще и снова повтори
Слова любви, что каждый раз чудесней.
Пусть повторения подобны песне
Кукушки скучной. А ведь в час зари
Ее «куку» нам говорит: смотри,
Весна пришла. Усталый мир, воскресни!
Но в глубине души звучит – болезнен –
Сомненья голос, гложущий внутри.
И вот прошу я слов любви, как хлеба.
Кто скажет: слишком много звезд у неба,
Цветов у луга? Все ведь хороши!
Мне повторений сладки переливы,
Но только если в глубине души
Меня ты любишь, любишь молчаливо.

22

Когда лицом к лицу, исполненные силы,
Друг с другом наши две сближаются души,
Как вспыхивает вдруг полет их легкокрылый,
Чей трепетный изгиб весь искрится в тиши!
Из края дольного, любимый, не спеши
Проникнуть в горный край, что брезжит вслед могилы.
Мне любо здесь пока побыть в земной глуши,
Вне звездных совершенств, цена уют наш милый.
Уйдем в молчание, в бескрылие, в застой,
Пред тем как в гром войти торжественных созвучий,
Где сонмы ангелов шар песни золотой
Бросают в водопад гармонии певучей.
Побудем на земле. Пусть крыльям дан размах,
Но сладко нам любить – на ощупь, здесь, впотьмах.

23

О, неужели, если я умру,
Жизнь станет для тебя пустым обманом,
И солнце будет бледным поутру,
И мир могильным весь повит туманом?
Я, если верить твоему перу,
Ответственность беру. Судьба сама нам
Велит продлить житейскую игру,
Упитья до конца земным дурманом.
Прижми к себе, дыханьем оживи!
Мы сон и явь в глубинах глаз различим.
Как знатым дамам, ради их любви,
Пожертвовать не страшно их величьем,
Так я и смерть и небо отдаю,
Чтоб на земле с тобою быть в раю.

24

Пусть резкость мира (не складной ли ножик?)
Зашелкнется, не причиняя зла,
В руке Любви, что нежность принесла.
Мой дух больной твоею властью ожил.
Тобой храним, он больше не встревожен
Угрозами. Судьба моя светла.
И тьмы людей, их темные дела
С тобой – жизнь в жизнь – мы вместе превозможем.
И наши жизни с каждым днем белей,
Всё глубже в мир земной пуская корни,
Взнесут свой цвет, с нетленностью лилей,
В край грез, недостижимый и горний.
Сам Бог любовью нас обогатил
И в мир вознес гармоний и светил.

25

Я сердце, как тяжелый груз, несла.
Со скорбью скорбь сплеталась в ожерелье.
Так у других, чья жизнь не тяжела,
На нить алмазы ниспадают веселья,
И эта нить вздымается, светла,
От сердца легкого биенья. Цели,
Надежды я не знала. Еле-еле
И Божия десница бы могла
Поднять груз сердца. Слово затвердело
Оно от скорби. Но тогда его
В глубокое свое ты существо
Спокойно погрузил. И без предела
Оно теперь поглощено тобой.
Ты – связь между звездами и судьбой!

26

Жила я долго в мире сновидений,
Вдали от плетью скованных людей,
Питая дух нетленностью идей
И музыкой, всех необыкновенней.
Но мир истаял дивных вдохновений.
Замолкли звуки. Как им ни владей,
Дар изменил. Тогда ты, чародей,
Явился предо мной, небесный гений.
И вся та красота, чем я жила –
Напевность, блеск, сияние чела –
В тебе сторицей как бы воплотилось.
И я в тебе с избытком обрела
Утерянную мною легкокрылость.
Ведь как бы греза ни была смела,
Еще необычайней Божья милость.

27

Любимый мой, тобою дух мой поднят
Над этой мрачной плоскостью земной.
Ты жизнь вдохнул в меня, и страсти зной
Всю вечность в поцелуй вместил сегодня.
Искала я лишь образа Господня,
Просвета в мир неведомый, иной.
Но ты нежданно был найден мной,
И я сильна, уверена, свободна.
Как тот, кто проникает в мир чудес,
С лужайки златооких асфodelей
Оглядывается на темный лес
Земных страстей в покинутом пределе,
Так я скажу, чей дух тобой воскрес:
Любовь, как Смерть, ведет нас к высшей цели.

28

О пачка писем! мертвая, немая!
Какая дрожь пронзила их покой,
Когда, листки из связки вынимая,
Я их роняла трепетной рукой.
Тут он просил, чтобы его сама я
Как друга приняла; а вот другой
Листок, где светлый день назначен мая.
А здесь письмо – «любимой, дорогой».
Как будто Божья сила осенила
Усталый дух, и муки стон утих.
А вот слова – «я твой»... бледны чернила,
Так часто прижимала к сердцу их.
А тут! но тайны я не проронила,
И не дерзнет о ней поведать стих.

29

Я о тебе всё думаю, и мысли
Вокруг тебя, как дикий виноград
Вдоль дерева. С трудом заметит взгляд
Высокий ствол – побеги так нависли
На нем. О дуб мой крепкий, не помысли,
Что друг твой этим грезам больше рад,
Чем твоему присутствию. Стократ
Оно дороже! Дереву не ввысь ли
Расти – судьба? Но если дикий плющ
Его обвил, то рост его могут
Не будет. О, явись мне, превозвысь!
Так радостно, лишь на тебя взгляни!
Такая свежесть есть в твоей тени,
Что грезить не к чему – лишь чують близость!

30

Я вижу образ твой сквозь слезы ночью,
А днем ты улыбался. Почему
Я так грустна? Сама я не пойму...
Своей тоски не в силах превозмочь я.
Как будто светлый хор поет, пророка
Блаженство в храме, озаряя тьму
Молящихся, но в ладанном дыму
Вдруг служка оземь грохнется, точь-в-точь я.
Еще звучит торжественно аминь.
Но всюду мрак неведомых пустынь,
Хоть в отдаленье голосу я внемлю.
Быть может, мне привиделся лишь сон,
И дух мой был на небо вознесен, –
А слезы горько падают на землю.

31

Когда ты здесь – всё сказано без слов.
Я взор ловлю. Так днем глазами дети,
Купаясь в свете, ловят словно в сети
Чудес животрепещущий улов.
Последнее сомненье поборов,
Я жду, когда падут помехи эти,
Что встали между нами в злом запрете,
Как бездна между дальних двух миров.
Дай словно в голубятне приютиться!
В толпе беспомощна как голубь я.
Крылатый мой, укрой меня любя.
Позволь широким сердцем защититься.
Ах, эти мысли, когда нет тебя –
Как изнемогшие на небе птицы.

32

Заря чуть занялась, вслед за твоею клятвою
Меня любить, я взор направила к луне:
Ее изменчивость была примером мне,
И узы новые, мою судьбу захватывая,
Сулили ль счастье нам? Я знала, что душа твоя
Достойна лучшего, и голос свой вполне
Ты дашь под инструмент, что строй хранит вдвойне,
А не расстроенный, чьи струны рвутся надвое.
Певец, владеющий искусством скрипача,
Разлад малейший ты своей считал ошибкою,
Расстаться не спеша с невыдержанной скрипкою.
Под опытной рукой неслышанно звуча,
Одушевляются внезапно струны, клавиши,
Искусство мастера великого восславивши.

33

Да, этим прозвищем зови меня и ты.
Ведь с самых ранних лет, его послушна звуку,
Из круга детских игр, цветы зажавши в руку,
Стремилась я – взглянуть на милые черты.
О, эти голоса, так нежны и чисты,
Что с музыкой небес слились! Увы, разлуку
Всё глубже чувствую с годами я и муку
Влагаю в стон среди молчанья пустоты.
Да будет голос твой – умолкнувших наследник!
Осенние цветы ты вешним вслед нарви!
Быть может, сердцу нет милей цветов последних,
И упоительней последней нет любви.
Зови меня как те, кого уж нет на свете,
Всё существо мое тебе тогда ответит.

34

Я обещала, что тебе отвечу,
Как на призыв любимых голосов,
И тотчас устремлюсь тебе навстречу,
Едва заслышу трепетный твой зов.
Бывало, лишь родных своих примечу,
Роняю ворох сорванных цветов,
Взлет песни замену покорной речью,
И рот расцвествь улыбкою готов.
Теперь, когда тебе я отвечаю,
Я отрываюсь от упорных дум,
Но сердце мчит, биенье учащая.
Исчез мир детских игр, веселья шум,
Но только руку на сердце положишь –
В нем кровь бежит быстрее детских ножек.

35

Коль всё покину для тебя, взамен
Себя вполне отдашь ли? Сестры, братья,
Родительская нежность и объятия, –
Кто мне заменит их средь чуждых стен?
Как дорог нам привычки сладкий плен!
Займешь ли место тех, что потерять я
Должна была? – Кто в сердце без изъятья,
И чья любовь теперь без перемен?
Кто знает глубину любви? Но горе
Измерить до конца куда трудней!
Так бездна океана глубже моря,
И больше грез разбитых там на дне...
Дай мне приют в душе, всех необъятней.
Голубку в нем свою укрой как в голубятне!

36

Кто б угадал при нашей первой встрече
В событье том, еще из царства снов,
Устойчивость гранитную основ,
Чтоб воздвигать душой, себя обретшей,
Мир будущий, вне горечи прошедшей?
Но свет небесный был еще так нов,
Что я боялась растворить окно
В весенний сад, внезапно весь расцветший.
Да и теперь, уверенна, смела,
Я чувствую: так глубоко люблю я,
Что власть объятия, сладость поцелуя,
Восторг любви я б в жертву принесла,
Коль, вопреки своим счастливым звездам,
Избрал он путь, для коего не создан.

37

Прости, что я божественного сходства
Твоей души не в силах передать.
В мир красоты вошла я словно тать,
Не отрешась житейского уродства.
Так много лет вне твоего господства
Прошло. На них сомнения печать.
И речь моя лишь может извращать
Тот образ, где застыло превосходство.
Так, кораблекрушенье потерпев,
Но выброшен на берег, скиф-язычник
Благословлял заступников привычных
И бормотал им гимны нараспев.
И резал в камне неуклюжей лапищей
Дельфина в честь морского бога в капище.

38

Когда впервые он поцеловал меня,
Коснулся он едва руки, что это пишет.
И чище и белей с того как будто дня
Она молчанья знак дает, лишь сердце слышит
Призыв небесных сил. На ней печать огня.
И перстень-аметист ей кажется излишен.
Второй же поцелуй был поцелуем высшим.
Коснулся он чела, блаженством осеня.
– Помазанье любви, пред тем как лоб увенчан
Венцом сладчайшего избранничества был
У самой на земле счастливейшей из женщин.
А третий поцелуй в уста пурпурный пыл
Вдохнул, и голос мой, в лобзанье страстном пойман,
Всё шепчет радостно: единственный, родной мой...

39

Тебе дано, как Божья благодать,
Сквозь маску, что лишь знают все другие,
В оцепененье жутком летаргии,
Во мне живую душу увидеть.
И ты один способен угадать
В лице измученном – черты благие:
Лик ангела, презревшего стихии
И небеса стяжавшего, как тать.
И раз тебя не могут оттолкнуть
Ни Божий гнев, ни близкой смерти жуть,
Ни всё, что осуждали лицемерно
Другие, от чего устала я,
Хочу, чтобы признательность моя
Была, как доброта твоя, безмерна.

40

О да! Речь о любви разносится повсюду.
О ней наслышана я с самых юных лет.
И робких грез любви пленительный расцвет
Всё душу мне порой пьянит. И я ли буду
Пытаться отрицать, что – сопричастна чуду –
Она дает земным в небесный мир просвет?
Но если в ней самопожертвованья нет,
Пылание страстей сулит лишь пепла груды.
Пусть горе и болезнь тяготами оков
Страшат дрожащего перед судьбою грозной.
Но ты, любимый мой, я знаю, не таков:
Сквозь мглу страдания ведешь ты к славе звездной,
Где царствует любовь над брэнностью веков:
И *рано* для тебя, где людям *слишком поздно*.

41

От всей души благодарю те души,
Кто музыку слышали мою
(Всё то, что в одиночестве таю),
К стене моей тюрьмы прижавши уши.
Но стоны, затаенные всё глуше,
Что шепотом порою лишь пою, –
Отбросив лиру звучную твою,
Один лишь ты сочувственно подслушал.
Как мне тебя благодарить, скажи?
За то, что ты раздвинул рубежи,
Открыл мне путь в грядущие столетья.
Я полный смысл найду моей души
В том, что по смерти буду вечно петь я:
Слова любви Поэта о Поэте.

42

«Меж будущим и прошлым нету связи», –
Я молвила внезапно, мысль вслух.
То ангел мой хранитель – светлый дух,
Предстательствующий Творцу, в экстазе,
Как будто говорил, и в этой фразе
Пророчество для нас звучало двух:
Рожденье творчества среди разрух,
Виденье красоты средь безобразья.
И я, пройдя тернистый путь земли,
Узрела, как расцвел мой пыльный посох
Побегами весны в жемчужных росах.
Слова недаром мне на ум пришли.
Мир прошлый потеряв, зато грядущий выйграв,
К роману новому я новый дам эпиграф.

43

Как я люблю тебя? Всё глубже, шире, выше –
Той глубиной, шириной и высотой, что дух
Способен вымерить. Дай перечислить вслух
Все бездны Бытия, что Благодатью дышит.
Пусть пламень с каждым днем спокойнее и тише,
Пусть кажется порой, что внешне он потух,
Люблю я творчески, вне жизненных разрух,
И – сокровенная – любовь всё ярче пышет.
Свободна и чиста, в ней оживает страсть
И вера детская, притупленная горем.
Святой крылатости я снова чую власть.
Я знаю, что с тобой мы вместе перебором
Превратности судьбы, и после смерти я
С тобою высшего достигну Бытия.

44

Любимый! ты мне приносил цветы
И летом и зимой. Под солнцем, в ливне
Вращенные, они всё неизбывней
Мне душу освежали, как и ты.
Прими ж взамен те тайные мечты,
Что в душу мне запали, пробудив в ней
Побеги нежные, всё неразрывней
Связавшие нас в мире красоты.
Быть может, много лишнегоросло в них
И плевелом, и сорною травой.
Ты выполешь их дланью огневой.
Но цепкий плющ и дикий есть шиповник.
Их может распознать взор верный твой.
Сорвав цветы, не забывай, садовник:
В душе храню я корень их живой.

3

(ВАРИАНТ)

О сердце царственное, мы с тобой
Так непохожи. Так мы друг для друга
Чужды во всем! И ангел мой и твой
Недоуменья, верно, и испуга
Полны, встречаясь в бездне голубой.
Певец я нищий. Ты ж иного круга,
Гость королев. Тебе дано судьбой
Им петь в часы их празднеств и досуга.
И в сотнях ярких глаз ты будишь грезы.
Мои глаза и в миг, когда в них слезы,
Сияют – всё ж не так ярки! Опять
Зачем со мной ты? На тебе ведь мирро,
Роса на мне, мне холодно и сиро...
И только смерть нас может уравнять.

6

(ВАРИАНТ)

Уйди! Но я тебя не позабуду,
Я буду жить как бы в тени твоей.
Не запереть мне наглухо дверей
Моей души – в ней замкнутой не буду.
Вот руку подыму на солнце – в ней
Твое пожатие чувствую, как чудо.
Пусть рок разделит нас – с тобой я всюду.
В груди двойное сердце всё больней,
Быстрее бьется. В каждом дне и сне
Моем и ты. Так запах есть в вине
От гроздий, различить в нем можно лозы.
Когда молюсь я Богу о себе,
Твое Он имя слышит в той мольбе,
В моих глазах твои Он видит слезы.

ПЕРЕВОДЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ

ИЗ СУИНБЕРНА

Хор из «Атланты в Калидоне»

На самой заре времен
Был послан в мир человек,
И что же обрел здесь он
На краткий иль долгий век?
Радость, но в ней, как хлеба
Дрожжи, – отчаянья яд;
Память, посланницу неба;
Безумие, знавшее ад;
Силу без рук для создания;
Любовь, что длится лишь день;
Ночь – только тень от сиянья,
И жизнь – только ночи тень.

И взяли высшие боги
Немного слез и огня,
Немного пыли с дороги,
С пути проходящего дня;
Песку с полей разрыхленных
И пену волн морских;
И формы душ нерожденных,
И формы тел людских;
И смеясь и плача, сковали
Всей любовью, всем гневом своим,
Со смертью в конце и в начале
И с жизнью над ним и под ним
Для дня, утра и ночи,
С трудом и тяжелой тоской,

Опору живых средоточий,
Священный дух людской.

И бурь порыв без предела
Вдохнули в уста людей,
И жизнь им влили в тело
Для земных ночей и дней;
Создали зренье и слово,
Чтоб душа с ним тайно слилась;
Свой час для труда земного,
Для греха земного свой час.
И дали любви обаянье,
Которым путь освещен,
И дня красоту и сиянье,
И ночь и у ночи сон.
И слов его ярко горенье,
И надежда в его устах,
Но в сердце – слепое томленье
И предчувствие смерти в глазах.
Ах, он ткет, но постыдна одежда;
Свет – только пожнет ли он;
Жизнь есть бодрствование и надежда,
Но в конце и в начале – сон...

ИЗ ШАРЛЯ ПЭГИ

ПАРИЖ – БОЕВОЙ КОРАБЛЬ

Ты боевой корабль у колоннады.
Когда-то пушки укрывал твой трап,
Теперь – ты фабрик тяжкая громада,
Теперь ты денежный железный шкаф.

Тебе отцы плясали серенады.
Венком тебя венчали не цветов,

А жизнью собственных. От канонады
Дрожали стены у твоих бортов.

И мы придем к тебе. И сердце каждый
Тебе отдаст, исполненное жаждой
С тобою плыть по всем земным морям,
Ведь каждый здесь сын воина и воин,
Нам пушки будет заряжать достоин
Чудовищ полк с карнизов Нотр-Дам.

ИЗ WORDSWORTH'A

СОНЕТ

(Написан близ Дувра в день возвращения)

Дышу я снова воздухом родным.
Петух кричит, звенят колокола,
Играют дети в зелени, и дым
Каминов в небе вьется. Не была
Давно душа так радостно светла:
Здесь все английское, к своим, к своим
Вернулся я, – как сердце радо им!
Европа вся еще в оковах зла,
На время, но в цепях. А ты, страна
Моя, свободна! И душа полна
Такой и радости и высоты.
Как счастлив я, что здесь дышу, живу,
Гуляю, мну английскую траву –
Что мне во всем товарищ милый – ты.

1802 г.

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

На закатное небо посмотри заревое
Через наше оконце.
Обними мою шею, вот, прижмись головою.
Опускается солнце.

Небо – море сиянья. Свет великий струится,
Сплетены мы безмолвно.
Пусть летят наши души, как свободные птицы,
В светозарные волны,

Затеряются в высях, как две быстрых голубки,
Но в пустыне безбрежной
Острова заалеют, – и воздушны, и хрупки,
Души спустятся нежно.

Уж не раз прозревали нетелесным мы взглядом
Те миры без названья,
И от их созерцанья стала жизнь наша – адом,
И удел наш – скитанья.

Словно к светлой отчизне, устремляем мы очи
К ним с великою жаждой.
Не о них ли нам шепчет звезд торжественной ночи
Луч мерцающий каждый?

И на них мы остались, нет ни друга, ни брата,
Два цветка мы в пустыне,
Тщетно ищем, скитаясь, невозвратной утраты
На холодной чужбине.

1902

ТАНЦОВЩИЦА ИСПАНКА (Из Р.М. Рильке)

Спички серные чуть-чуть шипят,
Прежде чем зажечься, и хрустят,
И потрескивают язычками
Пламени: – не так ли, в тесный круг
Наш вступив, ты чуть зажглась меж нами –
Чуть заметной искрой глаз и рук,
Чтобы вспыхнуть яркой вспышкой вдруг?
Вот и волосы горят огнями,
Словно тоже их зажег твой взгляд;
Вот и платье ты вкружила в пламя;
И в огне – двух обнаженных рук,
Змей, которых охватил испуг,
Средь извивов – drobный, четкий стук.

А потом: как будто тесно стало
Пламя ей – она его сорвала
И, собравши в маленький клубок,
На пол бросила, как лоскуток.
Но оно гореть не перестало,
И она его с улыбкой растоптала
Быстрыми ударами маленьких ног!

DUBIA

* * *

Не по вкусу мне и по нраву
Разбираться в делах частных
И оспаривать чье-то право
Саркастически петь богатых.

Невысокая это участь,
Незавидное испытанье –
Разбиваясь душой и мучась,
Для «греха» искать оправданье.

Это, в общем, смешно и скучно...

Но, внесенный талантом смелым,
Голосисто, светло и звучно
В небе плавает лебедь белый.

Неколеблем треножник прочный.
Зная правых и виноватых,
Без оттенков, легко и сочно
Нарисован портрет богатых:

С музой творческою не дружен,
В дорогие меха наряжен,
Мир искусства ему не нужен
И голодный певец не важен.

А с высот голубых, безгрешных,
Удивляется Бог стокрылый
Бездуховности их кромешной
И бескрылости их унылой.

Но напрасны, увы! – старанья
Разграфить эту жизнь, – хоть тресни!
Духа творческого дыханье
И богатым тоже известно.

Упоенье идеей пылкой,
Упоенье борьбой мятежной!..
И не он ли разбил копилки
На свободную жизнь в надежде?!.

Не потупив свой взор упругий
И презрев свой венец терновый,
Чтоб живот положить за други,
Он остался в аду суровом.

И Писанья слова вечно
Никакими не заменимы:
Не судите других беспечно,
И не будете вы судимы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА

Очерк М. Цетлина «Наталья Гончарова» был написан для книги «The Soul of Russia» (London, 1916), в подготовке которой принимала участие его жена Мария Самойловна. Жившая в это время с мужем в Париже на положении политэмигрантов, она отвечала за российскую сторону – подбор и комплектование книги текстами русских авторов. В содружестве с английскими коллегами в книге представлен цвет российской интеллигенции – крупнейшие деятели русской культуры серебряного века: не только известные поэты и писатели, но и видные ученые. Среди них мы находим и имя Цетлина, выступившего, как обычно, под псевдонимом Амари.

Данный книжный проект задумывался как гуманная антимилиитаристская акция: доходы от издания должны были пойти на нужды гражданского российского населения, пострадавшего от Первой мировой войны. В качестве редактора книгу готовила к печати Уинфрид Стефенс (Winifred Stephens; ?–1944), известная английская переводчица с французского, владевшая одновременно и русским языком. До этого Стефенс издала аналогичную «Book of France», первое издание которой (5000 экземпляров), как писала М.С. Цетлина И.Ф. Стравинскому 20 января (2 февраля) 1916 г., «было распродано в течение четырнадцати дней и теперь распродается второе»¹.

Об авторском составе «The Soul of Russia» дает представление приводимый ниже проспект:

«The Soul of Russia» is the title of a volume to be published in the autumn by mess[ieu]rs Macmillan&Co under the editorship of Miss Winifred Stephens, Editor of «The Book of France». The book will a cover design by Léon Bakst, and illustrations in colour after Bilibin, Goncharova, Larionov, Roerich, Stelletsy, and others. It will contain contributions by K. Balmont, Maurice Baring, Arnold Bennett, Harold Begbie, St. John Brooks, Brussov, Budistchev, G.K. Chesterton, M.A. Czaplicka, Dioneo, N. Jarintsova, Kareev, Kovalevsky, Kupernik, O. Metchnikoff, Milyukov, Rosa Newmarch, Netta

¹ *Стравинский И.Ф.* Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии <В 2-х томах>. Т. 2. М.: Композитор, 2000. С. 355.

Peacock, Potapenko, Rimsky-Korsakov, Gippius, Sologub, Robert Steele, Stravinsky, Z. Shklovsky, Paul Vinogradoff, Seton Watson, Hagberg Wright, and others. The Russian contributions have been rendered into English by expert translators. Illustrators, writers, translators, and editor have freely given their services, and the publishers will hand over all profits to the President of the Union of the Russian County Councils or Zemstvos for distribution among the victims of the war.

Перевод: «Душа России» – таково название книги, которая выйдет из печати осенью в издательстве г-на Макмиллана и К^о под редакцией г-жи Винифред Стефенс, которая редактировала «Книгу о Франции». Для обложки книги будет использована картина Леона Бакста¹, а в ней самой собраны цветные иллюстрации <И.> Билибина, <Н.> Гончаровой, <М.> Ларионова, <Н.> Рериха, <Д.> Стеллецкого и др. В готовящемся издании участвуют: К. Бальмонт, Морис Баринг, Арнольд Беннет, Гарольд Бегбье, Ст. Джон Брукс, <В.> Брюсов, <А.> Будищев, Г.К. Честертон, М.А. Заплицка, Дионео <И. Шкловский>, Н. Жаринцова, <Н.> Кареев, Ковалевский², <Т. Щепкина->Куперник, О. Мечникова, <П.> Милюков, Роза Ньюмарш, Нетта Пикок, <И.> Потапенко, <Н.> Римский-Корсаков, <З.> Гиппиус, <Ф.> Сологуб, Роберт Стил, <И.> Стравинский, З. Шкловский, Павел Виноградов, Сетон Ватсон, Хагберг Райт и др. Тексты русских писателей даны в переводах на английский, выполненных известными переводчиками. Художники, писатели, переводчики и редактор трудились для этой книги безвозмездно, все доходы от нее будут переданы издателями председателю Союза российских губернских советов или земств для распределения между жертвами войны³.

Среди известных деятелей русской культуры, в этот список не попавших, но являющихся авторами «The Soul of Russia», следует назвать А. Вольнского («Толстой и Достоевский»), А. Кони («Война в творчестве Пушкина»), А. Куприна («Русская фабрика в военное время»), в проспекте также нет имени М.О. Цетлина, представленного, как было сказано выше, очерком «Наталья Гончарова».

¹ На обложке воспроизведена «Стрела союзников» Л. Бакста, метафорически воплощающая тему войны: дракон, который символизирует германскую военщину, пронзен стрелой союзнических сил.

² Очевидно, говорится об академике М.М. Ковалевском (1851–1916), который умер как раз накануне и, по-видимому, не успел представить обещанного материала.

³ См. также описание книги «The Soul of Russia» в статье современного исследователя: Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5.

Хорошо известно, что Цетлины были связаны с Н. Гончаровой и М. Ларионовым теснейшими дружескими узами, о чем будет сказано далее, в послесловии к книге. Очерк Цетлина предназначался, судя по всему, именно для книги «The Soul of Russia» и, насколько известно, никогда не печатался на русском языке (его перевод на английский осуществлен Adeline Lister Kaye). В саму книгу включены иллюстрации двух эскизов Гончаровой: Шемаханской царицы (к балету «Золотой петушок») и Садко (оба из коллекции Цетлиных). Очерк преследовал цель представить английской аудитории русскую художницу, поэтому в нем как бы изначально не предполагалась какая-то аналитическая глубина или сообщение сведений, выходящих за жанровые рамки «первого знакомства». Тем не менее, как представляется, есть все основания напомнить об этом тексте современному читателю. Предлагаем обратный перевод очерка с английского языка на русский¹.

НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА

Ни одно женское имя не появляется в истории живописи до XVIII века и даже, за некоторым исключением, вплоть до сегодняшнего дня. Виже-Лебрен, эта элегантная портретистка, привлекающая женским кокетством и материнством; Роза Бонер, чьей наследницей явилась импрессионистическая школа живописи; мисс Касса и Берта Морисот; Мария Башкирцева, так рано ушедшая; обладающая выразительной творческой мощью русская женщина-скульптор Голубкина², еще несколько менее талантливых имен – и этим список исчерпывается.

---

¹ В недатированном письме к М.С. Цетлин М.Ф. Ларионов писал: «...благодарю еще раз за книгу. Нат<алья> Сер<геевна> тоже благодарит, а также благодарит Мих<аила> Осип<овича> за статью, но она все отдельно в своем письме напишет» (цит. по: *Марков Анатолий. «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов...» // Библиофилы России: Альманах. Т. 2. М.: Любимая Москва, 2005. С. 190.*)

² Элизабет-Луи Виже-Лебрен (1755–1842), французская художница неоклассического стиля; Роза (Мари-Розали) Бонер (1822–1899), французская художница и скульптор; Мари Касса (1844–1926), американская художница импрессионистического направления; Берта Морисот (1841–1895), французская художница-импрессионистка; Мария Константиновна Башкирцева (1858–1884), французская художница русского происхождения; Анна Семеновна Голубкина (1864–1927), скульптор.

Правда, созданные женщинами художественные ценности несопоставимы с тем, что предлагает этот скудный перечень. Он не учитывает многих невидимых и неизвестных, кто украшает, расцветчивает, вплетает новые нити в непрерывно ткущийся ковер искусства. Тех, кто своим поэтическим вдохновением повышает и совершенствует художественный уровень жизни. Вовсе не лишено значения то, что в наши дни серой и однообразной униформы мужчин именно женская одежда сохраняет понятие о красоте. Но для живого роста хрупкого цветка индивидуального вдохновения необходимы благоприятные обстоятельства – свежий воздух свободы и размах творческой инициативы. В этом прекрасному полу почти полностью было отказано.

Наталья Гончарова одна из немногих женщин, которая благодаря своей богатой индивидуальности, а также настойчивой и упорной работе достигла духовной независимости.

Она родилась в 1881; ее отец, архитектор по профессии, принадлежал к старинному роду, чьи предки во времена Петра Великого были среди зачинателей российского предпринимательства. Тетка ее отца была женой великого русского поэта Пушкина, а мать – из известной семьи священнослужителей Беляевых. До 11-летнего возраста Наталья постоянно жила в деревне и навсегда сохранила любовь к природе и отвращение к толпе. С раннего детства она любила рисовать, но только позднее обнаружили ее художественные способности. После школы она изучала историю и даже медицину, но, почувствовав, где лежит ее истинное призвание, поступила в московскую Школу рисования и зодчества¹. Там она проучилась три года, достигла блестящих успехов в классе кн. П. Трубецкого и по окончании получила медаль. В Школе познакомилась с художником Михаилом Ларионовым, который в будущем серьезно повлиял на ее художественное развитие.

Между 1900 и 1912 гг. Наталья Гончарова создала огромное количество скульптурных и живописных работ, а также множество иллюстраций. Как всякий большой художник она одарена бога-

---

¹ После недолгого пребывания на историко-филологическом факультете Высших женских курсов Н. Гончарова в 1901 г. поступила на скульптурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества (класс С.М. Волнухина и П.П. Трубецкого; посещала также класс живописи К.А. Коровина).

тейшим творческим даром и в смысле его многосторонности, и в отношении продуктивности. Она шагала по нескончаемой дороге учеников и искателей. Но даже в своем ученичестве подлинный талант оказывается оригинальным – его опыты зачастую удачны и почти всегда интересны. Гончарова, впитавшая много разных художественных впечатлений, была предельно строга, тщательна и анатомически точна в своих пристрастиях. Она воспринимала и постигала только то, что соответствовало ее требовательной и ищущей натуре. Русские иконы, византийская мозаика, древнерусская живопись и деревянные фигурки Христа, Брейгель-старший, Эль Греко, Барбизонская школа, Сезанн, Гоген, Анри Руссо и Пикассо – все повлияли на нее. Она, равно как и Ларионов, работала в разных манерах и стилях – даже в духе кубистов, футуристов и лучистов. И все, что производила в эти годы, делалось с предельной серьезностью. Временами это бывало что-то наивное, стилизация лубка, однако ее руку всегда выдавало неизменное чувство формы и цветовой гармонии. Она обладает врожденным и совершенно уникальным даром органичного и необычайно счастливого смешения религиозного чувства, веры в Христа и почти языческой радости от ощущения светозарно-солнечного жизненного празднества. Когда смотришь на ее картины, испытываешь подлинно восторженное изумление от сочетания смиренной веры в Бога с почти безудержным ликованием ребенка.

Я не стану останавливаться детально на ее картинах, они мало известны английской публике. Кроме того, их обсуждение привело бы к тому, что пришлось бы затронуть многие дискуссионные вопросы современного искусства, которые не могут быть адекватно рассмотрены в ограниченных рамках этой статьи.

В последние годы Наталья Гончарова захвачена работой в новой для себя сфере. Результаты этой работы на Западе известны больше – я имею в виду ее деятельность как театрального художника.

До нынешнего времени искусство драмы и живопись были почти полностью разобщены. Театральные декорации в большинстве случаев выполнялись не художниками, а простыми декораторами. Это положение стало меняться лишь недавно, после того как Дягилев достиг впечатляющих результатов в своих экспериментах, соче-

тающих сценическую декорацию и живопись в оперных и балетных *mise en scène*. Любители искусства знакомы с его работой, так же, как с театрально-художественными опытами Бакста, Бенуа, Головина, Рериха и др. Громадные возможности этой формы искусства привлекли Наталью Гончарову. По ее собственному признанию, первым обнаружившим в ней талант художника-декоратора был Михаил Ларионов, он и посоветовал сосредоточить свою энергию в этом направлении.

Как это всегда бывает у крупной творческой личности, театральные замыслы Гончаровой, несмотря на их новизну, подчинены определенной традиции, корни которой уходят в глубокую почву русской национальной культуры. Недаром она принадлежит столь славному роду и детство свое провела в деревне. И не просто в деревне, а в атмосфере русских крестьянских образов, с ранних лет оставивших в ней неизгладимый след. В Тульской губернии, откуда она родом, женщины до сих пор носят пестрые, многокрасочные одежды, украшенные старинной вышивкой и национальным орнаментом. Там можно слышать русские песни и легенды, сложенные в незапамятные времена. Наследницей всего этого и стала Наталья Гончарова. Чтобы вооружить художника такой безошибочной остротой зрения и точностью кисти, требуется неустанная, кропотливейшая работа многих поколений. Как если бы декоративные чувства миллионов ее безымянных сестер очистились и трансформировались в плавильном огне индивидуального творческого гения, найдя в ней свое высшее выражение.

То, что Гончарова избрала для себя путь оформителя балетных спектаклей, обернулось большой удачей для театра. Не пытайтесь как-то оценивать достижения современного сценического искусства, следует вместе с тем признать высокую значимость его проблематики и целей. Театр, обладая собственными специфическими условиями, устанавливает определенные границы проявлению безграничной свободы, и, как результат этого, Наталья Гончарова, оставаясь в своей сценографии подлинным художником, очаровывает даже тех, кто не испытывает особенного восторга от ее кубистических и футуристических работ. Во всех ее *mise en scène* мы обнаружим единство непритязательной простоты и глубоких познавательных синтезов, так же, как и присутствие не-

повторимого художественного «я». Ее краски лучезарны и богаты многообразными оттенками, линии просты, но заключают в себе внутреннюю силу.

Первым театральным успехом Гончаровой стали комедия Гольдони «Веер» и «Свадьба Зобеиды»¹ Гофманстали, поставленные в Москве². На сцене оживали Венеция XVIII века и чарующая прелесть Востока. Наряду с тщательным изучением старинных миниатюр и костюмов ее работа представляла результат неукротимой фантазии. Когда некоему известному критику довелось увидеть один-единственный костюм из «Веера», он, не скрывая раздражения, заявил: «Этого не может быть, это какой-то анахронизм!» Но потом, когда перед ним предстал весь спектакль в целом, с костюмами и декорациями, мнение его в корне изменилось. На сцене был явлен живой дух старинной Венеции, и этот критик признал, что то, что он счел ошибкой или анахронизмом, было сделано намеренно и что найденные Гончаровой образы в единстве сценического ансамбля были абсолютно непогрешимы против истины. То же случилось в «Золотом петушке» («Coq d'Or»)³ и «Садко»⁴.

В «Золотом петушке» Гончарова демонстрирует полет своего удивительного воображения, основанного на глубоком знании предмета⁵. Зрители, подобно детям, внимающим волшебной сказке, забывают обо всем на свете и переносятся в иную страну, где растут необычайные деревья, цветут причудливые цветы, а люди носят ослепляющие своей яркостью одежды. У кого-то из зрителей ущемлено бьется сердце, кто-то затаил дыхание, а кто-то находится во власти исключительного эмоционального порыва...

---

¹ По ошибке набрано: «Zobenda's Marriage».

² Спектакль «Свадьба Зобеиды» был поставлен в московской частной студии К. Крафта в 1909 г., «Веер» – в Камерном театре в 1914 г.

³ Имеются в виду шедший в рамках «Русских сезонов» С.П. Дягилева балет-опера «Золотой петушок» на музыку Н.А. Римского-Корсакова (поставлен М.М. Фокиным).

⁴ Цетлин ошибается: балет «Подводное царство» (из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко») был поставлен М.М. Фокиным в 1911 г. и оформлен художником Б. Анисфельдом.

⁵ Премьера оперы-балета «Золотой петушок» (музыка Н.А. Римского-Корсакова, хореография М. Фокина) в рамках «Русских сезонов» С. Дягилева состоялась в Paris Grand Opéra 21 мая 1914 г.

Это и есть эффект подлинного искусства, способного подчинять всё окружающее своей непреклонной воле. Те, кто видел «Золотой петушок», никогда не забудут его оригинального юмора: единую униформу Дадонова воинства или деревянного коня, на которого царь взбирается с помощью лестницы.

<...>

Наталья Гончарова находится лишь в начале своего пути, обещающего впереди еще немало новых творческих открытий.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

В московской газете «Понедельник» (1918. № 8. 9 (22) апреля. С. 3) в рубрике «Силуэты» был напечатан очерк Мих. Цетлина (Амари) «Максимилиан Волошин». Написанный с той мерой откровенности, которую мог позволить себе человек близкого Волошину человеческого и художнического мироощущения, он хотя и не сообщал о портретируемом в нем поэте каких-то по-настоящему новых сведений, тем не менее небезынтересен и важен и как дополнительный штрих во взаимоотношениях автора и героя, и с точки зрения биографической летописи обоих. В особенности интересна та часть очерка, где Цетлин говорит о волошинской эпатажности, его свойстве и манере раздражать, даже бесить обывателя, становиться антиподом и оппозиционером косной, по-житейски прозаической морали и системы ценностей и в этой своей ипостаси быть в особенности ни на кого непохожим.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Давая портретные наброски, «силуэты» писателей, мы отступаем от требований Пушкина, чтобы критике подверглось «не лицо, а только литератор»¹. Ведь допуская в литературе портрет

¹ Из эпиграммы Пушкина «Журналами обиженный жестоко...» (1829), направленной против историка М.Т. Каченовского (в то время редактора «Вестника Европы»). Основанием для эпиграммы послужил донос Каченовского на цензора, разрешившего к печати статью, в которой якобы были не литературные, а личные выпады против него.

живого лица, мы должны допустить и портрет отрицательный, даже карикатуру. А тогда что, кроме личного такта, помешает нам дойти и до такого «силуэта», который приводит как пример недопустимого Пушкин:

«Такой-то де старик-козел в очках».

А это уж, «конечно, будет личность»¹.

Однако первым ввел в России литературные портреты в стихах и в прозе – Макс. Волошин. Пусть же по делам его и воздастся ему!

«Силуэт»... Как-то не подходит это слово к облику Макс. Волошина. Вот он идет по Парижу, обращая на себя всеобщее внимание даже на притерпевшемся левом берегу. Он одет в какой-то слишком узкий сюртук, в жилет без пуговиц, вероятно застегивающийся сзади, как детские лифчики. На огромной голове с длинными светлыми волосами едва держится цилиндр. И в то же время у него легкая, быстрая походка, быстрая речь под аккомпанемент каких-то отщелкиваний пальцами, словно он прикармливает из рук незримых птиц – свои быстрые и точные слова.

Это сосуществование грузной массивности и легкой быстроты характерно для Волошина. Оно сказалось и в двух именах, которыми он подписывал свои произведения: «Максимилиан» и «Макс» Волошин. Слишком торжественное, массивное «Максимилиан» и слишком легкое, почти легкомысленное детски уменьшительное «Макс». Когда массивность проникнута и преодолена легкостью, получается истинно-прекрасное; таковы многие его стихи. Статьи же его всегда интересны, но иногда слишком грузны или слишком легковесны.

Большинство русской читающей публики знает только «Макса» Волошина. Знает и не любит. Слава, дурная слава его велика. Вокруг него, по его выражению, «колючая изгородь» недоразумений и предубеждений, какая-то аура скандала. Для многих, как гласит двустипшие под карикатурой на него, –

---

¹ У Пушкина:

Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол и подл: все это будет личность.

Беспутный Макс – он враг народа.
Его извергнув, ахнула природа¹...

В этом есть большая доля участия газетной травли, травят же Волошина за то, что он всем своим существом чужд русской интеллигенции.

Русский обыватель любит, чтобы все было по-простому, по-простецки. Его раздражает жест, поза. Поэтому в России не любят стихов и прозаику с трудом прощают хороший стиль.

В Волошине все раздражает обывателя: и изысканная эрудиция (кто догадается, что Иошуа Бен Пандира – это Иисус Христос?)². И склонность к оккультизму, и глухо-торжественная манера читать стихи, и любовь к парадоксам, и нелюбовь к Репину.

Кажется, что он обладает особым секретом бесить публику: в 1905 году он пишет «Ангела мщенья». Во время войны, когда почти все поэты бряцали на патриотических лирах, – он издает книгу стихов, проникнутую своеобразным метафизическим интернационализмом. После поражения пишет прекрасное стихотворение, обращенное к России: «Люблю я тебя побежденной», вызывающее недоразумения³. И особенно удачно выбирает момент для нападок на Репина⁴. Недаром на его лекции систематически ходят какие-то «барышни-свистуны», чтобы ему шикать. Ему не прощают даже вычурности его собственного христианского имени – «Максимилиан».

¹ Автор данных строк неизвестен (чаще их приводят со словом «ужасный» вместо «беспутный»). Стихи были написаны на стене кокетбельского кафе «Бубны» рядом с карикатурой на Волошина (стены кафе расписывал А. Лентулов). Выражаю признательность З. Давыдову за сообщение этих сведений.

² Иошуа бен Пандира (Пантера), т.е. Иисус, сын Пандира, римского легионера (согласно талмудическому толкованию), упоминается в XIV-м сонете из волошинского венка сонетов «Lunaria» (1913).

³ Из стихотворения Волошина «Россия» («Враждующих скорбный гений...») (1915).

⁴ Волошин резко критиковал картину И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» за приверженность автора натуралистическому стилю. Ирония Цетлина о выборе Волошиным особенно удачного момента для «нападок на Репина» связана с тем, что его брошюра «О Репине» (М., 1913) вышла как раз после того, как в Третьяковской галерее некто А.А. Балашов варварски изрезал репинское полотно.

И все же я думаю, что это явление временное. Русская публика слишком несправедлива к Волошину. В этом залог примирения: когда-нибудь читатели поймут свою ошибку и захотят ее искупить. Они увидят, что Макс Волошин < – > интересный и талантливый писатель, что его работа о Сурикове блестяща¹, что его знание французской литературы – незаурядно.

Оценят его эрудицию, блеск его фельетонов, и прежде и больше всего своеобразную красоту его стихов.

---

¹ Фрагменты из монографии Волошина о В.И. Сурикове публиковались в газете «Речь» (1916. 13 июня) и журнале «Аполлон» (1916. № 6/7).

«ОТ КНИГИ ГЛАЗ НЕ ПОДЫМУ» О личности и творчестве Михаила Цетлина

Говорить придет еще время,
Нужно только слушать, таясь,
Прорастает ли светлое семя,
И носить, как женщинам бремя,
С чем-то тайным темную связь.

Амари (М. Цетлин)

Поэт, стихи которого собраны в этой книге, безусловно, не принадлежит к разряду ведущих имен в русской поэзии XX века. Сам он, определяя меру отпущенного ему поэтического дарования, полагаем, не из лукавого самоуничтожения, а вполне сознавая истинные пропорции в столь деликатной области, как творческий талант, определял себя, апеллируя к известным строчкам Е. Баратынского о «малом даре» («Мой дар убог и голос мой негромок»), которые О. Мандельштам сравнил с бутылкой, брошенной в океан в надежде быть прочтенными провиденциальным читателем:

Благословляю малый дар,
Скупой огонь, возжженный Богом.
Его питает сердца жар,
Но не разжечь в большой пожар
Его ни бурям, ни тревогам.

Несмотря, однако, на эту самоквалификацию, личность и творчество поэта Амари, под псевдонимом которого печатал свои стихи М.О. Цетлин, бесспорно, принадлежит к историческим и художественным феноменам, заслуживающим пристального внимания потомков¹. «Малый дар», на который указывал сам поэт, никак не

¹ Развернутый биографический очерк М.О. Цетлина см.: *Хазан Владимир*. «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина) // *Вокруг редакционного архива «Современных записок»* (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–103.

препятствовал ему, используя удачное выражение Б. Пастернака, включиться в «разговор, заведенный до нас».

Поэт, переводчик, исторический беллетрист¹, издатель, редактор, литературный критик и меценат Михаил Осипович Цетлин родился в Москве в семье еврейского купца Еселя (Осипа) Шмерковича (Семеновича, Сергеевича) Цетлина (1856–1933) и Анны Вульфовны Высоцкой (1860–1935), дочери крупнейшего чаепромышленника Калонимоса Зеева (Вульфа) Высоцкого (1824–1904). Войдя в дом Высоцких, Цетлин-старший стал компаньоном тестя в основанной тем чаеоторговой фирме «В. Высоцкий и К^о». Как отмечал современник, указывая на правила ведения разрешенным для еврея торговым делом,

в разрешительных бумагах московского обер-полицмейстера оговаривалось всегда, что разрешение дается с тем, чтобы имя и отчество «оного еврея» было изображено «крупным и жирным шрифтом». Увлечение доходило до того, что на вывеске товарищества на вере, коего вкладчиками состоят евреи, выписывались поименно все участвующие. Так на вывеске Т<оргового> Дома Высоцкий и К^о (Лубянского-Ильинские Торговые помещения) красовалась следующая надпись: «Оптовая торговля развешанным чаем Торгового Дома В. Высоцкий и К^о. Учредитель 1-ой г<ильдии> купец Иосиф Яковлевич Высоцкий. Вкладчики на вере пот<омственный> поч<етный> гражданин Есель Шмерков Цетлин и 1-ой гильдии купеч<еская> жена Либа Вульфовна Гавронская»².

---

¹ О беллетристической деятельности Цетлина вкратце будет сказано ниже, здесь же хотелось бы еще раз упомянуть об одной распространенной ошибке, на которую уже приходилось указывать (см.: *Хазан Владимир*. «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина). С. 96, п. 138): приписывание Цетлину сборника «Рассказы» (Берлин, 1924), авторство которого принадлежит на самом деле его однофамильцу Исааку Цейтлину (псевд. А. Аркадин; 1901–1988). Пользуясь случаем, отметим два относительно новых «открытия», касающихся цетлинской идентификации: первое, принадлежащее достаточно известному автору-эмигрантовед, в своей последней книге упорно называющему Михаила Цетлина Марком (см.: *Герра Р.* «Когда мы в Россию вернемся...»). СПб.: Росток, 2010. С. 299, 414), второе – неизвестно кем запущенное и на чем основанное, однако активно кочующее в Интернете утверждение, что Цетлин написал пьесу «Женихи Пенелопы».

² *Гольдовский О.* Евреи в Москве (По неопубликованным документам) // Былое. 1907. № 9(21). С. 158.

Миша рос мальчиком хрупким и болезненным: с детских лет он страдал кокситом – костным туберкулезом и всю жизнь слегка прихрамывал на одну ногу¹. Наверное, этим болезненным состоянием в известной мере можно объяснить некоторую замкнутость его характера, стеснительность и мечтательность, которые в той или иной форме будут сопровождать его до конца дней. В написанной много лет спустя, в эмиграции, пародии Дон-Аминадо «Горит восток зарею новой...», где выведены многие известные деятели русской колонии в Париже, к М.О. Цетлину приложен эпитет «вдумчивый»², возможно, не объясняющий всецело его личность, но, без сомнения, схватывающий ее важнейшее качество. Если бы потребовалось найти второе слово для моментальной характеристики цетлинского индивидуального портрета, стоило бы остановиться на глаголе «вчувствоваться». Вот на этой основе – способности вдумываться и вчувствоваться в окружающий мир, незаменимом даре тех, кто хочет отлить в слова свое лирическое волнение, – построен художественный мир поэта, с творчеством которого знакомит настоящая книга.

Борясь с болезнью, Цетлин в течение четырех лет после окончания гимназии прожил на французском курорте Burke Plage. Болезнь тогда действительно отступила, и он отправился в Германию, где слушал лекции по философии в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах.

Будучи с детства человеком не просто обеспеченным, но по-настоящему богатым, он тем не менее никогда не ставил материальное выше духовного и, сызмалу научившись ценить прекрасное в жизни и искусстве, искал упоения и воплощения своих мечтательных грез в стихах.

В нем рано проснулись революционные чувства и сложились демократические убеждения. Став членом партии с.-р., Цетлин, при всей своей врожденной мягкости и деликатности, в полной мере разделял идеи кровавого террора и насилия, будучи, как и его

---

¹ См. в дневнике саркастической, острой на язык и подчас безжалостной даже к близким друзьям З. Гиппиус (запись от 8(21) февраля 1908 г.): «Хромой и конфузливый Амари» (*Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. С. 137*).

² *Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. С. 306.*

сверстники и единомышленники, убежден в том, что путь в обетованную землю свободы лежит только через героическую борьбу. Ее романтическим пафосом пронизан первый цетлинский сборник «Стихотворения» (1906), куда включены поэтические посвящения тем, кто был главными врагами правящего режима и кумирами демократически настроенной молодежи тех лет: революционерам-народникам, эсерам, террористам – А.И. Баранникову, П.С. Поливанову, С.В. Балмашёву, Г.А. Гершуни. Свой высокий книжный настрой ниспровергателя существующего общественного порядка молодой поэт подтверждал вполне материальным образом, жертвуя собственные средства на революционные нужды (см. об этом далее).

Начиная с первого сборника, Цетлин подписывал свои стихи криптограмматическим псевдонимом Амари. Несколько нелепым выглядит утверждение публикатора дневников З. Гиппиус о том, что псевдоним Цетлина был якобы граф Амари¹. Здесь, конечно же, произошла контаминация двух разных псевдонимов: Амари – Цетлина и совсем другого лица – литератора и музыкального педагога И.П. Рапгофа, будущего анархиста, расстрелянного в 1918 г. большевиками, известного в творческих кругах как граф Амори.

Как Цетлин стал Амари?

По одной версии, этот псевдоним происходит от французского имени будущей жены поэта Марии Самойловны Тумаркиной (в первом браке Авксентьевой; 1882–1976), – об этом, например, писал в мемуарах близко знавший Цетлина И. Эренбург². Под псевдонимом Амари, и именно во французском написании – *À Marie*, – вышел сборник Цетлина «Лирика» (Париж, 1912).

Следует в этой связи заметить, что там, где у Цетлина возникает имя Мария (Мэри), как, скажем, в стихотворении «Кавалер» (сб. «Прозрачные тени»), можно быть вполне уверенным, что дело не обходится без «сопровождающей» (а возможно, и главенствующей) ассоциации, подсказанной самым дорогим для него женским именем:

---

¹ Серое с красным: Дневник Зинаиды Гиппиус 1940–1941 гг. / Публ. Н.В. Снытко // Встречи с прошлым. М.: Русская книга, 1996. Вып. 8. С. 388.

² Эренбург И. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1996. С. 463.

Ночь, и тишь, и имя «Мэри»
В тихом сердце. Завтра бой.
Эти люди, эти звери
Там за дымкой голубой.

Близок час борьбы и гнева,
Уж недолго до зари.
Нынче имя королевы
Будет лозунг наш: «Marie!»

Это имя, имя «Мэри»,
Светлой девушки моей.
Ждут, быть может, нас потери,
В грозный час я буду с ней.

По другой версии, однако, псевдоним сложился из первых букв имен наиболее близких автору людей: А – Амалия (Осиповна) Гавронская, двоюродная сестра Цетлина, в будущем жена его близкого друга, однокашника по гимназии, И.И. Фондаминского, члена ЦК эсеровской партии¹, известного политического и общественного деятеля²; М – Мария (Самойловна) Тумаркина; А – Абрам (Рафаилович) Гоц, двоюродный брат Цетлина, член Боевой организации эсеров, окончивший свои дни в сталинском лагере³; Р – Рая (Исидоровна) Фондаминская, двоюродная сестра Цетлина, в будущем жена крупного эсеровского деятеля, писателя и публициста В.И. Лебедева; И – Илья (Исидорович) Фондаминский. Эту вторую версию отстаивала дочь Цетлиных Ангелина Цетлин-Доминик⁴ в воспоминаниях «Моя семья»⁵.

¹ Существует мнение о том, что Амалия Осиповна также принимала участие в эсеровском движении, см.: *Кельнер С.* Материалы архива О.Б. Гавронского в РГИА // *Вестник еврейского университета в Москве.* 1996. № 2 (12). С. 253.

² Впоследствии, после ее смерти (Амалии Гавронской-Фондаминской не стало 6 июня 1935 г.), Цетлин написал о ней мемуарный очерк, включенный в сборник «Памяти Амалии Осиповны Фондаминской» (Париж, 1937. С. 73–83).

³ В связи с А. Гоцем и Цетлиным см. нашу статью «О потомках российского “чайного короля” и еврейских деньгах: Документальное повествование» (Лехаим (Москва). 2010. № 12).

⁴ Ангелина Цетлин-Доминик (в 1-м браке Кривицкая, во 2-м Доминик; 1917–1996).

⁵ *Цетлин-Доминик А.* Моя семья: Из воспоминаний // *Новый журнал.* 1991. № 184–185. С. 398; перепеч.: *Евреи в культуре Русского Зарубежья.* Сборник

После царского Октябрьского манифеста 1905 г., даровавшего некоторые либеральные послабления и свободы, как грибы после дождя, стали возникать книжные издательства. Цетлин был членом редакционной комиссии московского эсеровского издательства «Молодая Россия», которое наряду с другими издательствами радикального эсеровского толка – «Новое товарищество», «Народная мысль», «Колокол» и нек. др. – входило в «Союз издателей социалистов-революционеров». Именно в «Молодой России», само существование которой, как можно думать, было главным образом обязано деньгам Цетлина, в 1906 г. увидел свет упомянутый выше его сборник «Стихотворения», имевший два издания.

В пору наступившей реакции, последовавшей за вспышкой либеральных надежд, издательская деятельность подверглась преследованию властей: книги, которые успели отпечатать за этот короткий период, вновь были признаны запрещенными, они беспощадно конфисковывались, издательства закрывали, работников арестовывали. Была изъята почти вся хранившаяся в этих издательствах переписка. Жандармские власти признали их действия опасными для режима, хотя прокурор Московской судебной палаты не нашел в них состава преступления и 3 января 1907 года уведомил начальника Охранного отделения, что «не усматривает оснований для возбуждения по содержанию этой переписки формального дознания или предварительного следствия». Однако в Московском жандармском управлении распорядились иначе: 18 человек, имевших непосредственное отношение к деятельности издательств, входивших в «Союз издателей социалистов-революционеров», были привлечены к дознанию. Среди них оказался Цетлин, которому вменялась в вину финансовая поддержка этой деятельности. 6 января 1907 г. после начавшегося дознания Цетлина арестовали и взяли с него подписку о невыезде (или, как говорили тогда, «подписку о неотлучке»). Но,

---

статей, публикаций, мемуаров и эссе / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып. 1. 1919–1939 гг. С. 293. В ее же предисловии к кн.: *Амали (М. Цетлин)*. Малый Дар / Сост., прим. и биографический очерк Н. Сарникова. М: «Праминко», 1993. С. 5–6 – имена Амалии Фондаминской и Абрама Гоца переставлены местами.

несмотря на запрет, он выехал за границу: официальная причина отъезда была связана с необходимостью лечения. Так началась его первая эмиграция.

В основе того, что Цетлин подвергся политическому преследованию, лежало, однако, не только и не столько желание полиции пресечь его издательскую деятельность, сколько сообщения совсем другого порядка. В 1913 г., накануне 300-летия дома Романовых и в связи с ожидаемой амнистией, к Николаю II с просьбой о пересмотре дела сына обратился отец Михаила Осиповича богатый и знатный купец О.С. Цетлин, коленопреклоненно просивший о царском снисхождении и милости. Его ходатайство поддержали влиятельные лица, близкие к высшим сферам власти. Из этого обращения, однако, ничего не получилось: Департамент полиции упорно не желал давать свое согласие на амнистию. Судя по всему, главному российскому полицейскому ведомству стало известно (информация, скорее всего, исходила от провокатора Азефа), что Цетлин не только содержал на свои деньги издательства либерального толка (этот «грех» ему как-нибудь простили бы), но финансировал террористическую деятельность боевиков-эсеров. Один из проектов, инициатором которого, к слову сказать, явился сам руководитель Боевой организации Азеф, был связан с производством летательной машины для бомбометания, над которой в Германии трудился инженер С.И. Бухало. Из строительства «воздушного бомбометателя», как известно, ничего не вышло, хотя сбор средств на него был осуществлен. Борис Савинков, который вместе с Азефом курировал этот проект, среди имен ведущих жертвователей называет в своих «Воспоминаниях террориста» имена Цетлина (3000 рублей), его кузена Бориса Гавронского (1000 рублей) и лично ему, Савинкову, неизвестного Доенина¹. Нечего и говорить, что охранка не могла позволить себе такую «роскошь», как амнистировать столь опасного политического преступника,

---

¹ Савинков Б. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990. С. 242. Это подтверждает в своих воспоминаниях и другой руководитель эсеровской партии – В.М. Чернов, который, однако, вместо Бориса Осиповича говорит о Дмитрие Осиповиче Гавронском, см.: Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 342.

каковым был в ее глазах Цетлин, оказывавший денежную поддержку террористам¹.

В 1910 г., обосновавшись и живя в Париже, Цетлин женился на М.С. Тумаркиной-Авксентьевой, ставшей его главной и единственной музой до конца дней. В 1912 г. родился их первый совместный ребенок Валентин (Валентин-Вольф, названный так одновременно в честь художника Серова и деда Цетлина Вольфа Высоцкого), в будущем врач², а через пять лет, в октябре 1917 г., когда Цетлины вернулись в Москву, – дочь Ангелина.

В 1912 г. в Париже вышел второй сборник цетлинских стихов «Лирика» (фронтисписы и концовки А. Лота [André Lhote, Paris]; заголовки и обложка И.С. Ефимова [Москва]; рисунки к поэме «Айседора» Э.А. Бурделя [Emile Antoine Bourdelle, Paris]).

Живя в Париже, Цетлин проявлял живой и неподдельный интерес к тому, что происходило в мире русской поэзии, наиболее ярким подтверждением чему служит его критический обзор сборников стихов молодых авторов – М. Зенкевича, А. Ахматовой, Ф. Коген, М. Цветаевой, Л. Столицы, И. Эренбурга³.

В годы первой эмиграции в парижском доме Цетлиных на avenue Henri Martin, 91, вблизи Булонского леса, перебивал цвет художественной интеллигенции – П. Пикассо и Д. Ривера, Н. Гончарова и М. Ларионов, Э.А. Бурдель (изваявший скульптурный портрет М.С. Цетлина⁴) и Э. Верхарн, Г. Аполлинер и Р.-М. Рильке, М. Волошин и И. Эренбург (последний в небольшой поэме «О жилете Семена Дрозда» под именем Игоря Сергеевича Михеева

---

¹ Более подробно об этом см. в нашей статье «О потомках российского “чайного короля” и еврейских деньгах: Документальное повествование» (Лехаим (Москва). 2010. № № 10, 11, 12).

² Вторую мировую войну Валентин провел в Англии, где обучался медицине в Oxford University. После окончания университета он поселился в Америке и получил американское гражданство (1948). Воспоминания Валентина об отце см.: *Zetlin V.W. Memories of My Father M. Zetlin* // Творчество диаспоры и «Новый журнал» / Под ред. М. Адамович и В. Крейда. New York, 2003. С. 58–59.

³ См.: *Ам<ар>и. Заметки любителя стихов (О самых молодых поэтах)* // Заветы. 1912. № 1. Апрель (2-е испр. изд.), <II отд.>. С. 88–97.

⁴ Первый вариант этого скульптурного изображения хранится в Музее изобразительных искусств им. Пушкина.

вывел портрет Цетлина, заменив чайное производство на спичечное), и мн. др.¹ (см. относящуюся к этому времени переписку между М. Волошиным, И. Эренбургом, Б. Савинковым и Цетлиными)². Так, например, в письме Б. Савинкову от 29 ноября 1915 г. М. Волошин писал:

После Вашего отъезда произошли разные большие события и передвижения масс: Эренбург бывает часто в отеле на Avenue Henri-Martin³ – любим и оценен.

Его книга⁴ покорила себе сердца: в субботу (субботу!) он читал стихи, сидя в кресле среди персидского ковра, окруженный светскими дамами, «точно козел – величественный, гнусный и смрадный» (трубка), как я уверял его. А выходя, к счастью, уже в вестибюле (в том месте, где Андрей Соболев пробил собою зеркальную дверь), у его ветхого костюма отвалилась (красный хохот!) одна штанина. Но он благополучно, под покровом ночи добрался до своего подполья⁵.

Живя за пределами России, Цетлин являлся хозяином московского частного издательства «Зерна», которое И. Эренбург не без иронии назвал «эфемерным»⁶. Судя по всему, «эфемерность» вытекала для Эренбурга из отсутствии какой-либо привычной для издательских дел «институции» – перспективного плана или хотя бы относительно постоянного производства. Все это заменялось несколькими изданиями достаточно узкого круга авторов, которые осуществлялись по воле и желанию Цетлина и не преследовали ровным счетом никаких целей, кроме частного

---

¹ Среди «мн. др.», возможно, в их доме бывал живший в это время в Париже поэт С. Рафалович; по крайней мере, в Национальной библиотеке Израиля (Иерусалим) хранится подаренный Цетлину экземпляр его книги «Стихотворения» (Пгт.: Шиповник, 1916) с дарственной надписью: «Михаилу Осиповичу Цетлину на добрую память. Автор. Париж, 28 октября, 1916» (выражаем признательность Е. Ильиной, указавшей нам на этот автограф).

² Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступит. заметка, закл. и прим. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 157–201.

³ Имеется в виду квартира Цетлиных.

⁴ «Стихи о канунах» (1916).

⁵ Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918). С. 173–174.

⁶ *Эренбург Илья*. Собрание сочинений: В 8-ми томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1996. С. 464.

Михаил Цетлин.
Париж, 1910-е гг.

Мария Тумаркина,
в будущем – Цетлин, жена поэта

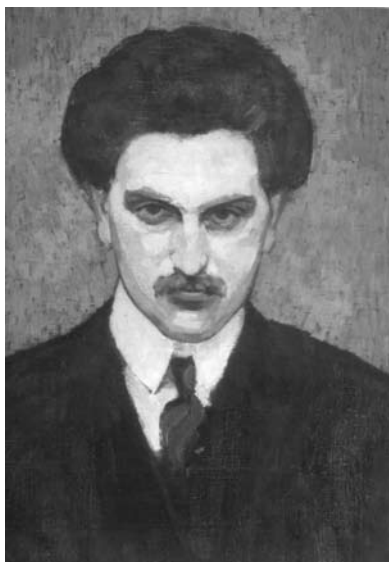

Михаил Цетлин
и приемная дочь Шурочка
(в будущем художница А. Прегель).
Биарриц, 1915

Слева направо:
Мария Цетлин, Шурочка (ее дочь
от брака с Н. Авксентьевым), Анна
Цетлин (мать поэта), Осип Цетлин
(отец поэта), Валентин (сын Марии и
Михаила Цетлиных), Михаил Цетлин.
Москва, 1917

Портрет Михаила Цетлина работы неизвестного автора (возможно, кисти его кузин – Иды или Елены Высоцких)

Портрет Марии Цетлин работы Х. Вайсмана (1910)

Портрет матери Михаила Цетлина Анны Цетлин (урожд. Высоцкой) работы В. Серова (1909)

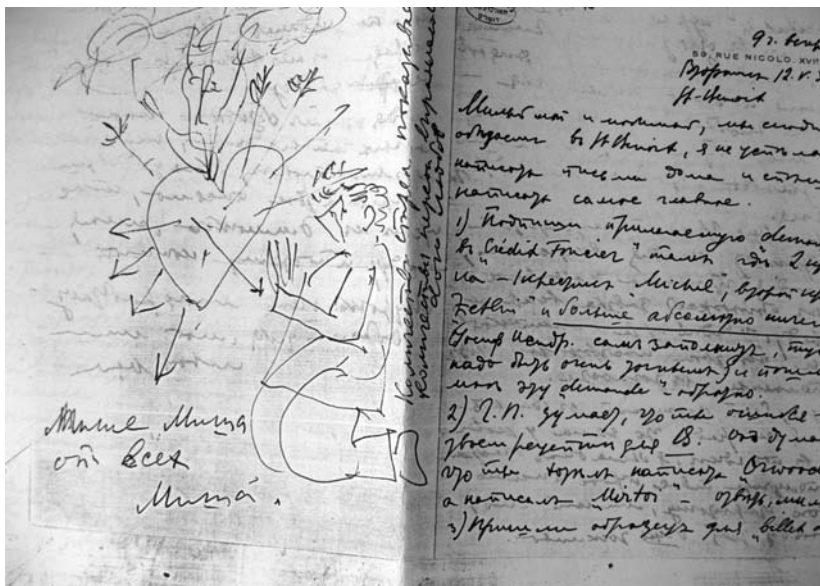
Портрет Марии Цетлин работы В. Серова (1910)

Мария и Михаил Цетлины с детьми – Ангелиной и Валентином. Париж, 1920

Сидят:
Осип Цетлин
(отец поэта),
Михаил Цетлин,
Мария Цетлин;
первая слева стоит
Ангелина Цетлин.
Париж,
конец 1920-х –
начало 1930-х гг.

Письмо
 Марии Самойловны Цетлин
 мужу от 12 мая 1936 г.
 (сбоку приписка:
 «Количество стрел
 показывает количество
 персон, выражающих
 свою любовь»)

Ангелина Цетлин-Доменик,
 дочь поэта. Бретань, 1995.
 Фотография из частной
 коллекции А. Смирнова
 (С.-Петербург)

меценатства и издания собственных стихов. Вместе с тем несомненно известен культурный вклад «Зерен» в историю русской литературы. В этом издательстве были напечатаны упомянутые выше «Стихи о канунах» И. Эренбурга, а также его переводы из Ф. Вийона и фаблю XIII в. «О трех рыцарях и рубашке» Жака де Безье¹ (все три книги – 1916); здесь же появились сборники стихов М. Волошина «Anno mundi ardentis» (1916) и самого Цетлина: в 1916 году – «Глухие слова» (посвящен М<арии> С<амойловне> Ц<етлин>), в 1920 г. – «Прозрачные тени. Образы» (посвящен матери поэта). Очевидно, в тех же «Зернах» должен был появиться сборник стихов В. Ходасевича, за который автор, согласно записке к нему Цетлина от 10/23 апреля 1918 г., получил гонорар в размере 600 рублей² (сборник издан не был). В том же 1918 г. здесь увидел свет коллективный сборник «Весенних салон поэтов»³, в котором наряду с другими представлены и стихи Цетлина («Одна звезда упала...», «Не настало время молиться...», «Журфиксы в ссылке...», «Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать...», «В темной жажде божества...», с. 13–16)⁴. В одной из рецензий на «Весенний салон» говорилось о смотре «наличных поэтических сил» (Р. Мамонов)⁵, а автор другого отзыва, появившегося в киевской прессе, отмечал:

¹ Иллюстрации к книге подготовил художник И.К. Лебедев, который через много лет, в январе 1962 г., когда Эренбургу приехал в Париж, писал ему: «Помню, как мы с тобой в феврале 1916 года по снегу оба в дырявых ботинках ходили на rue Vavin в русскую типографию печатать наше фэблио Jasque de Baisieux, с мокрыми ногами, для богача Цетлина, который ушел на тот свет в Америке, не заплатив мне ни копейки» (цит. по: *Эренбург И. Письма 1908–1967: В 2 томах. Т. 1 / Изд. подг. Б.Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2004. С. 77).*

² РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1.

³ Библиофил А. Марков пишет о том, что «Весенний салон поэтов» выходил дважды – в 1917 и 1918 гг., и эти издания отличаются своим составом (*Марков Анатолий. «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов...» // Библиофилы России: Альманах. Т. 2. М.: Любимая Москва, 2005. С. 162*). Нам, к сожалению, незнаком и недоступен этот сборник, изданный в 1917 г., отсутствующий не только в известных нам справочниках, но и в библиотеках.

⁴ Два напечатанные в сборнике стихотворения – Д. Бурлюка («Играют <в> старой башне дети...»). С. 57) и В. Каменского («Поэмия о соловье»). С. 94–98) – посвящены М.С. Цетлин.

⁵ Новая жизнь. 1918. № 2. 2 июня (20 мая). С. 4.

Перед нами сборник стихов тяжкого, страшного и великого 1918 г. Как всякая книжка оттуда, из России, такой родной и близкой, и такой далекой и недоступной, она волнует и радует.

И удивительным и радостным кажется, что, несмотря на весь развал ее внешней жизни, ее духовная, творческая жизнь не разрушалась. Мы лишены возможности систематически следить за поэтической, публицистической и научной мыслью России, но то, что до нас доходит, показывает, что эта мысль бьется усиленным и бодрым темпом¹.

Культурная значимость «Весеннего салона» проявлялась в нескольких существенных аспектах, например, в том, что в нем были впервые напечатаны стихи столь незаурядной поэтессы, как Вера Меркурьева, которой к тому времени было уже за сорок².

В «Зернах» планировалось также издать подготовленную совместно Эренбургом, Волошиным и Цетлиным книгу о Ш. Пеги и выполненные Михаилом Осиповичем переводы «Португальских сонетов» Е. Баррет-Браунинг, однако выход той и другой не состоялся (цетлинские переводы «Португальских сонетов» появятся только сорок лет спустя, когда самого переводчика уже не будет в живых)³. Кроме того, близкий к Цетлину М. Волошин рекомендовал ему издать сборники М. Цветаевой и С. Есенина. В апреле 1916 г. он писал тому из Москвы в Париж:

<...> сейчас же написал Марине Цветаевой в Москву, чтобы она выслала тебе рукописи своих обеих новых книг стихов и чтобы написала Есенину, т.к. я с ним не знаком и не знаю, где он, а она с ним хороша⁴.

Вероятно, отвечая на это письмо, Цетлин сообщал Волошину:

---

¹ Луначарская С. Весенний салон поэтов // Русский голос (Киев). 1918. № 52. 2 августа (20 июля). С. 2.

² Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943): (Стихи и жизнь) // Лица: Биографический альманах <Вып.> 5. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1994. С. 6.

³ В 1921 г. берлинская «Русская книга» сообщала, что Цетлин «готовит к печати поэму “Декабристы” и “Антологию английской поэзии”» (Русская книга. 1921. № 2. С. 31); «декабристские» стихи были напечатаны в альманахе «Окно» (1923. № 2. С. 117–119, 263–273), а из предприятия с переводной антологией английской поэзии и тогда ничего не получилось.

⁴ Цит. по: Цветаева Марина. Письма к М.А. Волошину / Публикация В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 155.

Я еще не получил стихов М. Цветаевой и С. Есенина. Жду их с трепетом, ибо успел разочароваться в обоих. То, что печатала М. Цветаева, мне мало нравится, длинно, приблизительно внешне импровизация «сop brio»¹. И у Есенина чересчур много общего с его сотоварищами Клычковым и прочими «рыбками»². Никак не могу себя заставить полюбить Мандельштама, для меня загадка твоя и других людей, мнение которых ценю, любовь к его стихам. Из «тяжести недоброй» он еще не создал «прекрасного», да и тяжести в смысле настоящей вескости в нем мало. Есть ум и еще больше умничанья. М. б., я в своем мнении раскаяюсь, но... это мое мнение, и я его разделяю. Больше, чем М. Цветаеву, хотелось бы мне издать Ахматову, М. Шагинян – из женщин³.

Ни тот, ни другой издательский проект – ни цветаевский, ни есенинский – реализован не был, хотя Цетлин, судя по всему, не оставлял этого намерения и в дальнейшем. 15 сентября 1918 г. тот же Волошин следующим образом реагировал на дошедшие до него слухи:

Слышал, что ты издаешь книгу Марины Цветаевой, и очень этому порадовался⁴.

Увы, радость была преждевременной: времена наступили суровые, большевистские – оставаться в революционной Москве Цетлины больше не могли и не желали. Они бежали на юг, в Одессу – обычным путем для многих будущих русских эмигрантов, а затем в апреле 1919 г. отплыли к берегам чужой земли и никогда уже больше в Россию не возвращались.

---

¹ с жаром (*ital.*).

² Цетлину принадлежит несколько рецензий, прямо или опосредованно связанных с именем и стихами С. Есенина: «Истинно народные поэты» и их комментатор (Современные записки. 1921. № 3. С. 248–251 – по поводу издания в Берлине сборника крестьянских поэтов с предисловием Иванова-Разумника); рецензия на есенинского «Пугачова» (Последние новости. 1922. 16 сентября; перепеч. в кн.: Русское зарубежье о Есенине: В 2-х томах. Т. 2 / Сост., коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. С. 21–23); рецензия на первые пять номеров журнала «Красная новь» за 1925 г. (Современные записки. 1925. № 25. С. 477–483), где была опубликована (в № 5) есенинская поэма «Анна Снегина» (Цетлин расценил ее как «маленький лирический пустячок, растянутый на сотни строк». С. 481).

³ Цит. по: Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918). С. 189.

⁴ Там же. С. 156.

Несмотря на то, что издательство «Зерна» фактически прекратило свою деятельность на упомянутой книге стихов Амари-Цетлина «Прозрачные тени. Образы», формально оно существовало и в дальнейшем, за границей, сопровождая издательские инициативы Михаила Осиповича и его супруги. Так, под эгидой «Зерен» был реализован задуманный ими трехмесячный альманах «Окно», на котором, правда, парижская издательская деятельность Цетлиных заканчивается, чтобы вновь возродиться лишь через много лет, уже в США, куда семья переберется из Европы, охваченной огнем II мировой войны.

Но – вернемся в переживавшую революционные потрясения Россию 1917–1918 гг. Дом Цетлиных в центре Москвы, в Трубниковском переулке, превратился в одно из главных мест, где встречалась художественная интеллигенция. Как и некоторое время назад в Париже, где хозяева держали литературно-артистический салон, их двери были открыты и для тех, кто впоследствии, как и они сами, стали эмигрантами, и для тех, кто, подчинившись новому режиму, остался в советской России. Впоследствии И. Эренбург писал в своих мемуарах:

В зиму 1917/18 года в Москве Цетлины собирали у себя поэтов, кормили, поили; время было трудное, и приходили все – от Вячеслава Иванова до Маяковского¹.

Гостями Цетлиных были П. Антокольский, Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, А. Белый, Я. Блюмкин, Д. Бурлюк, М. Гершензон, С. Есенин, Вяч. Иванов, В. Инбер, В. Каменский, С. Парнок, Б. Пастернак, А. Соболев, индусский поэт Сура-Варди, А. Толстой, В. Хлебников, В. Ходасевич, М. Цветаева, И. Эренбург и др. Вечер в доме Цетлиных, состоявшийся 28 января 1918 г., на котором В. Маяковский читал поэму «Человек», описан в воспоминаниях Д. Бурлюка², в «Охранной грамоте» Пастернака (Ч. 3. Гл. 13), в

---

¹ Эренбург И. Указ. соч. Т. 6. С. 464 (именно у Цетлиных Эренбург познакомился с В. Хлебниковым, см.: Там же. Т. 3. С. 517–518).

² См.: Катанян В. Маяковский: Литературная хроника. Изд. 3-е, доп., М: Гослитиздат, 1956. С. 99–100.

воспоминаниях П. Антокольского о В. Маяковском¹ и И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»².

Осенью 1918 г. вместе с А.Н. Толстым и Н.В. Крандиевской Цетлины бежали из большевистской Москвы на юг, в Одессу³ (Цетлин посвятил Н.В. Крандиевской стихотворение «Мы в пуховом уюте гнезд...», вошедшее в его книгу стихов «Прозрачные тени. Образы» (С. 12), а А. Толстой пародическими красками нарисовал портрет Цетлина в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (полностью 1925))⁴. Забегая вперед, скажем, что впоследствии обе семьи, став эмигрантами, нашли приют в Париже, где их отношения резко ухудшились⁵. Бывшее приятельство исчезло, и в обращении А. Толстого к «богачам Цетлиным» появилась некоторая подчеркнутая бесцеремонность. Тэффи рассказывала следующую занятную историю о том, как однажды А. Толстой попросил у Марии Самойловны на две недели пишущую машинку, которую так и не вернул.

Мария Самойловна, – вспоминала Тэффи, – человек очень деликатный, прождала больше года, наконец, решила спросить.

– Не можете ли вы вернуть мне пишущую машинку? Она мне сейчас очень нужна.

Толстой деловито нахмурился.

– Какую такую машинку?

– Да ту, которую вы у меня взяли.

¹ Антокольский П. Две встречи // Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963, С. 148–150.

² Эренбург И. Указ. соч. Т. 7. С. 45.

³ См. об этом в кн.: Крандиевская-Толстая Н. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. С. 138.

⁴ Толстого и Цетлина не стало в одном и том же 1945 г., однако Цетлин, ушедший из жизни на несколько месяцев позднее (10 ноября), успел еще написать некролог Толстого, умершего 23 февраля, см.: Новый журнал. 1945. № 10. С. 338–340 (отметим попутно рецензию Цетлина на 2-й том берлинского издания романа А. Толстого «Петр I» в 1930 г., см.: Современные записки. 1930. № 44. С. 521–524).

⁵ О непростых отношениях, возникших между Цетлиными и Толстыми в Париже, см. в письме Н.В. Крандиевской-Толстой к М.С. Цетлиной от 3 ноября 1922 г. (Марков Анатолий. «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов...» // Библиофилы России: Альманах. Т. 2. М.: Любимая Москва, 2005. С. 180–183).

– Ничего не понимаю. Почему я должен вернуть вам машинку, на которой я пишу?

Марья Самойловна немножко растерялась.

– Дело в том, что она мне сейчас очень нужна. Это ведь моя машинка.

– Ваша? Почему она ваша? – строго спросил Толстой. – Потому что вы заплатили за нее деньги, так вы считаете, что она ваша? К сожалению, не могу уступить вашему капризу. Сейчас она мне самому нужна.

Повернулся и с достоинством вышел.

И никто не возмущался – уж очень история вышла забавная: «Только Алешка и может такие штуки выкидывать»¹.

Вернувшись в советскую Россию и отработывая лояльное отношение к новой власти, А. Толстой в одной из своих статей вспоминал о том, как «некий “меценат” Цейтлин <sic> (Амари), сын крупного чаевладельца», поддерживавший – хотя скупно и по-иезуитски – эмигрантских писателей², рассказывал ему в 1920 г., «что у него вместе с отцом в деле – свыше 150 миллионов франков»³.

Все это, однако, случится несколько позднее, а пока, гонимые революцией и Гражданской войной на юг, Цетлины попали в Одессу, где прожили до начала апреля 1919 г. В это время они тесно общались с Иваном Алексеевичем и Верой Николаевной Буниными, так же как и с целым рядом других русских писателей и деятелей культуры, оказавшихся в Одессе и входивших в литературный кружок «Среда». Наряду с А. Толстым, Л. Гроссманом, В. Инбер, Н. Крандиевской, Тэффи, А. Биском и А. Кипеном подпись Цетлина стоит под составленным М. Волошиным письмом в редакцию «Одесского листка» в защиту Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (март 1918)⁴. Вместе с А.Н. Толстым Цетлин посетил несколько заседаний

¹ Тэффи. Алексей Толстой // Новое русское слово. 1948. 7 ноября; включено в ее кн.: Смешное в печальном. М.: Советский писатель, 1992. С. 491.

² «... “меценат”, – писал вчерашний приятель Цетлиных, а ныне “красный граф” А.Н. Толстой, – чтобы отвалить 25 франков, много раз передумает: “а может, и 20 фр<анков> довольно”...» (А.Н. Толстой о парижской эмиграции // Красная газета (вечерний выпуск). 1924. № 250 (640). 1 ноября. С. 3).

³ Там же.

⁴ Е.Ю. Кузьминой-Караваевой было предъявлено обвинение в том, что, будучи избранной в феврале 1918 г. товарищем городского головы Анапы, она не по-

одесского Литературно-Артистического Общества. По крайней мере, они точно были на том из них, где Толстой, по воспоминаниям Ю. Олеси, в пух и в прах разнес его стихотворение «Пиковая дама», написанное по мотивам повести Пушкина¹.

6 апреля 1919 г. с оставившими Одессу союзниками на пароходе «Кавказ» Цетлины отплыли в Константинополь². Далее из Константинополя пароходом «Каркавада» они добрались до Марселя, а оттуда прибыли в Париж и поселились в собственной квартире на 118, rue de la Faisanderie (позднее, в 1927 г., переехали на 59, rue Nicolo).

Свое возвращение в Европу и к Европе Михаил Осипович выразил в такой образной форме (стихотворение «В Риме»):

Как Одиссей к Пенелопе,
Своей супруге любимой,
Так я возвратился к Европе,
Изгнания ветром гонимый.

В 20-е гг. Цетлин печатался в эмигрантской прессе: газетах «Грядущая Россия», «Дни», «Последние новости», в двухнедельном журнале для детей «Зеленая палочка», берлинском журнале «Новости литературы», сотрудничал – с момента его возникновения – в наиболее крупном и представительном журнале эмиграции «Современные записки», а с 1926 г. возглавил в нем отдел поэзии.

Начиная с первых дней беженской жизни, он и Мария Самойловна активно занимались благотворительной деятельностью:

кинула эту должность после прихода в город большевиков. Заступничество за поэтессу возымело силу, и она отделалась легким наказанием.

¹ См. в воспоминаниях Ю. Олеси «Встречи с Алексеем Толстым» в кн.: *Олеша Ю. Избранные сочинения*. М.: Гослитиздат, 1956. С. 393–396; ср.: *Ершов П. Одесская литературная колыбель (Отрывки из воспоминаний) // Опыты*. 1957. № 8. С. 95–96.

² О формировании парохода «Кавказ» и о тех, кто вместе с Цетлиными на нем плыл, см. в кн.: *Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2-х томах*. Т. 1. Иерусалим; М.: Гешарим–Мосты культуры <2008>. С. 445–449.

помогали, например, И. Бунину, К. Бальмонту¹, а также оставшимся в советской России друзьям – в частности, М. Гершензону². Масштабы благотворительности и меценатства этой семьи приобрели широкую известность в российской диаспоре. Их парижская квартира, как и в прошлые годы, превратилась, говоря словами посещавшего ее А. Бахраха, в «самый утонченный из русских литературных „салонов“»³. Здесь перебивал весь цвет эмиграции, о чем свидетельствует сохранившийся альбом М.С. Цетлин⁴. Именно в доме Цетлиных читал А. Толстой первые главы «Хождения по мукам», которые начал печатать в «Грядущей России», а затем передал в «Современные записки» (1920–1921. № 1–7). 27 марта 1922 г. свой роман «Под новым серпом» в цетлинском салоне читал К. Бальмонт.

В квартире Цетлиных, вспоминал впоследствии Б.К. Зайцев,

можно было встретить Милокова и Керенского, Бунина, Алданова, Авксеньева, Бунакова, Вишняка, Руднева, Шмелева, Тэффи, Ходасевича, позже и Сирина. Здесь я познакомился с Р.М. Рильке. Тут устраивались наши литературные чтения. Встречались мы теперь часто, и чем дальше шло время, тем прочней, спокойнее, благожелательней становились отношения наши. Нельзя было не ценить тонкого ума, несколько грустного, Михаила Осиповича – его вкуса художественного, преданности литературе, всегдашней его скромности, какой-то нервной застенчивости, стремления быть как бы в тени⁵.

О том же вспоминал упоминаемый Зайцевым М.В. Вишняк:

---

¹ См.: *Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933. Paris, 2002. Ч. 2. С. 164, 241, 248–249. Бальмонт посвятил М.С. Цетлин стихотворение «Испанский гребень» (1921).

² См. письмо М.О. Гершензона Л.И. Шестову от 23 апреля 1922 г. (*Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д’Амелия и В. Аллоя // *Минувшее* <Вып.> 6. М.: Феникс, 1992. С. 256).

³ *Бахрах А.* По памяти, по записям... II / Публ. Г. Поляка // *Новый журнал*. 1992. № 189. С. 307. См. также: *Демидова О.* Дом Цетлиных как локус русско-еврейской культуры в эмиграции // *Русско-еврейская культура* / Под ред. О.В. Будницкого <и др.>. М.: РОССПЭН, 2006. С. 390–405.

⁴ См.: *Винокур Н.* «Всю нежность не тебе ли я несущу...»: Альбом Марии Самойловны Цетлиной // *Наше наследие*. 2004. № 72. С. 52–67.

⁵ *Зайцев Б.* М.О. Цетлин // *Новый журнал*. 1946. № 14. С. 202.

В «салоне» у старых друзей Цетлиных, Марьи Самойловны и Михаила Осиповича, и на «чаях» у Фондаминского и его жены Амалии Осиповны, перебивал едва ли не весь русский литературно-музыкальный и политический Париж, особенно писатели, поэты и художники, с которыми дружили хозяева: Бунины, Мережковские, Зайцевы, Шмелев, Тэффи, Алексей Толстой, Крандиевская, Аминадо, Ходасевич, вся литературная молодежь, пианист Артур Рубинштейн, московская балерина Федорова 2-я, художники Яковлев, Гончарова, Ларионов, Борис Григорьев, мексиканец Диего Ривера. Все художники рисовали Марью Самойловну Цетлин. Бывали и политические деятели и публицисты разных направлений: близкие по былой партийной принадлежности хозяев, как Брешковская, Фигнер, Керенский, не говоря о редакторах «Современных записок», к которым Цетлин был близок как сотрудник и как заведующий отделом стихов. Бывали и Милюков, Струве и более их умеренные и даже правые¹.

Ср. еще со свидетельством С.Л. Полякова-Литовцева, который замечал, что «у Цетлиных бывало уютно, оживленно, интересно»:

Как общее правило, литераторы нисколько не обособлялись. Несколько русских салонов в Париже являлись местом общения интеллигенции вообще: политиков, общественных деятелей, писателей, художников. Много и часто собирались в гостиной М.С. и М.О. Цетлиных на рю де ла Фезандри, у Булонского леса, бывшей в некотором роде штаб-квартирой эс-эровской интеллигенции, но где, однако, красный угол занимали, из писателей – И.А. Бунин, а из политиков – П.Н. Милюков².

В доме Цетлиных происходили культурные события всемирно-грантского ранга и значения. Так, например, 31 октября 1922 г. З. Гиппиус читала воспоминания о Блоке и Белом (ее доклад был опубликован в виде мемуарного эссе «Мой лунный друг» в № 1 альманаха «Окно», который в 1923 г. издавали Цетлины), а через полтора месяца, 16 декабря, у них же чествовали приехавший на заграничные гастроли МХАТ.

¹ Вишняк М.В. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж – Нью-Йорк: (Воспоминания). Stanford, 1970. С. 102.

² Поляков-Литовцев С. Париж (Из воспоминаний журналиста) // Новое русское слово. 1943. № 10943. 7 февраля. С. 3.

Говоря о кратком по времени издании альманаха «Окно» (всего увидело свет три выпуска), следует тем не менее сказать о его вполне ощутимом вкладе в литературу русской диаспоры, поскольку в нем печатались наиболее именитые авторы, оказавшиеся за пределами родного отечества: И. Бунин и А. Куприн, Д. Мережковский и З. Гиппиус, А. Ремизов и Б. Зайцев, К. Бальмонт и М. Цветаева... В дневнике В. Сосинского имеется запись, относящаяся к софийскому периоду его жизни (сделана 25 августа 1923 г.):

Вчера на той же траве того же возлюбленного парка Дода <Д. Резников> и я снова «странствовали по душам» и впервые удачно думали и философствовали в поводу у Льва Шестова¹.

Отрывки из философской прозы Л. Шестова «Странствие по душам» печатались в «Современных записках» и в «Окне» одновременно, и из данной дневниковой записи не вытекает с точностью, какой именно журнал читали молодые эмигранты Сосинский и Резников на траве «возлюбленного парка». Однако сам по себе тот факт, что «Окно» в начальную пору эмиграции выполняло (или по крайней мере потенциально могло выполнять) важную культуротворческую функцию, представляется весьма примечательным.

Именно докладом Цетлина «О литературной критике» открылась 5 февраля 1927 г. деятельность «Зеленой лампы» – литературно-философского общества, возникшего по инициативе Д. Мережковского и З. Гиппиус и сыгравшего значительную роль в духовной жизни русской эмиграции первой волны².

Вместе с франко-бельгийским поэтом А. Фонтена (André Fontainas) Михаил Осипович выпустил в свет в 1922 г. книгу переводов стихов Ф. Тютчева на французский язык³, о чем сообщала не только парижская, но и российская пресса:

¹ ОР ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 581. Л. 5.

² *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос–Третья волна, 1987. С. 38–79; краткое содержание самого доклада: Там же. С. 49–50; ср.: Новый корабль. 1927. № 1. С. 35.

³ *Tioutcheff Théodore.* Poésies choisies / Traduites du russe par André Fontainas et Michel Zetlin. Paris: Au Sans Pareil, 1922.

В Париже выходят избранные произведения Тютчева. Перевод (ритмической прозой) сделан Андре Фонтеном и Амари¹.

Последний прижизненный сборник стихов Цетлина – «Кровь на снегу» – увидел свет накануне II Мировой войны, в 1939 г. В рецензии на него В. Вейдле замечал, что он представляет собой

как бы стихотворное дополнение, лирический отголосок превосходной книги того же автора «Декабристы», посвященной истории нашей дворянской революции и судьбе главных участников ее².

Декабристская тема одна из излюбленных в цетлинском творчестве: в «Современных записках» публиковался его очерк «О 14-м декабря»³; был помещен отзыв на три изданные в советской России книги, связанные с декабристской темой, – «Кюхля» Ю. Тынянова, «Роман декабриста» О. Булановой и «Мятежники» Г. Чулкова⁴; позднее, в 1933 г., в издательстве «Современные записки» вышел в свет роман «Декабристы. Судьба одного поколения»⁵ (2-е изд. – 1954⁶), фрагменты которого – «Накануне» и «14-ое декабря» – печатались теми же «Современными записками» (соответственно: 1932. № 48. С. 247–273; № 49. С. 241–262). Основную читательскую оценку цетлинского романа можно было бы передать словами П. Бицилли, отметившего в своей рецензии, что автору «удалось <...> воспроизвести „дух“ декабризма, его своеобразный пафос, его трагическую поэзию»⁷, и суждением К. Зайцева, писавшего:

---

¹ Жизнь искусства. 1923. № 24. 19 июня. С. 3.

² Современные записки. 1939. № 69. С. 382.

³ Современные записки. 1925. № 26. С. 241–257. Прочитав этот очерк, известный адвокат О.О. Грузенберг отмечал в письме к одному из редакторов журнала М.В. Вишняку (от 15 января 1925 г.) «изысканный, увлекательный стиль и исчерпывающее содержание» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

⁴ Современные записки. 1927. № 30. С. 562–564.

⁵ См. рецензии К. Зайцева (Россия и славянство. 1932. № 222. 1 июля. С. 3), П. Бицилли (Современные записки. 1933. № 52. С. 465–466), Л. Кельберина (Числа. 1933. № 9. С. 216–217) и В. Ходасевича (Возрождение. 1933. 26 июля. № 2976. С. 3–4).

⁶ См. рецензии Вл. Лебедева (Новое русское слово. 1954. № 15373. 30 мая. С. 8) и А. Давыдова (Опыты. 1954. № 3. С. 201–202).

⁷ Современные записки. 1933. № 52. С. 465.

...каждый штрих в этой книге, каждый эпитет, приуроченный к кому-либо из затронутых автором лиц, имеет какое-то и, по убеждению автора, достаточное обоснование в изученной им документации, а не является ни скороспелым плодом безответственной размашистости пера, ни сознательным домыслом «романизирующего» историка-комментатора. Не в процессе квазибеллетристической и полупублицистической «писательской стряпни» создавалась эта книга, а в процессе вдумчивой и обстоятельной *исследовательской* работы¹.

Другой Зайцев, однофамилец предыдущего – Борис Константинович, – отреагировал на 2-е издание романа Цетлина (Декабристы. Судьба одного поколения. <N.Y.> Experiments, 1954) следующим образом:

М.О. Цетлин написал не роман, а книгу живой истории, в которой правдивыми красками изобразил картину русских бед, не сгущая, не преувеличивая ни в ту, ни в другую сторону.

Скорбное зрелище, – с грустью констатировал далее Зайцев. – Все как-то приходит не вовремя и не так, как бы надо. Может быть, и других не все гладко. История – всегда перечень преступлений и несчастий. Все-таки нам, кажется, особенно повезло².

В целом высокую оценку роману выставил В. Ходасевич, который в письме к М. Карповичу от 19 марта 1932 г. отмечал, что «Декабристы», «кажется, будут совсем недурны. Жидковато, бледновато по письму, но предмет он знает. Теперь это редкость»³. А в рецензии настоятельно рекомендовал вниманию «широкого круга читателей»

эту вдумчивую, очень человечную, со скромным, но тонким искусством написанную книгу, в которой занимательность повествования сочетается с обширностью суждений. Настоящее, непоказное знакомство автора с эпохой и специальной литературой о декабристах делают книгу Цетлина

---

¹ Зайцев К. «Декабристы» М. Цетлина // Россия и славянство. 1932. № 222. 1 июля. С. 3.

² Зайцев Борис. Дни. М.; Париж: YMCA-Press: Русский путь, 1995. С. 218–220 (впервые: Русская мысль. 1954. № 657. 12 мая).

³ Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 518.

надежным руководством для ознакомления с одной из самых любопытных глав русской истории¹.

То же отмечал Л. Кельберин, писавший, что

когда читаешь «Декабристов» Цетлина, невозможно усомниться в том, что для него сюжет этот не из тех, которые приходят, а такой, который сопровождает его всегда, который он глубоко понимает и любит, – настолько цельно все произведение, настолько живы лица, выведенные в нем².

Перед лицом смертельной опасности – оккупацией нацистами Парижа – семья Цетлиных переселилась в США. С этой последней в жизни Михаила Осиповича эмиграцией связан заключительный этап его биографии. В Америке Михаил Осипович печатался в нью-йоркских газетах «Новое русское слово» (как стихи³, так этюды и очерки⁴), «Заря» (см., к примеру, очерк «М. Антокольский» – 1943. 15 февр. № 4. С. 17–18), журнале «Новоселье» (см., к примеру, очерк «Д.С. Мережковский (1865–1941)» – 1942. № 2. С. 48–56). В 1942 г. вместе с М.А. Алдановым он основал «Новый журнал»⁵. В 1944 г. в Нью-Йорке вышла книга Цетлина «Пятеро и другие» о композиторах «могучей кучки»⁶, иллюстрации к которой сделала

¹ Ходасевич Владислав. «Декабристы» // Возрождение. 1933. № 2977. 27 июля. С. 5.

² Числа. 1933. Кн. 9. С. 216.

³ См.: «В альбом Иоланте» (1941. № 10354. 15 июня. С. 8).

⁴ См.: «„Евгений Онегин“ Чайковского: (К сегодняшней постановке оперы в Таун Холле)» (1943. № 10963. 27 февраля. С. 3, 5), «„Пиковая дама“ Чайковского» (1943. № 10998. 3 апреля. С. 4), «Автобиография Андрэ Моруа» (1943. № 11069. 13 июня. С. 8).

⁵ См. об этом: Бирман М. Создатели «Нового журнала» // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе Т. 5 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 153–161; Три письма М. Алданова Цетлину, связанные с открытием «Нового журнала», см. в публикации М. Пархомовского «К истории „Нового журнала“» (Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе Т. 4 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 292–298).

⁶ Отзывы на нее см.: Седых А. Драма Мусоргского: (Книга Мих. Цетлина) // Новое русское слово. 1944. № 11775. 23 июля. С. 2; Алданов М. // Новый журнал. 1944. № 8. С. 405–408) Лурье А. Книги о русской музыке // Новое русское слово. 1945. № 11965. 28 января. С. 8.

его приемная дочь А.Н. Прегель (ей, кстати, эта книга и была посвящена); 2-е издание осуществлено вдовой после смерти автора, в 1953 г.¹

В последние годы жизни Цетлин работал над книгой о русских поэтах-символистах: после смерти в его бумагах обнаружены отрывки и наброски глав о Брюсове, Бальмонте, Блоке (в том числе о блоковской прозе), Белом, Волошине, Сологубе, журналах «Весь» и «Золотое руно»². Посмертно напечатана его статья «О критике»³. Также посмертно увидела свет книга переводов (совместно с И. Астровым) «Португальских сонетов» Елизаветы Б. Браунинг (Нью-Йорк, 1956), предисловие к которой, по просьбе М.С. Цетлин, написал Г. Адамович⁴.

10 ноября 1945 г. Цетлина не стало. «Кончиной М<ихаила> О<сиповича> огорчен бесконечно», – писал 20 декабря 1945 г. И. Бунин М. Алданову⁵. Смерть Цетлина и затем ее годовщины служили для людей, близко его знавших, ярким напоминанием об этом незаурядном человеке, отдавшим себя бескорыстному служению русской культуре⁶.

---

¹ См.: *Ольховский А.* По поводу переиздания книги М. Цетлина «Пятеро и другие» // Новое русское слово. 1953. 10 мая; *В.П.* [Пастухов В.] М. Цетлин. «Пятеро и другие». Изд. Нового журнала, 2-ое издание. Нью-Йорк // Опыты. 1953. № 1. С. 204.

² См. посмертно опубликованный отрывок «Восьмидесятые годы» (Новый журнал. 1946. № 14. С. 204–208).

³ Новый журнал. 1958. № 53. С. 221–226.

⁴ См. письмо Г. Адамовича к М.С. Цетлин от 20 ноября 1954 г. (*Адамович Г.* Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. М., 1996. С. 397).

⁵ Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / <Публ. А. Зверса> // Новый журнал. 1983. № 150. С. 187.

⁶ См. некрологические статьи «Памяти М.О. Цетлина» Г. Аронсона (Новое русское слово. 1945. № 12250. 12 ноября. С. 2; подп. Г.А.), «Памяти М.О. Цетлина» А. Седых (Новое русское слово. 1945. № 12251. 13 ноября. С. 3), «Памяти М.О. Цетлина» М. Алданова (Новый журнал. 1945. № 11. С. 341–344), «Памяти М.О. Цетлина. 10 ноября 1945» В. Зензинова (Новое русское слово. 1946. 10 ноября. С. 3), «М.О. Цетлин» Б. Зайцева (Новый журнал. 1946. № 14. С. 199–203; перепеч. в кн.: *Зайцева-Соллогуб Н.* Я вспоминаю...: Устные рассказы. М., 1998. С. 86–91), «М.О. Цетлин» Н. Берберовой (Новый журнал. 1950. № 24. С. 209–213).

Цетлин был человеком утонченной художественной культуры. Близкое знакомство и тесная дружба связывали его с известными художниками: П. Пикассо, Д. Ривера, Э.А. Бурделем, В. Серовым, Л. Бакстом, Маревной (М. Воробьевой-Стебельской), поэтом и живописцем М. Волошиным, Н. Гончаровой и М. Ларионовым и др. С четой последних он познакомился, по-видимому, во Франции, в пору своей первой эмиграции¹, им обоим посвящены его стихи, вошедшие в сборник «Прозрачные тени. Образы»: «Сезанн» (М. Ларионову) и «Ван-Гог» (Н. Гончаровой), который по рисункам Н. Гончаровой и был оформлен. Статья Цетлина о Н. Гончаровой была напечатана в книге «The Soul of Russia» (London, 1916; перевод на английский язык осуществлен Adeline Lister Kaye), в издании которой принимала участие М.С. Цетлин² (об истории ее издания и сам ее текст см. в Приложении 1).

Некоторые цетлинские стихи не просто экфрастичны, соединяют в себе звуковой образ с пластическим, но более того – восходят к святой святых – творческому акту живописцев, в ряду которых особое место занимают названные выше Сезанн и Ван-Гог. Наиболее зрелые поэтические строчки Амари-Цетлина – те,

¹ Подробно об этом – в связи с творческой судьбой А.Н. Прегель – см. в материалах, подготовленных Ю. Гаухман, «Учитель и ученица» (биографический очерк «Судьба Александры Прегель», публикацию писем Н. Гончаровой и М. Ларионова и воспоминания Прегель «Незабываемое прошлое»), в: Наше наследие. 2001. № 57. С. 116–128. См. также: *Винокур Н.* Фотографии из семейного альбома // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе Т. 4 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 426–436; *Ее же.* «Всю нежность не тебе ли я несу...»: Альбом Марии Самойловны Цетлиной // Наше наследие. 2004. № 72. С. 52–67; *Voiskoun A.* A. Pregel. Lonely Soul. Painting from 1930–1960. Russian Art Museum. Ramat-Gan, 2000–2001; *Войскун А.* «Альбом бытия» Александры Прегель // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции (Таллинн, 12–14 сентября 2002). Иерусалим; Таллинн: Гешарим–Мосты культуры, 2004. С. 234–265; см. также: *Хазан В.* Художница Александра Николаевна Прегель говорит и пишет на иврите // Еврейский книгоноша (Москва). 2002. № 1. С. 52–55.

² См. об этом: *Хазан В.* Два сюжета на тему «Русская литература Серебряного века и Запад» // L'âge d'argent dans la culture russe. Lyon, 2007. С. 175–200.

что соприкасаются с живой материей искусства, сокровищницей великих мастеров, как, скажем, в стихотворении «Рим», где образно зримо воплощен «краткий очерк» художественной истории «вечного города».

В той же мере, что и к живописи, Цетлин тяготел к музыке, будучи ее тонким знатоком и просвещенным любителем. Упомянутый выше его роман «Пятеро и другие» представляет собой не просто талантливый опыт исторической беллетристики, но и текст, написанный автором, имеющим добротную музыковедческую подготовку. Однако, оставаясь в живописи и музыке все же зрителем и слушателем, пусть и не рядовым, Цетлин ощущал себя подлинным профессионалом в литературной сфере – как писатель-романист, литературный критик, переводчик и поэт. Сказать о нем, хотя бы коротко, в этой его ипостаси, и прежде всего как о поэте, будет в особенности уместно, сообразуясь с предметом и содержанием данной книги.

Первый цетлинский сборник отмечен «детской болезнью» революционности: «песни борьбы» сопровождаются в нем рекимным подголоском, героическая символика – гневной ораторской мелодекламацией. Критические отзывы на первую поэтическую книгу Амари приведены в соответствующем месте комментариев, здесь же хотелось бы лишь отметить, что хотя ораторские интонации и образы будут и в дальнейшем иногда встречаться в стихах поэта Цетлина, все же гражданская и политическая лирика не станет основной магистралью его творчества. Дальнейшая эволюция будет происходить в ином поэтическом русле, и уже во втором сборнике стихов – «Лирика» (1912) – пламенный трибун уступит место влюбленному лирику. Этой сменой тематических, стилевых, интонационных регистров будут отмечены те изменения, что произошли с автором и – соответственно – с его лирическим «я» за прошедшие годы. Известное перерождение коснулось содержания и формы поэтической исповеди – она стала менее «социальной» и, как положено зрелым стихам, более интровертивной и личной.

Любовь и тайны творчества – две краеугольных темы поэзии вообще – составляют поэтическую вселенную Амари-Цетлина. Любопытно, что некоторые стихи, включенные в «Лирику», дати-

рованы теми же самыми 1905–1906 гг., что и гражданская лирика первого сборника. Написанные в то время, на которое приходится наибольший интерес Цетлина к политической жизни и живое участие в ней, они как бы «изменяют» партийной эсеровской идеологии с вечным и до конца непостижимым чудом жизни, которое не способна разгадать и перетворить никакая политическая мысль и социальная теория. Разумеется, провербиальная формула о «вечности заложнике у времени в плену» к Амари приложима в той же самой мере, что и к другим поэтам, да и сам он, о чем шла речь выше, прекрасно сознавал, что не принадлежит к наиболее ярким и видным из них, но цетлинская биографическая канва и корреспондирующие с ней творческие рефлексии действительно вели его от «времени» к «вечности» – от конкретных политических событий к загадкам мироздания и бытия как таковых. Смена ценностей и жизненных пристрастий – то, что обычно обозначают по отношению к нему сухой фразой «отошел от политической борьбы», – органично и естественно отразилась в тематике и лирической интонации стихов, в их образной системе и эмоциональной энергетике. При этом, и данный момент следует подчеркнуть со всей определенностью, Цетлин до конца своих дней остался верен заветам и идеалам юности, тому образу свободы и демократии, который в торжественно-романтическом, героико-экстатическом духе воплотился в его первом сборнике. Недаром в стихотворении «Ключ свободы», завершающем книгу стихов «Кровь на снегу» – последнюю изданную при жизни и посвященную излюбленной им декабристской теме, Амари-Цетлин напрямую связывает героев 14 декабря с Февральской революцией, главным событием в жизни того круга деятелей и их идей, к которому сам же принадлежал:

И когда через многие годы
Вдруг народ свой выпрямил торс
На одно мгновенье свободы –
C'etaient ses amis du Quatorze!

Сон иль явь? О, Боже великий!
Или то океан отмерз?
Толпы, площадь, цветы и клики,
Ce seront ses amis du Quatorze!

Более того, в одном из стихотворений, включенном во второй сборник, – «Особым знаком отмечает кровь», – поэт пытается соединить в своей «жизни и судьбе» прошлое с настоящим, установить некую, невидимую внешним зрением, связь между «мстителем» и «любовником». Метафорической основой оказывается кровь, которая и как знак террора, и как знак любви едина в своей сущности «общего трагизма»:

Особым знаком отмечает кровь
И из людских рядов выводит властно.
Как кровь, судьбы печать кладет любовь –
Она сильна, как смерть, когда несчастна.

Причудлива судьбы и жизни вязь,
Всех красок смесь в ней не разложит призма,
Но мстителей с любовниками связь
Понятна мне из общего трагизма.

Пусть безнадежный в стан борцов придет,
Но приведет его не безнадежность,
А раненой души большой полет,
Кровавый знак, мрачащий белоснежность.

Этот образ – красное на белом, который станет заглавной «колористической эмблемой» поздней книги стихов Амари-Цетлина «Кровь на снегу», ведет свое начало от самого раннего сборника: «Кровь брызжет на самые чистые, / Мрачит белоснежность цветка» (стихотворение «О, нежная, белая лилия...»), неся в себе мысль о грубом поругании и гибели наиболее ценного и наделенного высшей сакральностью в природе и социуме, когда происходит их соприкосновение с жестокой реальностью.

«Отход от политики» – переакцентировка ценностей, или, как сказал бы Осип Манделштам, «перестановка богов» – не отменил в Цетлине веру в силу теории, магии слова, идеала как вполне самоценных и самодостаточных начал, способных привести людей в царство свободы, спасти их, очистить, возвысить и придать жизни гуманный облик и смысл. Этой несколько наивной вере в конечное торжество духа над материей, метафизики над «физической

реальностью», книжной романтики и литературных образов над «корявыми неправильностями» и несовершенствами жизни он, со всей страстностью идеалиста, дитя своего времени – пламенной эпохи словесной риторики, – следовал всю свою сознательную жизнь¹.

И все-таки высказанное выше соображение об эволюции поэзии Амари-Цетлина от ранних стихов к поздним как смене гражданской тематики лирической, более персональной и приватной и уже хотя бы поэтому менее идеалистичной и более земной, представляется труднопроверяемым. При этом следует сказать о том, что любовные мотивы в стихах, вошедших в его сборник «Лирика», связаны не с абстрактным воспеванием этого чувства, но с вполне конкретной, земной женщиной – Марией Авксентьевой-Тумаркиной, ставшей в то время его женой. Именно она является героиней ряда поэтических текстов (выше уже приводилось стихотворение «Ночь, и тишь, и имя “Мэри”»), в других передаются ее портретные черты: например, знаменитая тяжелая коса, о любовной игре с которой поэт пишет (стихотворение «“Я твоя” – ты сказала мне»):

Захочу и возьму твою тяжелую косу
И закину ее тебе на плечи,
Как задорный мальчишка,
Или заверну ее в корону,
Царица моя!

Небезынтересна включенная в книгу «Лирика» единственная написанная Амари-Цетлиным поэма «Айседора», в которой безысходный драматизм бытия, фокусом которого становится жизнь рано умершего еврейского мальчика, метафорически («какая-то

---

¹ Мы не касаемся здесь выходящего за рамки нашей компетенции, а также жанра и задач данной статьи вопроса о том, как в личности Цетлина мирно уживались разные, в известном смысле противоположные и даже взаимоненавистные начала – идеалиста-книжника, о котором идет речь, и крупного предпринимателя, продолжавшего, в особенности в 20–30-е годы, когда он находился в эмиграции, частотное дело, основанное его дедом. Оставляем эту тему, как, впрочем, и тему сочетания в одном лице отпрыска богатых купцов и революционера, для особого рассмотрения.

таинственная связь во мне возникла») воплощен в «ликующем танце» Айседоры Дункан, знаменитой «босоножки». Насколько нам известно, Цетлин нигде более не упоминал имя выдающейся танцовщицы, и мы не располагаем достоверными сведениями, присутствовал ли он когда-нибудь на ее выступлениях. При полном отсутствии в поэме автобиографического сюжета, в ней, однако, присутствует дух подлинного «эмоционального автобиографизма», связанного как с одним (еврейский мальчик), так и с другим (Айседора Дункан) членами данной метафоры. Пожалуй, это самое интересное – прихотливое и на первый взгляд малообъяснимое соединение «делековатых» лиц и событий, создающих эффект неожиданного единства и соподчинения. Айседора, которая воплощает в поэме «красоту и радость» («Ты жизнь и свет, ты жизнь и красота, / Ты радость радости и жизни жизнь...»), и бедный еврейский мальчик («малхамовэс» – ангел смерти), рано умерший и не успевший узнать «нежное, светлое» имя актрисы и лишь со «смутной силой» ощущавший своей «полурасцветшею душой», что «есть на свете красота и радость», – из этого хрупкого порядка случайных, вольно сведенных вместе корреспонденций (да и корреспонденций ли?) Амари-Цетлин пытается поэтическими средствами извлечь драматическую коллизию. Что это, в принципе, за коллизия? Говоря общо и схематично, о минутных проблесках красоты и счастья и извечной их неуловимости и недостижимости как устойчивых, постоянных, сопровождающих каждодневную жизнь явлениях. О невмещающейся и рвущейся из груди радости любви, обрывающейся в темный провал смерти. И все это – светлое начало жизни, и ликование сердца, и горькая беда, и боль, и смерть способны быть выражены только одним – таинственным языком искусства, диковинным и чудным – «победным» – танцем Айседоры. И еще: каждая, пусть самая крохотная, заурядная и негероическая судьба достойна быть воплощенной в героическом танце великой танцовщицы:

хотел бы я,
Чтобы на ней, погибший, бедный мальчик,
Чтоб на твоей могиле Айседора,
Безумная, плясала б пляску битвы

И смерти, чтобы волосы ее,
От пляски растрепавшись, пели, пели
Тебе прощальный гимн и чтоб она,
Сорвав цветы с твоей могилы, плавно
И радостно, и радостно, и быстро
Кружилась, опьяненная цветами,
Весной и солнцем...

Следующий сборник стихов Амари-Цетлина – «Глухие слова» (1916) – наиболее «минорный» в его поэтическом творчестве. Однако это именно та разновидность минора, ценность которой много выше и значимей, нежели бодрый оптимизм имитационной лирики. Сборник открывается стихами, выражающими молитвенную радость и чувство благодарности за то, что суждено испытать лирическое кипение в крови, пусть даже оставшееся пластически неуловимым и не отчеканившимся в слове:

Меня коснувшись едва,
Прошло, не вылившись в слова,
Волненье вдохновенья;
Еще мелодия в ушах,
И слезы на моих щеках,
Но не сомкнулись звенья –
И песня замерла в устах.
Благодарю за свет, за миг
Надежды, за восторг, за страх
И боль невоплощенья;
За то, что ты светло возник
И вот исчез, туманный лик
Уже забытого виденья.

Одна из лейтмотивных ветвей «Глухих слов» и главных источников их художественных имагинаций – соотношение поэзии и жизни. Временами жизнь, какой ее видит и воспринимает поэт, оказывается уныло-нетворческим – ухудшенным, испорченным – вариантом поэзии: «Жизнь – скучные стихи, твердимые без чувства наизусть» («Чуть теплится огонь...»). Между тем человеку даже более, чем неземного великолепия сияющих небес, хочется не сказочного, а обыкновенного теплого жилья, всеобщего друже-

любия, неэфемерной тверди под ногами. Чрезмерно стремительное кружение земли «среди планет, в эфире» лишает обыденные предметы устойчивости и кружит голову, от чего жизнь теряет свою твердость и упругость («В мире простом, со всеми в мире»):

И вот мне неуютно в мире
На твердой и земной земле.

Стихи, вошедшие в «Глухие слова», написаны не в момент духоборческого подъема, а во время душевного кризиса и ламентаций, в состоянии тоски и тревоги, когда «унылый, бескрылый» дух поэта «никнет к земле» («Мало творческой боли»). Именно тогда рождаются знаменитые строки Амари-Цетлина о психологической дихотомии внутри собственной личности, о ее своеобразном расколе на «русскую» и «еврейскую» половинки («Не связанный в жизни ничем»):

С одним я народом скорблю
(С ним связан я кровью);
Другой безнадежно люблю
Ненужной любовью.

Здесь не место анализировать сложное цетлинское отношение к неразделенной («ненужной») любви к русскому народу, которое, судя по всему, вряд ли носило столь уж драматичный характер: слишком глубоко был укоренен его носитель в русской культуре. На что действительно следовало бы указать, так это на отсутствие «цельного чувства», о котором пишет поэт, завершая данное стихотворение:

И медленно вянет душа
И чахнет искусство.
И трудно мне жить, не спеша,
Без цельного чувства.

Напомним, что «Глухие слова» – книга, целиком написанная в эмиграции (на связанность включенных в нее текстов, кроме прочего, указывает их сквозная пронумерованность, создающая

впечатление как бы единого текста-цикла¹). Каких-то сугубых, навязчиво нагнетаемых деталей эмигрантского существования она не содержит, но сам по себе организующий ее образ расколотого, потерявшего привычную твердь мира служит выразительным символом изгнаннического состояния. В некоторых стихах открыто передано ностальгическое чувство потери родины:

Хрустальная музыка чеховских слов,
Словно с родины зов, словно дальний зов.
Я хотел бы вернуться, о, Боже мой,
Я хотел бы еще вернуться домой!
И увидеть московский монастырь,
Где схоронен он... и поля... и ширь...

Однако основное выражение «эмигрантские настроения» получают посредством утраты поэтом своего цельного «я», и именно этот частный душевный диссонанс превращается в то «мировое неблагополучие» (известно, что поэты живут перед самую кончиною мира), которое придает персональной исповеди значение литературного факта. Установление образно-метафорического тождества между изгнанием и смертью предстанет в русской поэзии последующих лет как широко распространенный прием². В этом смысле налицо первопреходческие интенции поэтики Цетлина.

Стихи, вошедшие в одно из самых интересных, на наш взгляд, поэтических созданий Цетлина-Амари – сборник «Прозрачные тени. Образы», с одной стороны, отражают тот этап биографии, когда, как сказано в одном из его стихотворений, «не в светлый

¹ Этот принцип книги стихов именно как книги, а не простого их собрания под одной обложкой, Цетлин разовьет в своем последнем изданном при жизни поэтическом сборнике «Кровь на снегу», см. далее.

² Из моря примеров укажем лишь на один, относящийся к ранним опытам выражения чувства изгнания посредством осенне-смертного образного колорита, см. стихотворение «Осень на чужбине», принадлежащее перу поэтессы-эмигрантки Эмили Кальмы (наст. фам. Э.С. Кальманович):

Нам суждено, вернувшись к мирной сени,
Уж не найти былых очарований.
Стоит пора, что листопад осенний,
И время наше – время умираний.

(Голос России. 1920. № 274. 5 декабря. С. 3).

год, а в скорбный год» он вернулся в Россию после Февральской революции, а с другой – запечатлевают галерею ярких портретов-«образов»: Сезанн, Ван-Гог, Марат, дочь Людовика XV принцесса Луиза, Цицерон и др. С цветинскими стихами органично взаимодействуют рисунки оформлявшей книгу Н. Гончаровой. Рисунки художницы (обложка, заглавный лист, фронтиспис, заставки с заглавными буквами, концовка и заголовки) создают тот густой художественный колорит, когда слово поэта приобретает дополнительную – экфрастическую – нагрузку.

Названный по образу, внушенному Ф.И. Тютчевым, последний прижизненный сборник стихов Амари-Цетлина «Кровь на снегу (стихи о декабристах)» был издан почти двадцать лет спустя – в 1939 г., совместными усилиями издательского «Дома книги» и «Современных записок». Его композиция максимально приближена к жанру «книги стихов» как единого и связного текста, где каждое отдельное стихотворение выступает элементом общего целого – своего рода главой стиховой повести. На эту особенность едва ли не первым обратил внимание В. Вейдле, рецензировавший «Кровь на снегу» в «Современных записках»:

Книга М.О. Цетлина не просто сборник стихотворений, и нельзя ее должным образом оценить, если считать ее таким сборником¹.

Наряду с пятью сборниками, опубликованными при жизни поэта, имелся еще один, подготовленный Амари-Цетлиным как итоговый, как своего рода «Избранное», который он издать не успел, и сделала это его дочь Ангелина Цетлина-Доминик через много лет после смерти отца – книга под названием «Малый Дар» вышла в Москве в 1993 г.

Настоящее издание цветинских стихов является наиболее полным, в него включены все известные составителю тексты поэта – как оригинальные, так и принадлежащие ему переводы. Вместе с тем весьма вероятно, что какие-то стихи Амари-Цетлина оказались не разысканы и потому остались за пределами этой книги. Составитель заранее благодарит тех, кому удастся дополнить и расширить проделанную им работу.

---

¹ Современные записки. 1939. № 69. С. 382.

Амари-Цетлин относится к разряду поэтов-традиционалистов, для кого «цеховой», «мастерской» код «святого ремесла» не только не был чужд, но как раз более всего соответствовал мировоззренческим и эстетическим установкам. В наглядной форме это проявилось в «Заметках любителя стихов» – обзоре-отзыве на новые сборники стихов молодых поэтов, в котором он писал, что

целые тысячелетия поэты называли себя пророками, жрецами. Это прискучило, – трудно долго ходить на ходулях. Кроме того, стихов пишется теперь так много, звание поэта так обесценено, что жреческие позы кажутся опереточными и только еще больше компрометируют бедных певцов. Из жгучей потребности поднять достоинство поэзии, дать новую цену самому имени поэта явилось это скромно вызывающее, гордо униженное: «мы не бряцаем на лире вдохновенной, мы цеховые цеха поэтов, такие же добросовестные ремесленники, как те, которые обожгли вам ваши печные горшки. Может быть, вы все же узрите пользу в изделиях нашей художественной промышленности¹.

При всей традиционности, однако, стих Цетлина не был до конца лишен экспериментальных поисков и в области рифмы: например, стихотворение «Расставанье» (из сб. «Лирика»), в котором «желтой» рифмуется с «пришел ты» (с усиливающим рифменное созвучие «уже»):

В час расставанья шли в листве мы желтой.
О, призрак осени, уже пришел ты...

Или стихотворение «Вечер» (из того же сборника) с его оригинальными составными дактилическими рифмами: «сумерек» – «иймярек», «успокоенность» – «благое нас» или рифмами неточными, сохраняющими, однако, всю меру обаяния затухающих созвучий, как в последнем четверостишии:

Оно нежное, тихое, как сумерки смутное.
О, излиться, пролиться в мерцающей лирности,

¹ Ам<ар>и. Заметки любителя стихов (О самых молодых поэтах) // Заветы. 1912. № 1. Апрель (2-е испр. изд.), <II отд.>. С. 88.

Чтобы муки все замерли, чтобы чувства все умерли
В этой ясной всемирности, в этой тихой вечерности.

Помимо обычного рифмования конечных слов – «смутное» – «умерли», «лирности» – «вечерности», которое опирается лишь на частичные звуковые соотношения, можно говорить о некоем «симфонизме» строфы, построенном на перекличках и корреспонденциях разных звуковых рядов: градация субстантивированных эпитетов-прилагательных в 1-й строке «нежное», «тихое», «смутное»; рифмовка двух однокоренных и грамматически однородных глаголов во 2-й: «излиться» – «пролиться»; поддержка «слабой» рифмы 1-й и 3-й строк («смутное» – «умерли») также неточным, но близким им по звучанию словом «муки», не говоря уже о повторе (синтаксическом параллелизме): «чтобы чувства все замерли, чтобы чувства все умерли», сопровождающимся «внутренней рифмой»: «замерли» – «умерли», как бы воспроизводящей предыдущую модель «излиться» – «пролиться»; отсутствие точной рифмы в 4-й строчке компенсируется присутствием рифмы точной, не вынесенной, однако, в конец, но вполне сохраняющей рифменный баланс: «лирности» – «всемирности» – «вечерности». То же относится к последней строфе в стихотворении «Особым знаком отмечает кровь», где вторая и четвертая строки зарифмованы не путем точного звукового повтора, а посредством некоего структурного сходства слов:

Пусть безнадежный в стан борцов придет,
Но приведет его не безнадежность,
А раненой души больной полет,
Кровавый знак, мрачащий белоснежность.

Встречаем мы в стихах Амари-Цетлина и разнообразные рифменные узоры, как, скажем, в стихотворении «Кубок вод» из сборника «Лирика», шестистишия которого заплетены рифмами по схеме abcabc:

Море – полная до края чаша,
Вод упругость вольную тая,
Напряженно, полнозвонно плещет,

Пенится, как радость, радость наша.
Вот заблещет, яро затрепещет
И переплеснет через края.

Разнообразна ритмическая палитра цетлинских стихов. Ограничимся для иллюстрации ритмической чуткости поэта указанием на его цикл «Танцы» из сборника «Лирика» («Венгерка», «Вальс», «Полька», «Па д'эспань»), где к каждому танцу подобран соответствующий стиховой – ритмо-мелодический – эквивалент.

Не стоит, разумеется, впадать в преувеличенный тон и относить Амари-Цетлина к стихотворцам, для кого, говоря словами В. Ходасевича, «звуки правдивее смысла», но нельзя не признать, что в некоторых случаях он демонстрирует в своих стихах подлинное владение аллитерационным искусством, включая создание анаграмматических кодов, служащих, по Ф. де Соссюру, выразительным доказательством «семантической» связи означающего и означаемого. Так, например, в зачине стихотворения «Бегство» (сб. «Кровь на снегу») –

Бежали...
Дул сырой, морской
Ветер с такой тоской... –

скрывается слово «декабрьский» («декабрьской»): декабристская тематика приобретает своего рода «фонический ореол», воплощается в самом звуковом строе стиха.

* * *

Тема «Цетлин-переводчик» относится к разряду малодебатированных, чтобы не сказать – фактически неразработанных. Налицо явная недооценка этой стороны таланта Цетлина, хотя факты свидетельствуют пусть не о самом крупном и значительном, но достаточно интересном явлении переводческого творчества.

Переводчик, в особенности переводчик лирической поэзии, по выражению С. Георге, не столько знакомит с иноязычным поэтом, сколько возводит за его счет монумент себе. Цетлин в этот разряд,

как кажется, не попал хотя бы по той простой причине, что его переводы с трех языков – английского, французского и немецкого – не только его не увековечили, но остались фактически неизвестны. В цетлинской переводческой коллекции представлены такие поэты, как И.Х.Ф. Гельдерлин, П.Б. Шелли, Г. Гейне, Е.Б. Браунинг, П. Валери, Э. Верхарн, Р.М. Рильке. С двумя последними он был знаком лично еще со времен своей первой парижской эмиграции (см. отмеченное выше посещение ими дома на 91, avenue Henri Martin). С Рильке, одним из его самых любимых и фаворитных европейских поэтов, который продолжал бывать в доме Цетлиных и в начале 20-х гг., уже на 118, rue de la Faisanderie (см. упоминание его имени в приводившемся мемуарном очерке Б.К. Зайцева), отношения продолжались и в дальнейшем. Цетлину принадлежат несколько известных нам переводов стихотворений Рильке: три из них («Господь, пора! Окончен летний день...», «О, как я знал, что значит расставанье...» и «Ангелы») включены в подготовленную его дочерью А. Цетлин-Доминик книжку «Малый Дар», упоминающую выше. Судя по всему, однако, переводов было значительно больше – по крайней мере, из сообщений в печати еще в 20-е гг. известно, что он готовил книгу переводов Рильке и антологию новой английской поэзии¹.

Выше уже упоминалось имя переводчика А. Биска, с которым Цетлин был многие годы в приятельских отношениях². Свое первое

¹ Жизнь искусства. 1923. № 24. 19 июня. С. 3. Известно также его письмо Г. Струве от 29 января 1927 г., где он поднимает вопрос о «возможности издания переводов из Рильке».

² О переводчике и поэте Александре Акимовиче Биске (1883–1973) и о его литературной деятельности в Одессе см.: *Яворская Е.Л.* Одесский переводчик Р.М. Рильке // «Дом князя Гагарина...»: Сборник статей и публикаций. Одесса, 1997. Вып. 1. С. 121–133; *Азадовский К.* Rilkeana // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski* / Ed. by L. Fleishman. Stanford, 1999. С. 192–199 (Stanford Slavic Studies; Vol. 20); *Он же.* Александр Биск и одесская *Литературка* // Диаспора: Новые материалы <Вып.> 1. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2001. С. 95–141. Семьи Цетлиных и Бисков близко дружили; см. письма Александра и Берты Бисков М.С. Цетлин в: *Хазан В.* Marginalis // Еврейский книгоноша (Москва). 2003. № 2 (3). С. 42–45. Вопрос о том, где познакомились Цетлин и Биск, не решается однозначно: возможно, в Одессе в 1918–1919 гг., но не исключено, что раньше: как и Цетлины, Биск с 1906 г. до Первой мировой войны жил в Париже;

издание переводов из Рильке Биск напечатал в Одессе в 1919 г.¹; второе – значительно дополненное, вышло почти через 40 лет, в 1958 г., когда Цетлина уже не было в живых². Трудно представить, чтобы, занимаясь переводами Рильке на русский язык, они не вели профессиональных бесед и не делились друг с другом результатами своей переводческой деятельности. Хорошо известна та высокая оценка, которую выставил переводам Биска Б. Пастернак, прочитавший его парижское издание «Избранного из Рильке» и выразивший ему восхищение в личном письме от 24 февраля 1958 г. («Я прежде никогда не видел Ваших переводов. Если бы я знал их раньше, я бы расстался с убеждением, что Рильке еще не знают по-русски и не имеют о нем представления»). Разумеется, переводы из Рильке Цетлина не претендуют на столь триумфальное признание, но в них есть своя мера мастерства, более скромная, нежели у Биска, но, равно как и в оригинальных стихах, выводящая его, без сомнения, за пределы унылого графоманства. В той или иной степени то же самое можно сказать о цетлинской переводческой деятельности в целом.

Предлагаемое издание, как мы надеемся, найдет отклик в сердцах любителей поэзии и привлечет внимание как к Цетлину-поэту, так и к самой этой крайне интересной исторической фигуре.

Составитель от всей души благодарит Владислава Резвого, оказавшего существенную помощь в подготовке книги.

Владимир Хазан

см. его воспоминания об этом времени: *Биск А.* Русский Париж 1906–1908 г. // Современник (Торонто). 1963. № 7. С. 59–68 (правда, рассказывая о своем парижском окружении – Бальмонт, Волошин, Кругликова, Мережковский, Гиппиус и др., – фамилии Цетлиных Биск не называет).

¹ *Рильке Р.М.* Собрание стихов / Пер. и предисл. А. Биска. Одесса: Омфалос, 1919. См. рецензию на это издание: *Гроссман Л.* Райнер Мария Рильке // Современное слово. 1919. № 8. 22 октября (4 ноября). С. 4.

² *Биск А.* Избранное из Райнера Мария Рильке. Изд. 2-е значительно доп. Париж: Дом Книги, 1958; см. на него рецензии П. Ершова (Стихи, переводы, Рильке и Биск // Новое русское слово. 1958. № 16304. 16 февраля. С. 8) и В. Маркова (Опыты. 1958. № 9. С. 99–103). См. также: *Биск А.* Чужое и свое: Избранные стихи: 1903–1961. Париж, 1962 (сюда включены как собственные стихи автора, так и его переводы, исключая Рильке).

КОММЕНТАРИИ

Как уже отмечалось в послесловии, Амари-Цетлин явился автором пяти опубликованных при жизни поэтических сборников: «Стихотворения», «Лирика», «Глухие слова», «Прозрачные тени. Образы» и «Кровь на снегу». Последний, шестой сборник, «Малый дар», который остался в рукописи и представлял собой в своем роде *итоговую* книгу избранного, был опубликован благодаря стараниям дочери поэта Ангелины Цетлиной-Доменик уже после его смерти. Подробнее о каждом из названных сборников стихов говорится далее в соответствующих разделах.

Кроме стиховых массивов, составивших вышеперечисленные книги, имеется некоторое количество текстов, которые остались за их пределами, – они составили в данном издании особый раздел «Стихи, не вошедшие в опубликованные сборники».

Помимо переводных текстов, существующих в составе сборников стихов Амари-Цетлина, ему принадлежит книга переводов «Португальских сонетов» английской поэтессы Элизабет Баррэт Браунинг, которые он осуществил в соавторстве с И. Астровым, – мы сочли закономерным также включить ее в настоящее издание. Следующий за ними раздел составили несколько цетлинских переводов, публиковавшихся в периодической печати или, как перевод стихотворения Х.-Н. Бялика «Перед закатом», вошедших в «Еврейскую Антологию» (1918).

В последнем поэтическом разделе «Dubia» публикуется стихотворение «Не по вкусу мне и по нраву...», авторство которого не установлено, но которое с известной долей вероятности может принадлежать Цетлину.

При дальнейшем комментировании сначала указаны страницы в настоящем издании, а затем, после названия стихотворения, страницы источника.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

МД – Амари (М. Цетлин). Малый Дар. М.: Праминко, 1993 (через двое-
точные указаны страницы).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1906

Первый поэтический сборник Амари-Цетлина «Стихотворения» вышел в московском книгоиздательстве «Молодая Россия» в 1906 г. (дозволено цензурой 10 ноября 1905 г.); в том же году издание пришлось повторить. По свидетельству современника, стихи поэта-дебютанта пользовались необычайной популярностью в среде революционно настроенной молодежи. Эта небольшая книжка, писал Г. Аронсон в некрологе М. Цетлина,

произвела тогда настоящую бурю и создала ему большую славу – в кружках студенчества и революционной молодежи. Эта книжка поистине прозвучала новым словом, удачно сочетавшим темы революционной поэзии с приемами поэзии символистов¹.

В профессиональной критике стихи Амари-Цетлина вызвали разные, порой несходные реакции. Те, кто рассматривал поэзию как средство пробуждения гражданских, революционных эмоций, нашли в них немало ценного и, соответственно, зачислили автора в разряд исключительно талантливых стихотворцев.

Небольшой сборничек – всего 21 стихотворенье, – отзывался в «Мире Божиим» А. Б<огданович>, – но каждое из них отмечено печатью таланта, в каждом сверкает искорка поэзии, а все вместе производят приятное впечатление свежести, искренности и молодого увлечения. Общий тон один – гордый и свободный, но проникнутый сдержанностью и без крикливых задорных слов. Настроение неведомого поэта, по-видимому, еще молодого, несколько приподнятое, он воодушевлен событиями последнего времени, которые, видимо, всецело им овладели, и с трудом сдерживает волнение, чтобы уложить его в размеры стиха. «К солнцу свободы» – таков лейтмотив всего сборника, красною нитью проходящий через все пьесы <...>

Бесспорно, красивое и сильное стихотворенье <до этого было приведено стихотворение «К солнцу свободы»>, в котором поэт удачно нашел новый образ для гражданского мотива, гармонично сочетав мысль и чувство с красотой выраженья. Не менее красиво умеет автор выразить и скорбные чувства жалости при виде чудовищных насилий, которыми омрачена современность. Вот, напр., стихотворение из серии «Mogitugi», при чтении которого невольно вызывается воображением один образ <речь идет о стихотворении «О, нежная, белая лилия...»>.

---

¹ Г. А. <Г. Аронсон Г.> Памяти М.О. Цетлина // Новое русское слово. 1945. 12 ноября. № 12250. С. 2.

Но у него же находятся страшно злые и беспощадные образы, когда он рисует противников свободы, «злых псов» самодержавья. Таково стихотворенье «Ямбы» с подзаголовком «посвящается Тр...» – по нашему мнению, излишним, так как всякий и без того узнает оригинал по этим дышащим злостью строфам <...>

Недурно нарисован несколькими штрихами образ одного из «конституционных» товарищей русского великого визиера гр. Витте!..

С живым интересом будем следить за новыми произведениями неведомого поэта. Может быть, и в самом деле свободная Россия готова дать нам настоящего поэта, который сможет «с неведомою силою» выразить ее волнения, надежды, мысли и стремления, нарисует в жгучих картинах ее муки, заклеит неизгладимым проклятием отчуждения ее палачей и даст немеркнувшие образы ее борцов. Французская революция дала Андре Шенье. Не может быть, чтобы великая русская революция не дала своего поэта. Она даст его несомненно, и, конечно, он явится не из среды прогнившего декадентства с его воспеваньем противоестественных пороков, садизма, демонизма и прочей нечисти, благоуханно расцветшей в затхлой атмосфере рабства¹.

Высоко оценил появление в литературе незнакомого автора Л. Василевский, который в своей рецензии (подписана инициалами Л.В.) отмечал:

Мы, кажется, впервые встречаем имя г. Амари, – тем дороже нам найти в этом незнакомце черты истинной поэзии, высокого гражданского пафоса. Молодой и порывистый, автор подчас не умеет еще владеть словом, а буйно и весело отдается ему во власть, но в самой этой порывистости чувствуется дыхание кипящих сил и подлинных вдохновений. Поэзия г. Амари – родное дитя нашего великого мятущегося времени; русская революция вспоила и наполнила ее содержанием, но муза нашего поэта – слишком *настоящая* муза для того, чтобы революции можно было бы приписать *все* в его песнях: большим, ни с чем несравнимым было для него счастьем – родиться в такую кипучую многогранную эпоху, но и во всякую другую эпоху он *не* писать не мог бы².

Гораздо более сдержанно восприняли стихи Амари-Цетлина те, кто не принадлежал к революционному лагерю. Н.Е. Ярков (наст. фамилия: Поярков), с пониманием отнесясь к гражданскому темпераменту молодого стихотворца, тем не менее не скрывал того, что стихи далеки от совершенства:

Можно прекрасно объяснить появление за последнее время не в большом количестве сборников стихотворений вроде томика, принадлежащего перу г. Амари. Вполне естественно, что в наши дни кровавых репрессий и насилий над

---

¹ Мир Божий. 1906. № 4. С. 82–84.

² Образование. 1906. № 7. С. 89.

личностью в ответ вспыхивает желание стихом пригвоздить к позорному столбу героев реакции, звать к решительной борьбе за свободу, прославлять борцов, годововать... Но, к сожалению, в громадном большинстве стихотворений подобного рода на страницах толстых журналов, сатирических листков и отдельных сборников совсем нет даже намека на истинную поэзию. Искренние, честные граждане оказываются скверными поэтами, патетические восклицания их кажутся слабыми, серыми и скучными. Краткие газетные телеграммы в несколько строчек часто производят впечатление во много раз более сильное, чем пылкие стихотворения, где «свобода» рифмуется постоянно со словом «народа». Все, что поет Амари, давно уже, и все-таки лучше, хотя тоже плохо, было спето хотя бы П.Я.¹

Странная вещь. Мы, русские, до сих пор не имеем великого истинного поэта-гражданина, как Карлуччи и Петефи, или такого стихийного анархиста-мыслителя, как Верхарн. Не могу не отметить и того, что в дни подъема революционной энергии лучшие стихотворения на жгучие темы были написаны (о, ужас!) теми, кого все еще называют «декадентами», – Валерием Брюсовым, Ф. Сологубом, Бальмонтом.

Стихотворения Амари не проникнуты страстью и ненавистью, какие-то они тягучие и хилые. Автор верно обмолвился о своей поэзии:

И не вспыхну я, сгорая,
И сгорю, не зажигая,
На невидимом огне
(Борец)².

Все-таки общее критическое отношение к поэтическому дебюту Амари-Цетлина было скорее позитивным. В эту тенденцию органично вписалась пусть и скудная похвала В. Брюсова, который заметил, что «г. Амари (À Marie?) не лишен дарования». В его отзыве говорилось:

В маленькой книжке стихотворений 20, немногим больше, но у большинства из них есть свой лик. Жаль будет, если г. Амари перестанет совершенствоваться, бросит работать над собой и, довольствуясь умением слагать гладкие стихи, сделается заурядным стихотворцем на революционные темы³.

С. 7. **К солнцу свободы.** С. 3–4. МД: 108.

С. 8. **В Париже.** С. 5–7. Первая строка, возможно, ориентируется на русский перевод стихотворения В. Гюго: «На баррикаде, кровью

¹ Имеется в виду поэт и революционер-народник Петр Филиппович Якубович (1860–1911), подписывавший свои тексты криптонимом П.Я. (другие псевдонимы: Матвей Рамшев, Л. Мельшин, П.Ф. Гриневич и др.).

² Золотое руно. 1906. № 5. С. 91–92.

³ Весы. 1906. № 6. С. 70.

залитой...». *Июльских память и февральских дней* – речь идет об июльской революции 1830 г. и февральском восстании 1848 г. *Величьем поражающий народ!* – Ритмически и синтаксически фраза построена в подражание Н.А. Некрасову: «Я призван был воспеть твои страдания, Терпением изумляющий народ!» («Умру я скоро. Жалкое наследство...», 1867). *Из темных, грязных улиц Антуана* – имеется в виду парижское предместье Сент-Антуан, где располагалась Бастилия. *Люси Семплис Камилл Бенуа Демулен (Lucie-Simplice-Camille-Benoist Desmoulins; 1760–1794)*, один из лидеров Французской революции 1789–1793 гг. *И крик тот ~ взволнованной стихии* – намек на русскую революцию 1905 г.

С. 10. «**Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!..**» С. 8. МД: 109.

Morituri. С. 11–19. Цикл «Morituri» («Идущим на смерть; Мертвым») посвящен тем, кто отдал свои жизни революционной борьбе.

С. 10. I. «**Вы не хотели пить по капле...**». С. 11–12. МД: 110. *Привет тому, кто бурной влагой ~ щедро расплескал!* – Возможно, аллюзия на заключительные стихи пушкинского «Евгения Онегина»:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина <...>

С. 11. II. «**О, нежная, белая лилия...**». С. 13.

С. 12. III. **Б–у.** С. 14. Посвящено *Степану Валериановичу Балмашёву* (1882–1902), убитому 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Казнен в Шлиссельбургской крепости.

С. 12. IV. «**Раздался выстрел! Словно грянул гром...**» С. 15. МД: 111. Датировка стихотворения – 3 апреля 1902 г. – указывает на то, что оно написано на следующий день после убийства Д.С. Сипягина и, как и предыдущее, посвящено С.В. Балмашёву. Ср. в упомянутой в послесловии рецензии Л.В. (Л. Василевского), который, приводя это стихотворение, пишет об «общеизвестной дате» 3 апреля 1902 г. (Образование. 1906. № 7. С. 89).

С. 13. V. **Орел в плену.** С. 16–17. МД: 112–113. Посвящено, очевидно, одному из главных организаторов террористической Боевой организации *Григорию Андреевичу Гершуни* (1870–1908), который 13 мая 1903 г. был арестован под Киевом по возвращении из Уфы, где участвовал в акции против уфимского губернатора Н.М. Богдано-

вича. Закованного в цепи, Гершуни доставили в Петропавловскую крепость.

- С. 14. **VI. Памяти Народной Воли.** С. 18–19. МД: 114–115. *Александр Иванович Баранников* (1858–1885), участник революционно-освободительного движения, народоволец, член исполкома Народной воли. *Все, все они умерли!* – Вероятная аллюзия на стихотворение в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» (1879): «...и все они умерли... умерли...»
- С. 16. **Аист** (С венгерского). С. 20–23.
- С. 18. **Страх.** С. 24–25.
- С. 19. **«Проклятие вам, наступившим на грудь...».** С. 26–27.
- С. 21. **Борцу-рабочему.** С. 28–30 (в оглавлении к сборнику это стихотворение названо «Герою рабочему»). МД: 116–117. По всей видимости, именно это стихотворение посвящено рабочему-сапожнику, бундовцу *Гиришу Лекерту* (1879–1902), который в 1902 г. покушался на жизнь виленского губернатора фон-Вайля, что явилось ответом на распоряжение того выпороть участников первомайских демонстраций в Вильно, Минске и Витебске; по приговору военно-полевого суда Лекерт был повешен. Ср. в воспоминаниях В.М. Чернова «Перед бурей», который пишет о стихах Цетлина, посвященных Г. Лекерту (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 194).
- С. 22. **П.С. Поливанову.** С. 31. МД: 118. *Петр Сергеевич Поливанов* (1859–1903), народоволец, участник революционного движения. В 1882 г. за попытку освобождения из Саратовской тюрьмы политзаключенного М.Э. Новицкого был приговорен к смертной казни, замененной сначала Алексеевским рavelином, а затем Шлиссельбургской крепостью, в которой он находился 20 лет. После освобождения покончил с собой в Лозанне.
- С. 23. **Смерть невесты** (Из прошлого). С. 32–33.
- С. 24. **На смерть гражданина.** С. 34–35. МД: 119–120.
- С. 25. **Мир.** С. 36. Речь в стихотворении идет о завершении русско-японской войны (8 февраля 1904–27 июля 1905).
- С. 26. **Ямбы** (Посв. Тр....). С. 37–39. Стихотворение было включено во 2-е, переработанное и дополненное издание составленной П. Якубовичем художественно-исторической хрестоматии «Русская муза» (СПб., 1908); предваряя его, составитель писал:

Амари

Под этим псевдонимом вышел небольшой сборник стихов, имевший значительный успех. Но сколько-нибудь серьезной величины, по нашему мнению, новый поэт пока не представляет, и мы отметим лишь одно – приводимое ниже – стихотворение, написанное грубоватым, но сильным языком (С. 462).

Не исключено, что «навел» П. Якубовича на это стихотворение А. Богданович, который рецензировал дебютный сборник Амари-Цетлина в «Мире Божиим» и упомянул его в своей рецензии (см. в послесловии). Л. Василевский, напротив, отмечал «нехудожественность» этого «слишком длинного стихотворения» (Образование. 1906. № 7. С. 90).

Будучи поэтом классической традиции, Цетлин в «Заметках о Блоке», напечатанных парижскими «Последними новостями» в годовщину смерти поэта (1922. № 706. 6 августа. С. 2), рассуждал о ямбе как традиционном размере русской поэзии. За «ямбами» закрепилось значение обличительной политической сатиры, и именно в этом жанре написано данное стихотворение. Адресовано генералу Д.Ф. Трепову (1855–1906), сыну петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (1812–1889), главному усмирителю первой русской революции, автору обошедшего всю Россию и обессмертившего его изречения: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Назначенный 11 января 1905 г. петербургским генерал-губернатором, он с мая того же года совмещал эту должность с должностью товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и командующего Отдельным корпусом жандармов. ... *Одну из злых собак себе уж раз нашел* – намек на отца Д.Ф. Трепова. ... *На невзорвавшемся снаряде* – намек на несостоявшееся убийство Д.Ф. Трепова: в результате запланированного революционерами-террористами покушения 1 июля 1906 г. «на музыку» в Петергофском саду, где по ошибке был убит внешне похожий на него генерал-майор С.В. Козлов (совершивший теракт Васильев был казнен). Финал стихотворения («Как вдруг...») намекает на неожиданную смерть Д.Ф. Трепова 2 сентября 1906 г. от сердечной болезни.

С. 29. **Борец.** С. 40. Последние три строчки из этого стихотворения приведены в рецензии Н. Яркова как небезыроничная характеристика поэзии Амари-Цетлина в целом (см. послесловие).

С. 29. **«Я давно уже не был так счастлив, так светел...».** С. 41.

С. 30. **Памятник.** С. 42–45. *Близ улицы ~ памятник медный* – Памятник одному из видных деятелей Французской революции Жоржу Жаку

Дантону (1759–1794) располагается на бульваре Сен-Жермен (перед домом № 95; когда-то на этом месте находился дом, в котором жил Дантон); выполнен в 1891 г. скульптором Огюстом Пари из бронзы, а не из меди. *Инсurreкция* – восстание (от лат. *insurgectus*). *Дантона ж под нож гильотины послал ~ врагов* – После выдвижения на первые роли в ходе Французской революции – пост министра юстиции, первого председателя Комитета общественного спасения – Дантон (вместе со своими единомышленниками) был обвинен в государственном заговоре и казнен.

ЛИРИКА 1912

Вторая книга стихов Амари-Цетлина (À Marie) «Лирика» увидела свет в 1912 г. Париже (отпечатана в кооперативной типографии «Союз»; склад изд-ва «Наука»).

Рисунки вне текста к «Айседоре» принадлежат скульптору Э.А. Бурделю (Emile Antoine Bourdelle), Париж.

Фронтисписы и концовки художника А. Лота (André Lhote), Париж.

Заголовки и обложка художника И.С. Ефимова, Москва.

В обзоре поэзии за 1911–1912 гг. В. Брюсов отмечал, что

одно из наиболее благоприятных впечатлений производит сборник, автор которого скрылся под псевдонимом «À Marie». Он, видимо, учился по хорошим образцам, и в его книжке чувствуются отголоски Верхарна, Лерберга и многих других, у которых он сумел перенять многие приемы. В книге много красивых стихотворений:

Я люблю успокоенность тихого вечера,
Над рекою опаловость ласковых сумерек...

<М>ного интересных рифм и метких образов, но облик поэта не встает отчетливо и его мировоззрение как-то расплывается, кажется составленным из разнородных частей. Можно ждать, что оно еще определится в будущем¹...

---

¹ *Брюсов Валерий*. Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 г.) // Русская мысль. 1912. № 7. II отд. С. 23–24.

К моменту выхода сборника В. Брюсов вполне владел информацией, кто скрывается под псевдонимом «À Magie». В брюсовских бумагах сохранилось письмо к нему автора сборника из Парижа: судя по всему, готовя книгу «Лирика» к печати, Цетлин отправил на просмотр мэтру несколько избранных стихотворений, а быть может, и весь текстовый корпус целиком. В письме, датированном 22/4 февраля 1912 г., он отвечал на замечания Брюсова:

Милостивый Государь Валерий Яковлевич,

с радостью, гордостью и благодарностью читал я Ваше письмо, но об этом буду говорить подробней.

Со всеми Вашими замечаньями я согласен. «Певучей бездны стон» должно было означать шум моря, в которое опускается солнце¹.

«Запас красивых слов» мне нравится, но, к сожалению, не мог ничего придумать вместо:

«Но дивной правильности линий
Ввысь устремленные стволы».

Но Вы на этой поправке не настаиваете².

Если же еще когда-либо одобрите что-нибудь для печати, я был бы благодарен за всякое изменение или сокращение, сделанное Вашей рукой, и заранее на них согласен.

Прилагаю одно стихотворение для «Русской мысли» и был бы счастлив, если бы оно нашло Ваше одобрение. Построение его внушено «Фонариком»³.

Примите уверение в глубоком уважении и искренней преданности,

Мих. Цетлин⁴

В. Ходасевич в обзоре русской поэзии также уделил внимание книге стихов Амари:

---

¹ Имеется в виду последняя строфа из стихотворения «Звенит, звенит моя душа» (С. 7):

Вся напряженная звенит,
Как светлый звон сквозь сон,
Но надалек ее зенит
И солнце не на век пьянит, –
Там, где певучей бездны стон,
Там, в темных водах – сон.

² Несмотря на то, что Брюсов «не настаивал на поправке», стихотворения с такими строчками в сборнике Цетлина нет.

³ К письму было приложено стихотворение «Рим», которое в «Русской мысли» не печаталось. В мартовской книжке журнала за 1912 г. опубликованы два других стихотворения Цетлина (под псевдонимом Амари): «Цицерон» (С. 185) и «Пинчио» (С. 186).

⁴ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 107. Ед. хр. 21. Л. 1–2.

Сборник, озаглавленный: À Marie. Лирика – содержит в себе несколько бледные, но красивые стихи, написанные умело и порою своеобразно.

«Я твоя» – ты сказала мне.
Дай мне подумать:
Как смешно, и страшно, и радостно...

Вообще автору хорошо удаются мотивы лирические. У него есть хорошие описания. Говоря о любви, он умеет быть простым, искренним, но не банальным¹...

В отзыве Л. Андрусона на книгу стихов Амари говорилось:

À Marie, по-видимому, человек не без дарования, и можно надеяться, если только автор молод, что из области неопределенных и расплывчатых ощущений, навеянных по большей части не жизнью, а книгой, его лирика выйдет на широкую и вольную дорогу. Пока что – она чуть не вся состоит из перепевов и подражаний (Брюсову, Бальмонту, Блоку), но эти перепевы легки и звучны, и веритья, что À Marie суждено обрести когда-нибудь себя и что не вечно поэту рифмовать «кубок» и «красоту Бог», наблюдать, как «луна из серебряной лейки льет свой свет», и вслед Бальмонту выдумывать разные ненужные «лиричности» и «вечерности». К книжке приложено несколько прекрасных рисунков Бурделя на мотивы танцев Айседоры Дункан².

Вполне сочувственно отозвался на цетлинский сборник С. Кречетов:

Неизвестный автор, человек сложной и утонченной души, любит стих и с настоящим благоговением честного художника относится к своей работе.

И стих повинуется ему, гибко и покорно принимая самые различные формы. С удовольствием отмечаю, что лексикон неизвестного автора очень богат, что затрепаных шаблонов в книге почти не встретишь, и даже в тех местах, где автор явно находится под влиянием других поэтов (нередко влияние Бальмонта и Кузмина), через навеянное ими все же сквозит что-то своеобразное. Мне думается, автор стоит на верной дороге и у него есть будущее.

<...>

Пленителен отдел интимных стихотворений «Радость», хотя и сделаны они несколько слишком в духе Кузмина.

«Мария», которой посвящена книга неведомого лирика, может гордиться этим даром... Однако же автору подобало быть строже в выборе стихов при

¹ Ходасевич Владислав. Русская поэзия: (Обзор) // Альциона. Кн. 1. М., 1914. С. 212.

² Новая жизнь. 1912. № 5. С. 272.

составлении книги. Немало повторительности. Книга снабжена неплохими рисунками французского художника А. Лота¹.

Сугубо положительным был анонимный отзыв, напечатанный в иллюстративном приложении к газете «Голос Москвы»:

Стихи À Marie, кажется, только первые, еще неокрепшие шаги, но в них уже чувствуется аристократическая мягкость поступи; легкость, непринужденность ее музыки порою удивительно сильно радует слух.

Хороша и эта свойственная этим стихам «душевная тишь», та тишь, которая делает душу так похожей на глубокое, застывшее озеро; и как тут только сверкающая рябь на поверхности говорит, что озеро в своей глубине волнуется, так и тихая душа умеет говорить «сверкающими» словами, словами-искрами.

À Marie любит слово не само по себе, а любит слова потому, что они – вспыхивающие искры, зажигающие и освещающие душу².

ВСТУПЛЕНИЕ

С. 35. «Снова, как складки покрыва, свивается...» С. 5. 2-я строфа включена в МД: 11.

С. 35. «У деревьев весной кору надрежь...» С. 6. МД: 12. Образ надрезаемой древесной коры повторяется в стихотворении Амари «Далёко, одна на кладбище, лежишь ты...» (сб. «Глухие слова»).

С. 36. «Звонит, звонит моя душа...» С. 7. МД: 13. По поводу предпоследней строчки – «Там, где певучей бездны стон» – см. в письме Цетлина Брюсову от 4/22 февраля 1912 г. (приведено выше, в послесловии).

С. 37. У Венеры Милосской. С. 8–9. Скульптура *Венеры Милосской* (Афродиты с острова Милос), созданная приблизительно между 130 и 100 гг. до н.э. (скульптор Агесандр или Александрос); находится в Лувре. *Генрих Гейне* (1797–1856), немецкий поэт; с 1831 г. до конца дней жил как политический эмигрант во Франции. *Голову откинув на потертый ~ ясной белизной* – В строфе воспроизведен фрагмент из рассказа Г.И. Успенского «Выпрямила» (1885), ведущегося от 1-го лица: герой рассказа, сельский учитель Тяпушкин, приехав в Париж и посетив Лувр, узнает от сторожа, «толкователя луврских чудес», «что вот на этом узеньком диванчике, обитом красным бархатом, при-

¹ Утро России. 1912. № 120. 25 мая. С. 5.

² Иллюстрированное обозрение, приложение к газете: Голос Москвы. 1912. № 151. 1 (14) июля. С. 6.

ходил сидеть Гейне, что здесь он сидел по целым часам и плакал...». *И другой пришелец издалека ~ безумца не спасла* – Речь идет о самом писателе Глебе Ивановиче Успенском (1843–1902), окончившем свои дни тяжелой душевной болезнью.

С. 38. **«О, желтенькая птичка канарейка...»** С. 10–11. МД: 15 – под заглавием «Искусство» и с несколько измененной последней строфой:

И я сравню искусство с тем цветком,
И с той немудрой желтенькою птичкой,
Что украшает низенький наш дом
И нарушает скудость и привычку.

С. 39. **Вдохновенье.** С. 12.

С. 39. **«Золотую кудель еще ткут веретенца...»** С. 13. *Солнце-сердце* – Название раздела в книге стихотворений Вяч. Иванова «Сог Арденс» (1911). *Largo* – обозначение темпа и характера в музыке.

С. 40. **«О, дай мне, Боже, сил и времени...»** С. 14. МД: 16. Это стихотворение – как пример авторской удачи – приведено в рецензии С. Кречетова в «Утре России» (1912. № 120. 26 мая. С. 5).

БЛАЖЕННЫХ СНОВ ИСПУГ

I. Блаженных снов испуг

С. 41. **«Пришла ко мне, мой светлый друг...»** С. 17. МД: 19.

С. 41. **«В моей душе живет великое...»** С. 18.

С. 41. **«Тебе, душа, со мной сплетенная...»** С. 19.

С. 42. **«О, это гордое одушевление!...»** С. 20.

С. 42. **О счастье.** С. 21–22.

С. 43. **Сон.** С. 23–24.

С. 45. **Март.** С. 25–26.

С. 46. **В дороге.** С. 27. Впервые, без последней строфы и с некоторыми отличиями, в журнале «Новая жизнь» (1911. № 3. Февраль. С. 5). С некоторыми разночтениями вошло в МД: 22.

С. 46. **«...Я чувствую утром еще полусонный...»** С. 28.

- С. 47. «**Знойный день догорал, догорал...**» С. 29–30.
- С. 48. «**Друг мой...**» С. 31–32. *Поверить ли странным словам / О Вечном Возвращении* – Речь идет о теории «вечного возвращения» Ницше.

II. Радость

- С. 49. «**В первый раз я взглянул на тебя...**» С. 33. МД: 76.
- С. 49. «**Скучно светит мне солнце...**» С. 34. МД: 76 – с несколько измененной редакцией следующего стихового фрагмента:
- И глаза мои светятся,
Как свечи, две свечи...
- С. 50. «**Я хочу любоваться тобою без слов...**» С. 35–36. С рядом различий вошло в МД: 76–77.
- С. 51. «**Я возьму твои руки...**» С. 37. МД: 77.
- С. 51. «**Я люблю тебя, слышишь...**» С. 38. МД: 78.
- С. 52. «**Ночь...**» С. 39. МД: 78–79.
- С. 52. «**“Радость моя”...**» С. 40. МД: 79.
- С. 53. «**Мы сидим вдвоем...**» С. 41–42. С некоторыми изменениями вошло в МД: 79–80.
- С. 54. «**“Я твоя” – ты сказала мне...**» С. 43. С некоторыми изменениями вошло в МД: 80.
- С. 54. «**Когда ты уходишь...**» С. 44. МД: 81.
- С. 55. «**Когда ты уходишь...**» С. 45. МД: 81. В стихотворении «Я хочу любоваться тобою без слов...» с наполняющими комнату «порхающими бабочками» сравниваются слова возлюбленной.
- С. 55. «**Отдохни, моя милая...**» С. 46. МД: 81–82.
- С. 55. «**Дождь, дождь...**» С. 47. С некоторыми изменениями вошло в МД: 82.
- С. 56. «**Я ехал к тебе на пароходе...**» С. 48–49. МД: 82–83.

III. Боль

- С. 57. **Расставанье**. С. 50–51.
- С. 58. **«Безнадежность глядела мне в очи...»** С. 52.
- С. 58. **I. «Особым знаком отмечает кровь...»** С. 53.
- С. 58. **II. «Так легко, легко и просто...»** С. 54.
- С. 59. **«В мире прочного нет ничего...»** С. 55.
- С. 60. **«Тяжело идти, тяжело идти...»** С. 56.
- С. 60. **«Испил ты эту чашу до конца...»** С. 57.
- С. 61. **«С средней долей не могу я примириться...»** С. 58.
- С. 61. **«Скоро, скоро, скоро...»** С. 59.
- С. 62. **«Ты сегодня сладостно прекрасна...»** С. 60.
- С. 62. **«Я покоряюсь: горький случай прав...»** С. 61.
- С. 63. **«О, бедный друг мой милый...»** С. 62.
- С. 64. **«Всем уставшим легче было прежде...»** С. 63–64. Бенедиктинское аббатство Сен-Вандрил (иначе аббатство Фонтеней), основанное в VII в., находится на севере Франции в Нормандии.
- С. 65. **Вечер**. С. 65.

РАЗНЫЕ

I. Море

- С. 66. **«Холодный ветер в лицо нам веет...»** С. 69. МД: 20.
- С. 66. **Кубок вод**. С. 70. В стихотворении слышатся аллюзии на известный сюжет о Поликрате, что впоследствии воплотится у Амари-Цетлина в стихотворение «Поликрат» (см. МД: 97).
- С. 67. **Утро**. С. 71.
- С. 67. **Волны**. С. 72–73. МД: 20–21.
- С. 69. **«Море ночное бьется волною...»** С. 74.
- С. 69. **«Даль моря синее безгранная...»** С. 75.
- С. 70. **Эллада**. С. 76–78.

II. Разные

С. 71. «Благословлял я желчь, полынь и омег...» С. 79.

С. 71. Тебе. С. 80. МД: 47.

С. 71. «Ты светлый дух, чьи крылья белые...» С. 81.

С. 72. «Вечерами весенними долго она...» С. 82.

С. 73. Старая дева. С. 83. МД: 18.

С. 73. Роденбах. С. 84. *Жорж Роденбах* (1855–1898), бельгийский прозаик, поэт.

С. 74. «Огненный ангел» Валерия Брюсова. С. 85. Исторический роман *В. Брюсова «Огненный ангел»* печатался в журнале «Весы» в 1907–1908 гг.; отдельное издание (ч. 1–2) вышло в 1908 г.; 2-е изд., с дополнительными примечаниями – в 1909 г. В романе, построенном как рассказ от первого лица, изображена средневековая Германия XVI в.

С. 74. «Вдали закат мерцает...» С. 86.

С. 75. В безвременье. С. 87.

С. 76. «Он ушел на утренней заре...» С. 88. МД: 17.

С. 76. «Верю в светлого ангела...» С. 89.

С. 77. «Меня ты спрашиваешь, отчего...» С. 90–91.

Танцы:

С. 78. 1. Венгерка. С. 92.

С. 79. 2. Вальс. С. 93.

С. 79. 3. Полька. С. 94.

С. 80. 4. Па д'эспань. С. 95–97.

С. 82. «Вечерние улицы жутки...» С. 98.

С. 82. В Швейцарии. С. 99. В МД: 75 – в составе цикла «Путевые акварели», под названием «В Альпах».

С. 83. Флоренция. С. 100. В МД: 71 – в составе цикла «Путевые акварели». *Галерея Уффици* (Galleria degli Uffizi, букв.: «галерея канцелярий», *итал.*) – дворец во Флоренции, построенный в 1560–1581 гг.

и ныне являющийся одним из самых крупных и знаменитых музеев европейского изобразительного искусства. *Арно* – река, на берегах которой располагается Флоренция. *Умбрия* – регион в Италии (административный центр – г. Перуджа).

III. ПЕРЕВОДЫ

- С. 84. **Музыка** (Шелли). С. 101–102.
С. 85. **Гребец** (*Le passeur d'eau*) (Верхарн). С. 103–105.
С. 87. **Чайльд-Гарольд** (На смерть Байрона) (Гейне). С. 106.

IV. ПИЦЦИАТО¹

- С. 87. **Анемоны**. С. 107.
С. 88. «**Твои глаза так пепельно-серы...**» С. 108.
С. 88. «**Милый ангел, ты слишком добра...**» С. 109.
С. 89. **Pizzicato при луне**. С. 110–111.
С. 90. **Première communion**. С. 112–113. *Première communion* – первое причастие (*франц.*).
С. 92. **Айседора** <поэма> С. 117.

Айседора (урожд. Дора Анжела) *Дункан* (*Duncan*) (1877–1927), всемирно известная танцовщица, первый раз посетила Россию зимой 1904/05 г. (впоследствии она еще дважды гастролировала в дореволюционной России – в 1908 и в 1913 гг.). Первое представление знаменитой «босоножки» (выступления без обуви, связанные с именем Дункан, стали новшеством в мире хореографии), почти целиком состоявшее из танцев на музыку Шопена, проходило в зале петербургского Дворянского собрания 13 декабря (ст. стиля). Второе, под названием «*Dances Idylls*»,

¹ Правильно: *pizzicato* (*итал.*) – прием игры на смычковых струнных инструментах, когда звук извлекается не смычком, а щипком струны, отчего он делается отрывистым и звучит более тихо и глуше. Этим же термином обозначают музыкальные произведения, исполняемые с помощью этого приема. Вероятно, отсюда ведет свое начало название следующего сборника Амари – «Глухие слова» (1916).

там же – 16 декабря (после этого Дункан повторила свои представления в Москве: 24 января – в Большом зале Консерватории (танцы на музыку Шопена), 27 января (там же) – «Dances Idylls» и дважды, 31 января и 3 февраля, в театре Г.Г. Солодовникова).

Образ Дункан удостоился поэтического воплощения, однако чаще в жанре эпиграммы. Известный журналист, возглавлявший петербургский отдел одной из самых влиятельных российских газет – «Русское слово», – А.В. Руманов, пародируя Пушкина, сочинил такую эпиграмму на Дункан:

Ногами легкими, как сон,
Ногами, чуждыми кальсон,
Молясь за грешный мир, Дункан
Танцует девственный канкан¹.

Другая эпиграмма на выступления «босоножки», под названием «Маленький диалог», принадлежала Тэффи:

– Мисс Дункан! К чему босячить,
Раз придумано трико?
Голой пяткой озадачить
Нашу публику легко!
– Резкий тон вы не смягчите ли,
Коль скажу вам à mon tour:
Танцевальный мой учитель
Шопенгауэр был Артур.
– Мисс Дункан! За вас обидно!
Говорю вам не в укор –
Шопенгауэр очевидно
Был прескверный канканер²!

Не сохранилось никаких свидетельств, присутствовал ли Цетлин на выступлениях Дункан, однако, судя по всему, он хорошо был знаком с ее искусством, в противном случае вряд ли его поэма оказалась бы пронизанной столь интимной связью («Какая-то таинственная связь / Во мне возникла...») между судьбой еврейского мальчика и экстатическим танцем «босоножки», который служит своего рода поэтическим символом этой судьбы.

Как набожный еврей ~ Саббат встретит – Семисвечник (menorah – досл.: светильник, *иврит*) – золотой семиствольный светильник

¹ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 16.

² Биржевые ведомости. 1904. № 657. 19 декабря. С. 2.

(семисвечник), один из сакральных символов иудаизма и еврейских религиозных атрибутов. По еврейской традиции, принято встречать субботу (саббат, шабат), которая наступает накануне вечером, зажиганием свечей (обычно это делает хозяйка дома, но в ее отсутствии – мужчина), ср. стихотворение Амари-Цетлина «Семисвечник», которое печатается в разделе «Стихи, не вошедшие в опубликованные сборники». *Малхамовэс* (малхамовес) – ангел смерти (*ашкеназский иврит*) – распространенное в еврейской среде определение, несущее в себе обычно негативно-ругательный смысл, ср., напр., стихотворение И. Сельвинского «Мотькэ-малхамовес» (1923), главным героем которого является одесский вор. *Большое шэминэсрэ* – искаженное: *шмонеэсрэ* – одна из основных ежедневных молитв евреев (иначе: «амида» от слова «ляамод» – «стоять»; молитва произносится стоя); является основной молитвой каждой из читаемых в течение дня трех обязательных служб («большое шмонеэсрэ»); первоначально состояла из 18 благословений (отсюда ее название, означающее «восемнадцать»), позднее добавилось еще одно; молитва читается про себя (при коллективном молении повторяется вслух лицом, ведущим службу); нередко упоминается в произведениях писателей-евреев: см., напр., финал драмы В. Жаботинского «Чужбина» (1908), рассказ М. Слонимского «Дикий» (1921), поэму М. Ройзмана «Кол Нидрей» (1923), колоритную картину того, что во время этой молитвы еврею нельзя шевелиться, рисует Ш. Аш в повести «Городок» (1907). *Маца* (в русской традиции: опреснок) – лепешка из теста, не прошедшего ферментацию; единственный вид хлеба, разрешенный к употреблению в течение еврейской пасхальной недели. *И мальчик нараснев ~ эта ночь* – По обычаю, во время пасхального седера (вечерней трапезы) самый младший из детей спрашивает отца или кого-то из старших: «Ма ништана а-лайла а-зе?» (Чем эта ночь отличается от других ночей, т.е. почему она так знаменита?), и получает ответ, что в эту ночь евреи вышли из египетского плена.

ГЛУХИЕ СЛОВА

1916

Третий сборник стихов Амари-Цетлина «Глухие слова (Стихи 1912–1913 г.)» вышел в 1916 г., но не в Париже, где в это время жил Цетлин, а в Москве (в товариществе скоропечатников А.А. Левенсон). Книгу выпустило частное издательство «Зерна», принадлежавшее са-

тому Цетлину¹, который в данном случае выступил издателем своих собственных стихов.

Сборник «Глухие слова» посвящен М<арии> С<амойловне> Ц<етлин>².

Новая книга стихов Амари-Цетина была встречена критикой в целом менее сочувственно, нежели предыдущая. Правда, вполне ободряюще прозвучал отзыв Ю. Айхенвальда в «Литературных набросках», в котором говорилось:

<...> Особый тембр в книжке Амари, и автор метко назвал ее «Глухими словами». Не может быть звонкой элегии, а подлинная элегичность отличает эти строки, заражающие своим лиризмом. В них рассказана душа (это не часто бывает в современной поэзии), – душа, вероятно, уже не молодая, и лег на нее свет вечерний, и недаром в переводных стихотворениях откликается она меланхолику Гельдерлину. Амари – не вполне, не совсем поэт; он знает это, он чувствует «боль невоплощения», – но и «коснувшись едва», все-таки оставило на его устах «волненье вдохновенья» несколько мелодичных и грустных слов, и он сумел их красиво произнести. Он – скиталец, может быть, невольный, эмигрант; ему неуютно в мире, «на твердой и земной земле», и нет пристанища для скитальцев «по холодным вокзалам вселенной». Обрывается уже «лет бесцветная нить» и «унылый, бескрылый дух мой никнет к земле, ищет твердой опоры, ищет темной поры, ... чтобы жить, чтобы плакать, чтоб иметь свой ночлег и в осеннюю слякоть, и в спящий снег». Тяжелы воспоминания непоправимых ошибок; но все дальше уходит прошлое и никогда не придет будущее; все темнее и полноводнее струятся реки забвенья, и «вот когда и меня унесут эти воды, не будет свиданья, не будет бессмертья, не будет свободы». «Жизнь – скучные стихи, твердые без чувства наизусть», и сердце хочет, но не умеет молитвы: «О, сердец и душ рыбарь, ты ж когда расставишь сети? Затрепещутся ль как встарь, божьи рыбки, – видишь эти истомленные сердца?» Усталую, безрадостную, нетворческую душу тянет, однако, на родину, под «неяркое русское небо», домой, домой; и хочется увидеть московский монастырь, где схоронен во многом родственник автору Чехов, так повлиявший на него «хрустальной музыкой чеховских слов», – не о нем ли художественно говорит Амари: «Как исследил сердца людские, ты, нежный, тихий человек, всепроникавшим взором Вия, не подымая грустных век?» И ответственной смертью завершится печальная повесть жизни:

Не знаю, как она придет,
В ночной ли тьме, в дневном ли блеске;

¹ Об издательстве «Зерна» см. в послесловии.

² В экземпляре из библиотеки Цетлиных, хранящемся в Национальной библиотеке Израиля (Иерусалим), на книге имеется авторская надпись и расшифровка, сделанная рукой М.С. Цетлин: «М<илой> М<аше> с б<ольшой> л<юбовью> б<есконечно> п<реданный> ей М<иша>. 28 мая 1916».

Не с легким ветром ли впорхнет,
Чуть шевельнувши занавески;
От книги глаз не подыму,
Ее почуя за спиною,
Но вздрогну, вспомню и пойму
И медленно сухой рукою
Глаза усталые закрою...

«Глухие слова» Амари, такие искренние, такие скорбные, такие струнные, достойны войти и своей нотой в элегическую музыку нашей лирики, в меланхолию русской поэзии¹...

Однако на фоне революционного подъема и мажора первого сборника Амари «Глухие слова» воспринимались как явление упадническое как по настроению, так и по содержанию. Именно этот – сравнительный – взгляд превалировал в отзыве другого рецензента, Г. Вяткина, который находил в новой книжке отступление от творческих позиций, занятых автором в его первом сборнике:

Поэт, пишущий под псевдонимом Амари, начал свою литературную карьеру в бурный период 1904–1905 гг., начал, нужно сказать, блестяще. Стихи его, преимущественно гражданские, отличались экспрессией, дышали силой и гневом и не однажды с успехом читались с эстрады.

Прошел общественный подъем – завяла и муза Амари. Говорю: «завяла», потому что не хотелось бы сказать: «умерла». Последняя книга его так и называется – «Глухие слова». Автор сознает свою тяжкую усталость, свое творческое бессилие. Все стихи этой книги овеяны тоской, унынием, это отразилось и на их форме – расплывчатой, неуверенной. Есть, однако, в этой печальной, искренней книге одна прекрасная обнадеживающая строфа, которой я и закончу свою заметку:

Говорить придет еще время:
Нужно только слушать, таясь,
Прорастает ли светлое семя,
И носить, как женщинам бремя,
С чем-то тайным темную связь².

Примерно о том же шла речь в неопубликованной рецензии К. Липскерова:

Амари <...> сам ясно сознает свое «чахнувшее искусство», и несколько примиряет с его книгой то, что к его постоянным жалобам на скуку, на свое

¹ Речь. 1916. № 112. 25 апреля. С. 2.

² Ежемесячный журнал. 1916. № 7/8. С. 358.

равнодушие, на отсутствие «творческой боли» вполне подходит форма его стиха, беспомощная, может быть, преднамеренно¹.

С. 99. «**Меня коснувшись едва...**» С. 5. Впервые: Современный мир. 1913. № 3. С. 67; последний стих в первопубликации: «И вот исчез, невнятный лик». С некоторыми разночтениями вошло в МД: 26.

С. 99. «**Одна звезда упала...**» С. 6. МД: 27.

С. 100. «**У заката сегодня краски роз...**» С. 7. МД: 34.

С. 100. «**Ты радость вешняя, ты цвет и прелесть мира...**» С. 8. МД: 106. *Мария Аркадьевна Беневская* (1882–1942), член Боевой организации. Верующая христианка, состояла в переписке с Л.Н. Толстым. В первом браке была замужем за «боевиком» Б. Моисеенко. По всей видимости, ее имел в виду А. Ремизов, когда, замечая, что «в каждом городе в своем кругу есть своя “первая красавица”», писал, что в Петербурге в 1905 г. это были Тумаркина и Беневская (*Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Paris: LEV, 1981. С. 16*). Входила в группу террористов, занимавшихся подготовкой взрывчатых веществ и разрывных снарядов, которой руководил Л.И. Зильберберг, выданный Азефом и 16 июля 1907 г. повешенный под именем Владимира Штифаря. 15 апреля 1906 г. при подготовке бомбы взорвался запал, и Беневская лишилась кисти левой руки и нескольких пальцев на правой. Похоже, что стихотворение Цетлина связано с этим трагическим происшествием.

С. 100. «**Смотрю в туманный день осенний...**» С. 9. МД: 28.

С. 101. «**В утро туманное и раннее...**» С. 10. В МД: 37 стихотворение представлено в переработанном виде:

В тяжелой скуке ожидая,
На темном и сыром вокзале,
Без раздраженья, без страданья
В холодной мгле, в унылом зале
Слова прощенья и прощанья
Вы сухо, как урок, сказали:
«Что это и мое желанье
И что иначе не могли Вы»...
Не Вас я слушал (знал все ранее!)
Но где-то болью расставанья
Свистящие локомотивы.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1737. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 9.

- С. 101. **«Не связанный в жизни ничем...»** С. 11. МД: 32 (без посвящения). Очевидно, стихотворение посвящено *Вере Ивановне Рудневой* (с типографской опечаткой в инициале отчества: М. вместо И.), жене общественно-политического деятеля, члена партии эсеров, публициста и редактора, друга Цетлина Вадима Викторовича Руднева (1879–1940).
- С. 102. **«В летние ночи плохо спится...»** С. 12. С некоторыми разночтениями вошло в МД: 38.
- С. 102. **«Мало творческой боли...»** С. 13–14. МД: 33.
- С. 103. **«Выше пышных курений, курений заката...»** С. 15. МД: 35.
- С. 103. **«Хрустальная музыка чеховских слов...»** С. 16. Включено в МД: 36 – без первого двустишия, как 2-я часть цикла «Чехову». *И увидеть московский монастырь* – А.П. Чехов похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.
- С. 104. **«Как исследил сердца людские...»** С. 17. В МД: 36 – как 1-я часть цикла «Чехову». В цитировавшейся выше рецензии Ю. Айхенвальд (см. вступ. заметку) высказал правдоподобную догадку-предположение, что под «нежным, тихим человеком» подразумевается А.П. Чехов.
- С. 104. **«О, неумчивое сердце...»** С. 18.
- С. 104. **«Далёко, одна на кладбище, лежишь ты...»** С. 19–21. В МД: 39–40 – без 2-й строфы и с некоторыми разночтениями. *Ведь если надрежем ~ зарастает бесследно* – Ср. со стихотворением Амари «У деревьев весной кору надрежь...» (сб. «Лирика»).
- С. 105. **«Сердце гонит усталую кровь...»** С. 22.
- С. 106. **«Как дымно дышат дали...»** С. 23. МД: 107. *Роза Исидоровна Гавронская* (урожд. Шабад), жена двоюродного брата Цетлина Якова Осиповича Гавронского (1878–1948). Во время Второй мировой войны погибла в виленском гетто.
- С. 106. **«Чуть теплится огонь...»** С. 24.
- С. 107. **«В темной жизни божества...»** С. 25. Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 16. МД: 30.
- С. 107. **«Кто, Строгий, спросит отчета...»** С. 26.
- С. 107. **«Не настало время молиться...»** С. 27. Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 13 – без посвящения. В МД: 29 – без посвящения и в несколько иной редакции:

Не пришло еще время молиться,
Нет в душе и слов для молитв!
Наша участь – в себя углубиться,
И безропотно ждать и томиться,
Как в предчувствии бурь и битв!

Говорить не пришло еще время,
Наше время слушать, таясь,
Прорастает ли Божье семя?
И носить, как женщинам бремя,
С чем-то тайным темную связь.

Стихотворение посвящено *Раисе Исидоровне Фондаминской*, родной сестре И.И. Фондаминского. В послесловии уже говорилось о том, что первая буква ее имени «Р» вошла в состав псевдонима Амари. Рецензировавший «Глухие слова» Г. Вяткин привел вторую строфу в качестве «печальной» и «обнадеживающей» (Ежемесячный журнал. 1916. № 7/8. С. 358).

С. 108. **«Все течет, как вода между пальцев...»** С. 28.

С. 108. **«Стал кровавой отравой...»** С. 29.

С. 108. **«Вновь отогретая земля...»** С. 30.

С. 109. **«Не знаю, как она придет...»** С. 31. Впервые: Современный мир. 1912. № 7. С. 146; здесь стихотворение имело иную редакцию:

Не знаю, как она придет:
В ночной ли тьме, в дневном ли блеске,
Быть может, с ветерком впорхнет,
Чуть шевельнувши занавески,
И встанет тихо за спиной,
Я оглянусь – и вот в испуге
Увижу образ неземной
Моей сияющей подруги.

Не знаю, как ее приму:
Со смехом счастья, с воплем муки,
Иль просто тихо я возьму
Ее нетрепетные руки?
И будет слышно в тишине
В тот миг заветного свершенья,
Когда она придет ко мне,
Лишь сердца тяжкое биенье.

С некоторыми разночтениями вошло в МД: 41.

- С. 109. «Ах, жизнь была разнообразной...» С. 32.
- С. 110. «В мире простом, со всеми в мире...» С. 33.
- С. 110. «На день в вагоне жизнь кажется мне сегодня похожей...» С. 34.
- С. 110. «Дождь, затихая, еле-еле...» С. 35.

ПЕРЕВОДЫ

Из Гельдерлина (1770–1843).

- С. 111. I. **К Паркам** <«An die Parzen»>. С. 39. В названии стихотворения допущена типографская опечатка: написано «К Паркали». *Парки* (лат. parcae) – в древнеримской мифологии три богини судьбы: Нона прядет нить человеческой жизни; Децима наматывает кудель на веретено, распределяя судьбы; Морта перерезает нить человеческой жизни.
- С. 112. II. «**Душа приятное в сей жизни уж вкусила...**» С. 40.
- С. 112. III. «**Увесили вы берег...**» С. 41. <«Hälfte des Lebens» – Середина (половина) жизни>.
- С. 112. IV. **Вечерняя фантазия**. С. 42–43. <«Abendphantasie»>.
- С. 113. V. **Прощанье (Диотиме)**. С. 44–45.
- С. 114. VI. «**В молодые годы был я так утру рад...**» С. 46. <«Ehmals und Jetzt»>.

ПРОЗРАЧНЫЕ ТЕНИ. ОБРАЗЫ 1920

Четвертый сборник стихов Мих. Цетлина (Амари) (именно так значилось на обложке) «Прозрачные тени. Образы» вышел в книгоиздательстве «Зерна» (на обложке: Париж – Москва) в 1920 г. Его художественное оформление – обложка, заглавный лист, фронтиспис, заглавные буквы, концовки и заголовки – было выполнено по рисункам Н. Гончаровой (о ее дружбе с семьей Цетлиных говорилось в послесловии).

Напечатан тиражом в 1000 экз. на бумаге Vergé d'Arche, пронумерованных от 151 до 1150 и в 150 экз. на Vieux Chine от 1 до 150.

Сборник имеет посвящение: «Посвящается моей матери».

- С. 117. **«Благословляю малый дар...»** С. 9. Впервые: Грядущая Россия. 1920. Кн. 2. Февраль. С. 59. МД: 10. Стихотворение включено в антологию зарубежной поэзии «Якорь» (Берлин: Петрополис, 1935. С. 46–47).
- С. 117. **«О чем-то светлом все еще мне снится...»** С. 10. Впервые: Грядущая Россия. 1920. Кн. 2. Февраль. С. 59–60. МД: 10. Стихотворение включено в антологию зарубежной поэзии «Якорь» (Берлин: Петрополис, 1935. С. 47).
- С. 117. **«Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать...»** С. 11. Впервые: Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 15–16.
- С. 118. **«Мы в пуховом уюте гнезд...»** С. 12. Впервые: Грядущая Россия. 1920. Кн. 2. Февраль. С. 60. МД: 46 (с опечаткой в инициалах лицу, которому посвящено стихотворение: В.Н. Толстой; ошибка закреплена также в комментариях к МД: 150). *Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая* (урожд. Крандиевская; 1888–1963), поэтесса, во втором браке жена А.Н. Толстого (1915–1935 гг.). Об отношениях между семьями Толстых и Цетлиных см. в послесловии. *«И бездна нам обнажена»* – эпиграф из стихотворения Ф.И. Тютчева «День и ночь» (1839).
- С. 119. **«За стеною я слышу чтение...»** С. 13. МД: 31.
- С. 119. **«Ты спишь неслышно рядом...»** С. 14.
- С. 120. **Ожерелье.** С. 15. *Стразы* (от нем. Strass, по имени изобретателя, стеклоара и ювелира конца XVIII века Г. Штрасса) – поддельные драгоценные камни, изготовленные из стекла.
- С. 120. **«Я не знаю, играет ли сладостный хмель...»** С. 16.
- С. 120. **Гроза.** С. 17.
- С. 121. **Закат.** С. 18.
- С. 121. **Рондель.** С. 19. МД: 24. *Рондель* (франц. rondel от rond – круг) – твердая стихотворная форма, популярная в средневековой французской поэзии; обычно состоит из 13 стихов в трех строфах с определенным способом рифмовки.

- С. 122. **К книге «Рондо ронделей».** С. 20. МД: 23. Стихотворение представляет собой подражание-стилизацию последней строфе в книге стихотворений английского поэта, драматурга и критика Алджернона Чарлза Суинберна (Swinburne; 1837–1909) «A Century of Roundels» (1883) (Век ронделей). Эпиграфом – «Fly, white butterflies» (Летите, белые бабочки) – взято начальное полустишие из этой строфы.
- С. 122. **«Не все ли равно мне, где жить и томиться...»** С. 21–22. В виде первых трех строф включено в кн.: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю. Иваск. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. С. 14. Без двух строф, 3-й и 4-й, и некоторыми незначительными разночтениями вошло в МД: 43.
- С. 124. **Возвращение.** С. 23. С некоторыми разночтениями вошло в МД: 44.
- С. 124. **«Не в светлый год, а в скорбный год...»** С. 24–25. С некоторыми разночтениями вошло в МД: 44–45. *Илья Исидорович Фондаминский* (1880–1942), политический и общественный деятель, член ЦК партии эсеров, ближайший друг Цетлина.
- С. 125. **«И вот опять, вот опять мы здесь, в Москве, с тобой...»** С. 26. МД: 43–44.
- С. 126. **«О, что здесь есть, кроме усталости?..»** С. 27. Включено в кн.: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю. Иваск. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. С. 14.
- С. 126. **Ночные тени.** С. 28–29.
- С. 127. **Перед отплытием.** С. 30.
- В Японии.** Цикл сложился после того, как Цетлины, возвращаясь в Россию из Франции после Февральской революции, пределали кружной путь – через Америку и Японию.
- С. 128. I. **Рисовые поля.** С. 31. В МД: 73 – в составе цикла «Путевые акварели».
- С. 129. II. **Токио.** С. 32. В МД: 74 – в составе цикла «Путевые акварели».
- С. 129. III. **Сайонара.** С. 33–34. В МД: 73 – без посвящения, в составе цикла «Путевые акварели». *Вера Михайловна Инбер* (1890–1972), прозаик, поэтесса. Инбер посещала литературный салон, который был открыт в доме Цетлиных по их возвращении в Москву после

Февральской революции. В своих воспоминаниях об А.Н. Толстом, которые печатались в советское время, когда имена «белых эмигрантов» Цетлиных произносить было небезопасно, В. Инбер рассказывает о запомнившейся ей чтении автором повести «День Петра» в якобы «незапомнившемся» месте (хотя из контекста это место было легко выводимо):

То ли на Трубниковском переулке, в одном из последних литературных салонов дореволюционной Москвы. В этом доме сам хозяин – поэт. Он пишет лирические стихи и издает их с посвящением жене. Настоящая хозяйка здесь именно она, дочь миллионера, владельца чайных плантаций¹. Это широкая в кости, с уверенными движениями женщина, меценатка, покровительница муз (Воспоминания об А.Н. Толстом. М.: Советский писатель, 1973. С. 139.).

- С. 130. «**О, стихи, вы никому не нужны!**» С. 35. МД: 14 (по ошибке указано, что первоначально появилось в сборнике «Лирика»).

ОБРАЗЫ

- С. 131. **Сезанн**. С. 39–40. Без посвящения и без предпоследней строки включено в МД: 60–61. *Поль Сезанн* (Paul Cézanne; 1839–1906), французский художник-постимпрессионист. *Михаил Федорович Ларионов* (1881–1964), живописец, график сценограф; муж Н.С. Гончаровой (об их дружбе с Цетлиными см. в послесловии). *Першерон, битюг* – породы лошадей. *Жан Батист Симеон Шарден* (Jean Baptiste Siméon Chardin; 1699–1779), французский живописец.
- С. 132. **Ван-Гог**. С. 41. *Винцент Виллем ван Гог* (Vincent Willem van Gogh; 1853–1890), голландский художник-постимпрессионист. *Подсолнечники желтые, как пламя ~ раскалено-белый ток* – Имеется в виду картина «Подсолнухи» (1888). *О, желтые и алые снопы!* – Речь, по-видимому, идет о картинах «Жатва» (1888) и «Жнец» (1889). *И это рядом ~ толпы* – Подразумевается картина «Спальня Винсента» (1888).
- С. 133. **В Пушкинском музее А.Ф. Онегина**. С. 42. *Александр Федорович Онегин* (1845–1925), историк литературы, коллекционер, посвятивший

¹ В. Инбер впадала здесь в обычную ошибку, принимая за «материальную основу» семью жену Цетлина Марью Самойловну, а не его самого, см. об этой аберрации современников: *Хазан Владимир*. «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 67–68.

свою жизнь собиранию материалов (рукописей, писем, рисунков, семейных реликвий и пр.), связанных с жизнью и творчеством А.С. Пушкина. На основе этой коллекции основал в своей парижской квартире (rue de Marianne, 12) первый в мире Пушкинский музей (впоследствии, по его завещанию, коллекция была перевезена в Россию и передана в Пушкинский Дом, см.: *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 324). Об А.Ф. Онегине и его музее см.: *Филин М.Д.* Зарубежная Россия и Пушкин: (Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография). М.: Дом-Музей М. Цветаевой, 2004 (по указателю). В юбилейные пушкинские дни Цетлин вошел в состав Центрального Пушкинского Комитета в Париже (1935–1937), см.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937) / Сост., предисл. М.Д. Филин. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 2. С. 410–427. Цетлину принадлежит несколько текстов, связанных или соприкасающихся с пушкинской темой: *Современные записки*. 1926. № 27. С. 566–569 (рецензия на кн.: Проф. П. Бицилли. *Этюды о Русской Поэзии*. Изд. «Пламя». Прага, 1926); *Опыт Пушкина* // Пушкин: Однодневная газета (Париж). 1937. Февраль; *Новый журнал*. 1944. № 8. С. 404–405 (отзыв на кн.: *Сочинения Пушкина в одном томе*. Изд. International University Press. Нью-Йорк, 1944) и др.

- С. 133. **Продавец картин**. С. 43–45. *Гантированный* – одетый в перчатки (*франц.*).
- С. 135. **Париж**. С. 46. *Цепелин* – вид дирижабля по имени его конструктора немецкого генерала графа Фердинанда фон Цеппелина (Zeppelin; 1838–1917). *Авион* (avion) – самолет (*франц.*).
- С. 136. **Памяти Яковлева**. С. 47. С незначительными изменениями вошло в МД: 70. *Александр Александрович Яковлев* (1887–1916), член партии эсеров, за революционную деятельность отбывал в России каторгу, затем – политический эмигрант во Франции; в годы Первой мировой войны был добровольцем Иностранного легиона, за проявленное мужество переведен во французский линейный полк; погиб под Верденом. См. о нем: *Савинков Б. А.А.* Яковлев, в кн.: Б. Савинков. *Во Франции во время войны: Сентябрь 1914–июнь 1915: В 2-х частях* / Вступ. ст. и комм. Я.В. Мельничука. М.: Гос. публ. истор. б-ка России, 2008. С. 338–343.
- С. 136. **Пленные**. С. 48–49.
- С. 138. **Марат**. С. 50–51. МД: 62. *Жан-Поль Марат* (Jean-Paul Marat; 1743–1793), один из лидеров Великой Французской революции,

журналист, предводитель якобинцев, прозванный «Друг народа» по названию журнала, который он издавал. *На лице, на руках, на теле ~ знойная сыпь* – Марат страдал от тяжелой кожной болезни. ... *И стынет горячая ванна* – Чтобы облегчить свои страдания, Марат постоянно принимал ванны; 13 июля 1793 г., сидя в ванне, он просматривал журнальную корректуру и был заколот кинжалом Шарлоттой Корде (см. также стихотворение Цетлина «Я ненависть долго и страстно копила...», включенное в этот же сборник).

- С. 139. **Принцесса Луиза.** С. 52. *Принцесса Луиза-Мария* (1737–1787), дочь короля Франции Людовика XV, ушедшая в монастырь и ставшая монахиней. «*Vite, vite ~ au gallop!*» – «Скорей, скорей, в рай, рысью, галопом!» (франц.). *Дю-Барри (Дюбарри)* – Мари Жанна Бекю (*Marie-Jeanne Bécu*), по мужу графиня Дюбарри (du Barry; 1746–1793), официальная фаворитка Людовика XV, незаконная дочь сборщика податей Гомара де Вобернье (Gomard de Vaubernier); помимо фамилий матери (Бекю) и отца (Гомар), пользовалась также псевдонимом Ланж (от франц. l'ange – ангел). ... *или маркиза* – Имеется в виду маркиза де Помпадур (marquise de Pompadour; наст. имя Жанна-Антуанетта Пуассон [*Jeanne-Antoinette Poisson*]; 1721–1764), официальная фаворитка Людовика XV, влиявшая на политику государства. *Пьер Террайль де Баярд* (Pierre Terrail, seigneur de Bayard; 1473–1524), французский рыцарь, полководец. *Александр Македонский* (Александр III Великий, Alexander Magnus (лат.), у мусульманских народов Искандер Зилькарнайн; 356–323 до н.э.), македонский царь (с 336 до н.э.) из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. *Себастьян Ле Претр де Вобан* (Sébastien Le Prestre de Vauban; 1633–1707), выдающийся военный инженер, маршал Франции, писатель.
- С. 139. **Кавалер.** С. 53–55. *Оливер* – Оливер Кромвель (Oliver Cromwell; 1599–1658), английский военачальник, государственный деятель, лидер Английской революции. *Вайтгол* (Уайтхолл [Whitehall], англ.), название средневекового королевского дворца в центре Лондона. *Пандекты* (лат. pandectae, греч. pandektēs – всеобъемлющий) – сборники, содержащие полное изложение материалов, относящихся к какому-либо вопросу; свод решений древних римских юристов, имевших силу закона. ... *как Хама Ной* – Согласно Библии, праведник Ной был единственным из людей, кого пощадил Господь и спас от всемирного потопа и кто впоследствии продолжил человеческий род (Быт. 6: 8–9). Уже после потопа Ной проклял одного из своих сыновей – Хама – за

то, что тот, когда отец после винных возлияний лежал обнаженным на земле, посмеялся над ним (Быт. 9: 21–27).

С. 142. **Цицерон**. С. 56–57. Впервые: Русская мысль. 1912. № 3. С. 185. Включено в кн.: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю. Иваск. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. С. 11. МД: 68. Начало предпоследнего стиха в 3-й строфе в первопубликации было иным: «Так часто говорил...». *Марк Туллий Цицерон* (Marcus Tullius Cicero; 106–43 до н.э.), древнеримский политик, философ и оратор. *Марк Антоний* (Marcus Antonius; 83–30 до н.э.), древнеримский политик и военачальник, триумvir (43–33 гг. до н.э.), трижды консул (44, 34 и 31 гг. до н.э.), квестор (51–50 гг. до н.э.). *Геренний* (Herennius) – по сообщению Плутарха, солдат, убивший Цицерона. *Фульвия Бамбула* (*Бамбалия*) (Fulvia Vambula, Fulvia Vambaliae; 77–40 до н.э.), римская матрона, третья жена Антония.

С. 142. **Рим**. С. 58–59. Впервые: Заветы. 1912. № 4. С. 73. С незначительными разночтениями вошло в МД: 65–66. Стихотворение было послано В. Брюсову для публикации в журнале «Русская мысль», где оно не печаталось (см. в письме Цетлина Брюсову от 4/22 февраля 1912 г., приведенном во вступительной заметке к сборнику «Лирика»). *Храм Весты* (Aedes Vestae) – храм в древнем Риме, посвященный Весте, богине домашнего очага (представлял собой круглое строение, окруженное двадцатью коринфскими колоннами). *Колизей* – самый крупный из древнеримских амфитеатров (первоначальное название: Амфитеатр Флавиев, поскольку являлся коллективным сооружением императоров из династии Флавиев; строительство велось в 72–80 гг. н.э.). *Паладин* (Mons Palatinus, Palatium) – меньший из семи главных холмов Рима (высота 40 м). *Травертин* (от *итал.* travertino, *лат.* lapis tiburtinus – тибурский камень) – известковый туф. *Замок Святого Ангела* (Castel Sant'Angelo) – архитектурный памятник, выступавший сначала гробницей, затем замком, резиденцией пап и хранилищем их ценностей и одновременно тюрьмой. *Собор Святого Петра* (Basilica di San Pietro) – католический собор, являющийся самым крупным церковным сооружением Ватикана (общая высота 136 м). *Ватикан* (от названия холма Mons Vaticanus; vaticinia (*лат.*) – «место гаданий») – государство-город внутри Рима, резиденция высшего духовного руководства римско-католической церкви. *Рафаэлевые станцы* (от stanza – местожительство, местопребывание, *итал.*) – помещения в папском дворце Ватикана, роспись стен которых выполнена Рафаэлем в 1508–1517 гг. *Барокко* (букв.: странный, причудливый) – художествен-

ный стиль, присущий европейскому искусству конца XVI – середины XVIII в., характеризовавшийся синтетическим сочетанием пышности, торжественности, аффектации и стремлением к величию и в то же время причудливыми формами, противостоящими рационализму.

- С. 143. **Пинчио**. С. 60. Впервые: Русская мысль. 1912. № 3. С. 186. Третий стих 1-й строфы в первопубликации выглядел несколько иначе: «Среди руин античной арки»; то же эпитеты в первом стихе 2-й строфы: «Вершины вольных смелых пиний»; легкая переделка коснулась первого двустишия заключительной строфы: «А дальше, как незримой арки Колонны. . .». В МД: 71 – в составе цикла «Путевые акварели». *Пинчио* (Pincio (*итал.*), Mons Pincius (*лат.*)) – холм в Риме, не относящийся к семи классическим холмам. Названием – по имени семейства Пинчиев, которому принадлежали на холме обширные владения. На склонах холма находились виллы и сады (напр., Сады Лукулла, Саллюстия, Помпея), из-за чего он также назывался *collis hortulorum* – холм садов.
- С. 144. **В Риме**. С. 61–62. В МД: 71 – в составе цикла «Путевые акварели». *Траттория* – ресторан (*итал.*). *Фьяска* (фьяско) – оплетенная бутылка для вина около 2-х л (*итал.*).
- С. 145. **Месть**. С. 63–65. Впервые: Заветы. 1912. № 5. С. 86–87. С незначительными разночтениями вошло в МД: 63–64. В стихотворении поэтически излагается известный эпизод из истории России периода Смутного времени: *Борис Федорович Годунов* (1552–1605), фактический правитель государства в 1587–1598 гг. при царе Федоре I Иоанновиче (1557–1598), шурином которого он являлся (его сестра Ирина (1557–1603) была женой Федора); русский царь в 1598–1605 гг. После смерти Федора Иоанновича прямым наследником престола был Дмитрий (1582–1591), сын шестой или седьмой (невенчанной) жены Ивана Грозного Марии Федоровны Нагой, который проживал с матерью в удельном городе Угличе. 15 мая 1591 г. при загадочных обстоятельствах его не стало. По официальной версии, во время игры со сверстниками царевич, страдавший падучей болезнью, упал на нож и заколол себя. Народная молва и летописец виновником смерти Дмитрия назвали царя Бориса, который был кровно заинтересован убрать с дороги законного наследника. М.Ф. Нагих, обвиненная в «недосмотрении за сыном», была пострижена в монахини под именем Марфы. В 1604 г. Годунов вызывал ее на допрос в Москву в связи с распространившимися слухами о том, что царевич Дмитрий на самом деле жив и скоро себя проявит. Именно эта сцена допроса, оставившая

след и в других произведениях русского искусства (например, картина Н. Ге, 1874 г.), послужила сюжетом для стихотворения Цетлина. *Мария* – Мария Григорьевна Скуратова-Бельская (ум. 1605), русская царица, жена Бориса Годунова, дочь Малюты Скуратова, одного из руководителей опричнины Ивана Грозного.

С. 146. **«Я ненависть долго и страстно копила...»** С. 66–67. Эпиграф из стихотворения А. Пушкина «Кинжал» (1821) помогает установить, что стихотворение представляет собой своеобразный монолог Шарлоты Корде, убийцы Марата, см. выше стихотворение «Марат».

С. 148. **Побег.** С. 68–69. МД: 69.

КРОВЬ НА СНЕГУ 1939

Последний прижизненный сборник стихов Амари-Цетлина «Кровь на снегу (стихи о декабристах)» вышел в Париже в 1939 г. (в качестве издательской фирмы выступили «Дом книги» и журнал «Современные записки»); сборник был включен в серию «Русские поэты» (вып. 7). Книга отпечатана тиражом в количестве 200 экземпляров (20 пронумерованных экземпляров в продажу не поступали).

Сборнику предпослан эпиграф – строфа из стихотворения Ф. Тютчева «14-ое декабря 1825»:

Едва<> дымясь, она сверкнула<>
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула –
И не осталось и следов.

Как уже отмечалось в послесловии, декабристская тема оказалась одной из стержневых в цетлинском творчестве вообще. Поэма (или цикл стихов) «Декабристы» писалась на протяжении многих лет: так, в сборнике «Весенний салон поэтов», вышедшем в Москве в 1918 г., появляется один из первых ее отголосков – стихотворение «Журфиксы в ссылке» с подзаголовком «Из поэмы “Декабристы”», которое в сборник «Кровь на снегу» включено, однако, не было. По сообщению «Одесского листка» (1918. № 142. 10 (23) октября), отрывки из поэмы о декабристах Цетлин читал на заседании литературного кружка «Среда», когда осенью 1918 г., бежав с семьей из большевистской Москвы, находился в Одессе. Позднее,

берлинская «Русская книга» сообщала, что Цетлин «готовит к печати поэму “Декабристы”...»¹. Судя по всему, под поэмой здесь подразумевался цикл стихов на декабристскую тему (все они впоследствии вошли в настоящий сборник, см. далее в комментариях), напечатанный в издававшемся супругами Цетлиными альманахе «Окно» (1923. № 2). Многие из окружения Цетлина воспринимали «Кровь на снегу» именно как поэму, а не как книгу стихов, т.е. как более плотный и цельный поэтический сплав. Так, например, Н. Берберова, вспоминая Цетлина, писала:

Когда я впервые увидела его, я знала, что он поэт, пишущий лирические стихи и поэму о декабристах, о которых он «все знает», что только можно знать. Декабристами Михаил Осипович занимался всю первую (большую) половину своей жизни, им посвящена его поэма, которую он писал очень долго и которая была издана в 1939 году².

В рецензии на сборник «Кровь на снегу» П. Пильского (подписана П.), напечатанной в рижской газете «Сегодня», говорилось:

Это – стихи о декабристах, – так поясняет и заголовок: М. Цетлин давно работает над этой темой, автор книги о той эпохе, о народном бунте 1825 г. Надо очень полюбить тему, сжиться с историческими лицами, принимавшими участие в этом революционном деле, сродниться с ними, чтобы поставить перед собой трудную задачу создания цикла стихотворений, – целой галереи, начиная с Николая I.

<...>

Россия Николая. Эти фигуры, портреты, люди оживают под пером Амари, видишь и чувствуешь Николая I, чувствуешь тяжелую скуку его размеренных, запертых дней...

<...>

Большое достоинство этой книжки в том, что она воскресила пред нашим взором то, что мы отдаленно и, может быть, смутно чувствовали, неясно представляли себе, – и это декабрьское утро, когда «дул сырой морской ветер с такой тоской» и «неслась картечь, как порывы сырого ветра», и этих солдат, а они – «серые, сирые, пошедшие вослед командирам, вослед офицерам, с слепою верой». Видим и заседание в Государственном Совете, где на кафедре высокий молодой человек громко, не подымая тяжелых век, читает, «на бумагу падает бледный свет, и вокруг Государственный Совет благоговейно внимает». Ясно и верно, притом очень сжато нарисованы портреты этих старцев...

<...>

Отдельные стихотворения передают то, что всегда очень трудно передать – голоса. Слышишь, как говорит Николай I, как шепчет про себя бар. Розен,

¹ Русская книга. 1921. № 2. С. 31.

² Берберова Н. М.О. Цетлин // Новый журнал. 1950. № 24. С. 210.

сомневаясь и колеблясь, чувствуя, что всюду – беда, что «ни чорту, ни Богу, ни “нет”, ни “да”», как сетует Камилла, как гложет ее тихая простая боль – «полуболь и полускука. Господи, доколь, доколь эта скука, эта боль, эта тьма и ночь без звука?»

Встает Петербург «снежно белый, холодный от метелей и пург», мчатся быстрые сани царя, и он летит, «пристегнувши шнурами полость, запахнувши крепко шинель», – веет ветер крепкий, как хмель, и «все полно здесь холодной, неживой красоты».

Стихи о декабристах воскрешают их дни, их души, их развешенные надежды, их печали и скорбные концы¹.

Г. Адамович, обозревая новые книжки стихов, писал о новом сборнике Амари-Цетлина следующее:

«Кровь на снегу» Амари (М. Цетлина) – сборник стихов о декабристах, историей которых автор увлечен уже давно. Тематическая ограниченность книги лишает оснований говорить по поводу и о поэзии Амари вообще: перед нами не «вольное проявление» творческого сознания, а иллюстрация или комментарий к историческим фактам. План, может быть, и не стесняет вдохновения, но программа держит его на привязи. С формальной точки зрения следует признать, что стремление Амари к свободному стиху далеко не всегда сопровождается удачей: свобода становится для него скорей обузой, чем даром... Формально у Амари многое вообще уязвимо, до крайности спорно. Зато попадают меткие психологические или исторические формулы: очень хорошо сказано о Николае I, что у него душа полна «холодным сладострастьем власти». Остроумно объяснение его примерного исполнения роли влюбленного жениха:

Есть ученья и есть парады,
Представления и маскарады,
Панихиды, разводы, награды
И любви есть также обряды,
Нужно знать добросовестно их.
Вот назначен он батальонным,
Будет после и дивизионным,
А теперь должен быть влюбленным².

Сергей Осокин (В. Андреев) в своей рецензии отмечал:

Амари взял на себя почти неразрешимую задачу – написать цикл стихов, посвященных декабристам. После Некрасовских «Русских женщин», после стихотворений Тютчева и Мандельштама писать о декабристах почти невозможно.

¹ *П.<ильский П.>* «Кровь на снегу» // Сегодня. 1939. 3 июня. № 152. С. 8.

² *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1939. № 6730. 31 августа. С. 3.

Еще труднее писать о декабристах теперь, в 1939 году, когда живое предание о 14 декабря уже давно превратилось в историю. Исторические романы так же, как исторические стихи, почти всегда смахивают на бутафорию, ибо никогда не удается соединить в одно целое вольный вымысел автора с исторической правдой. Исключения очень редки. Амари понял эту опасность бутафории и больше всего боялся «литературщины». Его стихи очень правдивы и искренни, они похожи на рифмованные и ритмические заметки на полях исторических исследований, заметки порою очень удачные, порою как будто совсем не отделанные, написанные наспех, как в дневнике.

Удачны стихи, посвященные Николаю I:

Как медленно течет по жилам кровь,
Как холодно-неторопливо.
Не высекала искр в душе твоей любовь:
Ты как кремень, и нет огнива!

Необходимо отметить также общую тенденцию книги Амари – ее глубокую и неподдельную человечность. Он не только знает и любит декабристов, но он видит в них настоящих, живых людей. Эта человечность в наши дни настолько редкий дар, что уже одно ее присутствие оправдывает недостатки его интересной книги¹.

Называя «Кровь на снегу» «стихотворным послесловием к исторической работе» Цетлина, В. Вейдле подчеркивал, что

стихотворная техника автора гибка, но в ней нет резких личных особенностей. При другой задаче это было бы недостатком, но задача такова, что внимание наше обращено в другую сторону. Конечно, о «чистой» поэзии тут не может быть и речи; но книгу читаешь с волнением; с ней легко подружиться; ее можно полюбить. <...> Одна из самых трагических, но из самых достойных страниц русской истории развернута тут не со своей фактической, но внутренней, эмоциональной стороны. Сделать это иначе, чем в стихотворной форме, было трудно или, быть может, невозможно².

Ряд сцен, воспроизводимых в «Крови на снегу», совпадают с тем, как Цетлин описал их в своем романе «Декабристы: Судьба одного поколения» (1 изд. – Париж: Современные записки, 1933, 2-е – <N. Y.> Experiments, 1954); в дальнейшем ссылки на него приводятся по 2-му изд., в тексте указаны только страницы.

---

¹ Русские записки. 1939. № 19. Июль. С. 200.

² Современные записки. 1939. № 69. С. 382.

Камилла

- С. 151. 1. **За роялем.** С. 5. Имеется в виду Камилла Ле-Дантю, в будущем жена декабриста В.П. Ивашева, см. коммент. к следующему стих. и стих. «Из дневника Камиллы».
- С. 151. 2. **Базиль.** С. 6. Впервые: под названием «Приезд» как 1-я часть цикла «“Первая любовь” (Из цикла “Декабристы”» (Окно. 1923. № 2. С. 117). *Базиль* – Василий Петрович Ивашев (1797–1840), ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка, адъютант главнокомандующего 2-й армией графа П.Х. Витгенштейна, декабрист, член Союза благоденствия (1819–1820) и Южного общества; осужден на 20 лет каторжных работ; в 1835 г. переведен на поселение в г. Туринск Тобольской губернии, где умер и похоронен. В стихотворении описывается приезд В.П. Ивашева к родителям (отец – генерал-майор Петр Никифорович, мать – Вера Александровна Толстая), гувернанткой в которой служила мать Камиллы, см. коммент. к стих. «Из дневника Камиллы».
- С. 152. 3. **Фила<н>джиери.** С. 7. *Гаэтано Филанджиери* (Gaetano Filangieri; 1752–1788), итальянский правовед и философ, идеи которого о государственно-политическом устройстве были популярны в кругу декабристов. *Пэри* (пари, пери) – один из духов в иранской мифологии.

Николай I

- С. 153. 1. «**Как медленно течет по жилам кровь...**» С. 8. Впервые: Современныя записки. 1921. № 7. С. 106 (с подзаголовком «Из поэмы “Декабристы”»).
- С. 153. 2. «**Помнит он те недели...**» С. 9. ...*Невеста с женихом* – невестой, а затем супругой Николая I была принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина (в России: Александра Федоровна; 1798–1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III из династии Гогенцоллернов и его супруги, королевы Луизы. *Малек-Адель* – популярный в России романтический герой романа французской писательницы Марии Коттень (Cottin; 1770–1807) «Матильда, или Крестовые походы» (1805); упомянут в «Евгении Онегине» Пушкина (гл. III, строфа IX).
- С. 154. 3. **В Государственном Совете.** С. 10–12. Впервые: Окно. 1923. № 2. С. 263–265 (в подборке стихотворений с общим заглавием «Из поэмы “Декабристы”»). Цетлин описывает заседание Государственного совета в момент междуцарствования: 27 ноября 1825 г. весть о смерти

Александра I в Таганроге достигла Петербурга, цесаревич Константин Павлович, который должен был взойти на престол после смерти старшего брата, от права престолонаследия отрекся (его отречение и воля Александра I о назначении на эту роль младшего брата Николая были официально задокументированы и хранились в Государственном совете, Синоде и Сенате). Несмотря на это, по закону о престолонаследии, необходимо было сначала присягнуть новому царю (которым считался цесаревич Константин) и только потом оглашать волю покойного императора. Именно этот исторический эпизод и составляет иронико-драматический сюжет данного стихотворения. Своеобразным прозаическим комментарием к нему служит та же сцена, описанная Цетлиным в романе «Декабристы»: поскольку Николай Павлович, всего лишь дивизионный генерал в годы царствования брата, не был членом Государственного совета, он отказался присутствовать на нем и участвовать в этом необычном спектакле, где решался вопрос о судьбе России.

Собрался Государственный Совет, – пишет Цетлин, – и рыдающий Голицын доложил собранию о своем разговоре с великим князем <Николаем; Голицын выговаривал ему, зачем он присягнул своему брату, отрекшемуся от царства>. Он требовал, чтобы до новой присяги было прочтено завещание покойного императора. Но такой же маленький ростом, как и он, Лобанов-Ростовский, министр юстиции, возражал ему, что Совет только канцелярия государева, что «у мертвых нет воли» и что надо прежде всего присягнуть.

<...>

Шум и беспорядок еще увеличивались от того, что председатель Лопухин от старости плохо слышал и от волнения ничего не понимал. Однако ему с трудом разъяснили, в чем дело, и он обратился с просьбой к Милорадовичу пойти к великому князю и убедить его придти в Государственный Совет. От этого Николай отказался, и резонно, потому что не имел права присутствовать в Совете. Кто он был? Просто дивизионный генерал! Тогда Государственный совет отправился *in cogroge* к дивизионному генералу и в верноподданническом иступлении дал себя переубедить. Великий князь, держа правую руку и указательный палец над головой, как бы призывая Всевышнего в свидетели искренности своих помышлений, требовал присяги брату <т.е. Константину>. Старцы рыдали и восклицали: «Какой великодушный подвиг!», – и старались облобызывать его. Среди слез и лобзаний долго убеждали великого князя прочесть документы – завещание и отречение, что он и сделал, но не вслух, а про себя. Все-таки не хотели сами без него идти в церковь и просили Николая быть их «предводителем», на что он согласился и повел их в большую придворную церковь, где их привели к присяге (С. 149–150).

Лопухин ~ Великолепный вельможа – Светлейший князь Петр Васильевич Лопухин (1753–1827), государственный деятель, действ. тайный со-

ветник; в описываемое время (с 1816 г.) председатель Государственного совета и Комитета министров (в 1826 г. – председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов). ...*Оленин с мальчишеским, древним лицом* – Алексей Николаевич Оленин (1763–1843), археолог, историк, палеограф, художник; почетный член Академии художеств (с 1804 г.), с 1817 г. ее президент; директор Петербургской публичной библиотеки (с 1811 г.); крупный государственный чиновник (член Государственного совета). В рецензии на «Кровь на снегу» П. Пильский особо отметил этот эпитет «древний» (Сегодня. 1939. 3 июня. № 152. С. 8). *Граф Лита с мальтийским крестом* – Джулио Ренато Литта-Висконти-Арезе (в России: Юлий Помпеевич Литта; 1763–1839), морской офицер, мальтийский кавалер, государственный деятель, обер-камергер, граф, первый шеф кавалергардского полка; по происхождению итальянец; брат кардинала Лоренцо Литта. *Наивный и седокурый Карамзин* – Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), писатель, литературный критик, историк, журналист, издатель. ...*и Сперанский мудрый* – См. ниже, коммент. к стих. «Сперанский». *Князь Алексей Борисович Куракин* (1759–1829), государственный деятель; генерал-прокурор при Павле I, генерал-губернатор Малороссии при Александре I, затем министр внутренних дел (1807–1811); член Государственного совета, сенатор, вице-председатель Верховного суда, который будет судить декабристов. *Князь Виктор Павлович Кочубей* (1768–1834), государственный деятель, дипломат (чрезвычайный посланник в Константинополе, член Коллегии иностранных дел); вице-канцлер; дважды (в 1802–1812 и в 1819–1825) был министром внутренних дел. С 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров. *И маленький буфа – Голицын...* – Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844), государственный деятель; член Российской академии (с 1806 г.); министр народного просвещения (с 1816 г.). *Виги* (от Whigs – переносн.: ‘либерал’) – либеральная партия в Великобритании, возникшая в начале 80-х гг. XVII в.; *тори* (от Tory – ‘консерватор’) – политическая партия в Великобритании, возникшая в конце 70-х – начале 80-х гг. XVII в. *Почечуй* – геморрой.

14-ое декабря

С. 156. 1. **Бунт**. С. 13–15. Впервые: Окно. 1923. № 2. С. 265–267, с различием в последних двух строчках: «Строй же валы и крепь / Сам себе, русский люд». *Преображенский, первый ~ батальон* – Лейб-гвардии Преображенский Его Величества полк – старейший и один из наиболее элитных гвардейских полков Российской империи; был сформирован

в 1691 г. Петром I из «потешных ребят» (предназначенных для военных игр и забав) села Преображенское (отсюда и его название), расформирован в 1918 г. *Выпрямляется трон* – П. Пильский отметил это выражение как недостаточно удачное (*Пильский П.* > «Кровь на снегу» // Сегодня. 1939. 3 июня. № 152. С. 8).

С. 158. 2. **Барон Розен.** С. 16–17. *Андрей Евгеньевич (фон) Розен* (1799–1884), декабрист, мемуарист, публицист, историк. После окончания кадетского корпуса служил прапорщиком, потом поручиком в лейб-гвардии Финляндском полку. Был близок к декабристам; хотя в самом заговоре участия не принимал, но во время событий 14 декабря отказался усмирять восставших и оставил взвод, которым командовал, за что был сослан на 6 лет на каторжные работы в Читинский острог, затем 5 лет жил на поселении в Кургане Тобольской губ., а остальное время до воцарения Александра II – на Кавказе. В 1839 г. уволен по болезни (жил безвыездно и под строгим надзором в имении брата близ Нарвы), в 1855 г. ему было позволено переехать в Изюмский уезд Харьковской губ. в имение старшего сына; в 1856 г. восстановлен в прежних правах. ...*Сын поколений / Эстляндских дворян* – Розен происходил из семьи прибалтийских немцев (родился в имении родителей Ментак Эстляндской губ.).

С. 159. 3. **Бегство.** С. 18–20. *Чрез полыньи и крови лужи ~ Бестужев* – Имеется в виду младший из братьев Бестужевых Михаил Александрович (1800–1871), который с 1825 г. служил ротным командиром в лейб-гвардии Московском полку (эта сцена бегло упоминается и в романе «Декабристы»: «...Михаил Бестужев <...> спешил на площадь. Он вывел свою роту из казарм к Фонтанке и шел на мост <...>». С. 190). *Рылеев ~ «Смелее!..»* – Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826), поэт, декабрист; один из пяти руководителей декабристского заговора, казненных на кронверке Петропавловской крепости. *И Кюхельбекер ~ И еще верил в победу* – Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846), поэт, литературный критик, драматург, публицист, прозаик, переводчик; декабрист. *Юный Одоевский ~ не светлый бал...* – Александр Иванович Одоевский (1802–1839), поэт, декабрист. *На перекрестке Булатов ~ «...Твердая смерть солдата?..»* – См. коммент. к стих. «Ночное посещение». *И слыша, как бухают пушки ~ «доколе, доколе, доколе?..»* – князь Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), герой Отечественной войны 1812 г., полковник лейб-гвардии Преображенского полка (1822), был одним из руководителей Северного общества, собрания которого проходили в квартире его тестя графа И.С.Лавала

(Английская наб., 4). Ему принадлежал основной план декабрьского восстания и «Манифеста к русскому народу». Однако на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. он не явился и участия в самом восстании не принимал. Арестован в ночь на 15 декабря и заключен в «Секретный дом» Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, в июле 1826 приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. В 1856 г. амнистирован, вернулся из Сибири, умер и похоронен в Москве. В романе «Декабристы» Цетлин описал его следующим образом:

Другой выдающийся член Союза <Благоденствия>, князь Трубецкой, высокий, рыжеватый человек, с длинным носом и длинными зубами, похожий слегка на англичанина и вместе на еврея, был храбрым офицером умным и образованным человеком, не чуждым, однако, доктринерски-легковесного, аристократически-кокетливого радикализма. Состояние здоровья, последствия ран, полученных на войне, заставили его уже весной 1819 года уехать на два года за границу, где он женился на молодой, милой, очень богатой и не очень красивой графине де Лаваль. Эта женитьба давала захудалому князю богатство и связи (он становился зятем австрийского посла Лебцельтерна). Связи он постарался использовать для осведомления Общества обо всем, что делается в правительственных и придворных кругах (С. 41).

В день восстания

диктатор князь Трубецкой в жалкой нерешительности бродил вокруг площади (Николай заметил его на мгновение близ здания Главного Штаба), потом пошел присягнуть, потом укрылся у своего зятя, австрийского посла Лебцельтерна, в доме посольства. Так, в один и тот же день изменил он и Николаю и своим товарищам по Обществу, как бы в доказательство того, что «храбрость солдата не то же, что храбрость заговорщика». Ни наград, ни возможности победы, ни даже славной гибели не сулит она, а только верную смерть и позор (С. 202).

Искушение

- С. 161. 1. **Утро ареста.** С. 21–23. Впервые: Дни (Берлин). 1923. № 139. 15 апреля. С. 9. П. Пильский отметил это стихотворение как лучшее в сборнике (*Пильский П.* <«Кровь на снегу» // Сегодня. 1939. 3 июня. № 152. С. 8).
- С. 163. 2. **Ночное посещение.** С. 24–26. В стихотворении запечатлен исторический эпизод посещения Николаем I в каземате Петропавловской крепости одного из руководителей Декабрьского восстания *Александра Михайловича Булатова-старшего* (1793–1826). Участник войны 1812 г., во время которой он отличился своим мужеством (награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, орденом св. Анны 2-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость»), Булатов стал

членом Южного, а затем – Северного общества и был избран помощником диктатора кн. С.П. Трубецкого. Во время восстания оказался в нескольких шагах от Николая I, но выстрелить в него не решился. Впав в тюрьме в глубокое отчаяние, разбил голову о стены камеры, после чего был доставлен в Военно-сухопутный госпиталь, в котором и скончался. *И чувствует весь...* – П. Пильский писал об этом выражении как не совсем удачном (*Пильский П.* > «Кровь на снегу» // Сегодня. 1939. 3 июня. № 152. С. 8).

- С. 165. 3. **Письмо Каховского императору.** С. 27–28. Впервые: Окно. 1923. № 2. С. 263–265 (под названием «Письмо Каховского»). Включено в кн.: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю. Иваск. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. С. 12–13. Анализ этого стихотворения см.: *Кудрявицкий А.* Стихотворение Михаила Цетлина (Амари) «Письмо Каховского императору» – один из первых верлибров русского зарубежья // Вчера, сегодня, завтра русского верлибра: Тезисы научной конференции. М., 1997. С. 13–14. *Петр Григорьевич Каховский* (1799–1826) был избран декабристами на роль царевийцы в день восстания. 14 декабря он убил на Сенатской площади петербургского генерал-губернатора Милорадовича и полковника Стюрлера, ранил офицера из свиты, но нового царя убить не решился. Был в числе пяти казненных декабристов. Из каземата Петропавловской крепости в феврале-апреле 1826 г. Каховский написал несколько писем царю и генерал-адъютанту Левашеву (см.: Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб.: Изд. М.В. Пирожковой, 1906. С. 3–32 – далее указаны только страницы); стихотворение Цетлина по существу представляет собой некую «сборную цитату» из них. *Не о себе хочу говорить ~ одна мысль о пользе оного питает мою душу* – Каховский так начинал одно из своих писем (от 24 февраля 1826 г.): «Согретый пламенной любовью к отечеству, одна мысль о пользе оного питает душу мою» (С. 3). *Я за первое благо ~ для блага общего* – Ср. в письме Каховского от 19 марта 1826 г.:

Я первый за первое благо считал не только жизнью, честью жертвовать пользе моего отечества. Умереть на плахе, быть растерзану и умереть в самую минуту наслаждения – не все ли равно? Но что может быть слаже, как умереть, принеся пользу? Человек, исполненный чистотою, жертвует собой не с тем, чтобы заслужить славу, строчку в истории, но творить добро для добра без возмездия. Так думал и я, так и поступал. Увлеченный пламенной любовью к родине, страстью к свободе, я не видал преступления для блага общего (С. 23).

Конституция – жена Константина... сердца всех сословий: «Свобода» – Ср. в письме Каховского от 24 февраля 1826 г.:

Несправедливо донесли Вашему Превосходительству, будто бы при восстании прошлого 14-го числа Декабря месяца кричали: да здравствует конституция, и будто народ спрашивал, что такое конституция, не жена ли Его Высочества Цесаревича? Это забавная выдумка! Мы очень знали бы заменить конституцию законом и имели слово, потрясающее сердца равно всех сословий в народе: свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кроме имени Константина (С. 16–17).

Жить и умереть для меня ~ никто не в силах – Ср. в письме Каховского от 19 марта 1826 г.:

Жить и умереть для меня почти одно и то же. Мы все на земле не вечны; на Престоле и в цепях смерть равно берет свои жертвы. Человек с возвышенной душой живет не роскошью, а мыслями – их отнять никто не в силах! (С. 23).

Свобода ~ теплотвор жизни – Ср. в письме Каховского от 24 февраля 1826 г.:

Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни! была всегда и везде достоянием народов, вышедших из грубого невежества. И мы не можем жить, подобно предкам нашим, ни варварами, ни рабами (С. 11).

Слова Каховского о свободе как «теплотворе жизни» Цетлин вынес одним из эпиграфов ко 2-й части романа «Декабристы» – «Четырнадцатое декабря».

С. 166. 4. **Сперанский**. С. 29–30. *Михаил Михайлович Сперанский* (1772–1839), государственный деятель; ближайший советник Александра I (с 1808 г.), автор проекта либеральных преобразований в России, инициатор создания Государственного совета (1810). *И я сужу их ~ казнь, тюрьма, острог* – Сперанский был назначен Николаем I членом суда над декабристами; в романе Цетлин назвал это назначение «пыткой предательством», которой Сперанский вынужден был подчиниться (С. 279).

С. 167. 5. **Наташа Рылеева**. С. 31–32. Впервые: *Окно*. 1923. № 2. С. 270–271. *Наталья Михайловна Рылеева* (урожд. Тевяшева; 1800–1853), жена декабриста К.Ф. Рылеева, который познакомился с ней в доме ее отца – острогожского помещика М.А. Тевяшева, будучи репетитором двух его дочерей – сестер Тевяшевых. 22 января 1819 г. они обвенчались (в браке родились дочь Настя и сын Александр, умерший в младенчестве). Вторым браком была замужем за Г.И. Куколевским.

С. 168. 6. **Ночь перед казнью.** С. 33–34. «*Вы не споете ли нам, Муравьев? ~ вы поете*» – *Сергей Иванович Муравьев-Апостол* (1796–1826), подполковник, один из вождей декабристского движения и главных деятелей Южного общества. 29 декабря 1825 г. поднял восстание в Черниговском полку, захватил город Васильков и двинулся на Житомир. 3 января полк окружили правительственные войска и обстреляли картечью. Муравьев-Апостол был схвачен и в июле 1826 г. по приговору суда повешен в числе пяти декабристов. Ср. в романе «Декабристы»:

Новый сосед Андреев попросил Муравьева спеть. Муравьев запел по-итальянски, и звук его тенора раздался в ночном воздухе. Никто не прекратил пения. Все слушали. Постепенно все стало затихать (С. 297).

«...*Но не сорваться б ~ на эшафоте!*» – Каламбур Цетлина, который обыгрывает в слове «сорваться» известный эпизод казни декабристов, когда трое из них сорвались с петель. В «Декабристах» эта сцена описана следующим образом:

Их повесили на помосте по отлогому деревянному подъему.
<...>

Но едва они заметались забились в воздухе, как веревки не выдержали тяжести тел и кандалов, и трое – Рылеев, Муравьев и Каховский, – грузно задевая за деревянный помост, упали на дно ямы. Когда к ним подбежали, они сидели на земле со связанными руками, разбитые, и тихо стонали. «Какое несчастье!» – сказал Рылеев. Мешок упал с него, у него была в крови одна бровь, кровь за правым ухом.

На мгновение все растерялись. Раздались голоса, что дважды казнить нельзя! Но уже неистовствовал военный губернатор Кутузов, распорядился, кричал: «Вешать их, вешать скорее!» Лавки были еще закрыты, некуда было послать за веревками. В возне и суматохе прошло около получаса. Легенда приписывает казненным много эффектных слов: «Бедная Россия! и повесить-то порядочно не умеют», – будто бы сказал Муравьев. Но хочется думать, что эти ужасные полчаса они были в полузабытьи. Едва ли крикнул Рылеев Кутузову: «Гнусный опричник тирана! Отдай палачу свои аксельбанты!» Едва ли сказал он: «Мне нечего не удавалось в жизни, даже умереть», и прекрасную фразу: «Я счастлив, что дважды умру за отечество». Он не сказал этого, но он умер дважды (С. 301–302).

– *Oh, dans la maison du pendu...* – Фраза представляет собой недоговоренную поговорку: «О, в доме повешенного <не говорят о веревке>» (франц.). *Умолк и молодой Бестужев-Рюмин* – *Михаил Павлович Бестужев-Рюмин* (1803–1826), декабрист, подпоручик, активный деятель Южного общества; казнен в числе пяти декабристов. *А Якубович думал...* – *Александр Иванович Якубович* (1792–1845), декабрист, капитан Нижегородского драгунского полка.

Россия Николая

- С. 170. 1. «Скучна Россия Николая...» С. 35. Впервые: Дни (Берлин). 1923. № 139. 15 апреля. С. 9.
- С. 170. 2. **Старуха Волконская**. С. 36. *Княгиня Александра Николаевна Волконская (1756–1834)*, статс-дама, обер-гофмейстерина; мать героя войны 1812 г. декабриста С.Г. Волконского (1788–1865).
- С. 170. 3. **Ермолову**. С. 37–38. *Алексей Петрович Ермолов (1772–1861)*, военачальник, генерал, герой Отечественной войны 1812 года и Кавказской войны.
- С. 171. 4. «Когда Ермолов хоть день без движения проводил...» С. 39.
- С. 172. 5. **Смерть Константина Павловича**. С. 40–42. Впервые: Окно. 1923. № 2. С. 267–268. *Константин Павлович Романов (1779–1831)*, второй сын Павла I и Марии Федоровны, отрекшийся от престолонаследия. *И неслось восстанье бурною рекою...* – Речь идет о Польском восстании 1830 г., заставившем Константина Павловича покинуть Варшаву, где он жил. *А потерявший оба отечества...* – Т.е. Россию и Польшу. *Умирал от холеры / В Витебске Константин* – Константин Павлович умер в Витебске 14 июня 1831 г., куда он бежал вместе с женой и где в это время свирепствовала холера. *И княгиня Лович ~ грубого мужа* – Княгиня *Жаннета (Иоанна) Антоновна Лович (1795–1831)*, вторая супруга Константина Павловича (с 1820 г.), дочь польского графа Антона Грудзинского; пережила своего мужа менее чем на полгода.
- С. 173. 6. **Прогулка Николая I** («Пристегнувши шнурками полость...»). С. 43–44. Стихотворение включено в современные антологии: Мы жили тогда на планете другой: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 (Первая и вторая волна): В 4-х книгах / Сост. Е.В. Витковского. Кн. 1. М.: Московский рабочий, 1995. С. 172–173; Вернуться в Россию – стихами...: 200 поэтов эмиграции / Сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М.: Республика, 1995. С. 36; Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Академический проект, 2006. С. 101.
- С. 174. 7. **Прогулка Николая I** («Снежно-белый, холодный...»). С. 45–46. Включено в кн.: Вернуться в Россию – стихами... С. 36; Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 101–102. *Темляк* – петля, обвязывающаяся вокруг эфеса шашки (сабли).

- С. 175. 8. **Последняя поездка Николая I.** С. 47. Впервые: Дни (Берлин). 1923. № 139. 15 апреля. С. 9. Включено в кн.: Петербург в стихотворениях русских поэтов / Под ред. и со вступ. ст. Глеба Алексеева. Берлин: Север, 1923. С. 33; Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 102. *Сани в смерть подвигаются* – Обыгрывание значения старинного оборота «садиться в сани» – приближаться к смерти, широко известного, например, из «Поучения» Владимира Мономаха, которое открывается этим образом: «Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил».
- С. 176. <9>. **Смерть Николая I.** С. 48–49. ... *Император умирал* – Николая I не стало 18 февраля (2 марта) 1855 г. *Сын-Цесаревич / К его руке приник* – Будущий император Александр II (1818–1881; годы царствования: 1855–1881). «*Позвать Цесаревича-внука ~ поцелуй меня*» – Речь идет о Николае Александровиче Романове (1843–1865), старшем сыне Александра II (домашнее прозвище Никс). «... *Ты крепишься, Муффи ~ Молчите про Севастополь!..*» – Ср. в «Декабристах» (сцена у постели умирающего Николая I):

Императрица предложила ему прочесть письма сыновей из Севастополя. «Нет, Муффи, я теперь далек от всего этого», – ответил царь. Он хотел забыть о земном (С. 387).

В Сибири

- С. 177. 1. **Лепарский.** С. 50–52. Это стихотворение отмечено как удачное в рецензии В. Вейдле на сборник Цетлина (Современные записки. 1939. № 69. С. 382–383). *Станислав Романович Лепарский (1754–1837)*, обрусевший поляк, генерал, командир Северского конно-егерского полка. После выхода в отставку был в 1826 г. назначен комендантом Нерчинского рудника, куда были сосланы декабристы (Цетлин посвящает Лепарскому значительный фрагмент в романе «Декабристы», ч. III, гл. «Чита»). *Как прилизаны гладко височки ~ молодится еще генерал* – Ср. в «Декабристах»: «Лепарский был еще бодрый старик, с тщательно зачесанными височками, с дряблыми пунцовыми щеками, молчаливый и хмурый» (С. 318); *пачули* – вид духов, приготавливаемых из ароматизированных масел, которые вырабатывают из растения погостемон пачули (*Pogostemon patchouly*), растущего в тропиках: Филиппинские острова, Ява, Суматра, Сингапур и др. «*Ну браните меня ~ Mesdames!*» – Ср. в «Декабристах»: «Он очень боялся дамских сцен и просил их, если уж нельзя не бранить его, то бранить по крайней мере по-французски, чтобы не компрометировать его перед подчиненными» (С. 320); *pour la grâce de Dieu, Mesdames!* – Ради

Божьей милости! (*франц.*)... *К госпоже обер-штейгерше Рик* – Жена офицера Рика, помощника Т.С. Бурнашева, начальника Нерчинского горного округа, куда входили Нерчинские копи и заводы; М. Рiku был поручен надзор за тюрьмою, в которой содержались декабристы. *И не Аннинскому кавалеру...* – т.е. неудостоенному ордена Св. Анны (орден, учрежденный 14 февраля 1735 г. герцогом Карлом Фридрихом Голштейн-Готторпским в память о супруге цесаревне Анне Петровне в день десятилетия их свадьбы; введен в Российской империи в 1742 г. их сыном вел. кн. Петром Феодоровичем (будущим Петром III); 5 апреля 1797 г. Павел I причислил его к российским орденам; имел четыре степени). ...*Бенкендорфы, Солоны, Ликурги...* – *Александр Христофорович Бенкендорф* (1783–1844), государственный деятель, граф, генерал от кавалерии (1832), инициатор создания и с 1826 г. шеф корпуса жандармов и главный начальник III-го отделения; *Солон* (между 640 и 635 – ок. 559 до н.э.), афинский архонт, проводил реформы, способствовавшие ускорению ликвидации пережитков родового строя; *Ликург*, легендарный спартанский законодатель 9–8 вв. до н.э.

С. 179. 2. **Из дневника Камиллы.** С. 53–54. *Камилла Петровна Ивашева* (урожд. Ле-Дантю; 1808–1839), дочь бежавшего из наполеоновской Франции коммерсанта Пьера Рене Ле-Дантю (см. коммент. к стих. «За роyleм»). В 1812 г. семья переселилась из Петербурга в Симбирск. Мать Камиллы Мари-Сесиль Вобль (или Мария Петровна, как стали называть ее в России) поступила гувернанткой на службу в семью помещиков Ивашевых, в которой Камилла ребенком познакомилась с В.П. Ивашевым, будущим декабристом (см. коммент. к стих. «Базиль»). После ареста Ивашева, суда и приговора к 20 годам каторжных работ в Камилле проснулось девичье чувство влюбленности, и она через свою мать и его родителей предложила приехать к нему в Сибирь в качестве невесты. Ивашев, до этого задумавший побег с каторги, дал согласие, и это остановило его от безумного шага. В сентябре 1831 г. Камилла приехала в Петровский Завод, куда к этому времени были переведены арестанты-декабристы. В честь ее приезда А.И. Одоевский написал стихотворение «По дороге столбовой». Через неделю состоялась их свадьба. В романе «Декабристы» Цетлин в связи с судьбой В.П. Ивашева и его жены писал:

А перед самым концом пребывания декабристов в Чите <перед их переводом в Петровский завод в сентябре 1830 г.> получил известие о том, что у него нашлась невеста, Ивашев. Этой невестой оказалась тоже француженка <до этого речь шла о Полине Гебель, приехавшая к декабристу И.А. Анненкову>, молоденькая дочь гувернантки, служившей два года в их семье, Камилла

Le Dentu. Общепринятая версия этой истории такова: молодая девушка была уже давно влюблена в блестящего офицера, но не смела и мечтала о взаимности. После осуждения Ивашева она стала хиреть и чахнуть. Мать при виде болезненного состояния дочери стала допытываться, в чем дело и с трудом узнала о ее безнадежной любви. Она решилась раскрыть тайну этой любви родителям Ивашева, и те передали обо всем сыну. От него зависело принять или отвергнуть предложение девушки, готовой соединить с ним свою судьбу. Скептики не верили в эту историю. Завалишин злорадно подбирал все не говорящие в пользу невесты слухи: она просто делала выгодную партию, Ивашевы купили ее для сына за 50.000 рублей.

Правда не совпадала ни с красивой легендой, ни с злобной клеветой. Может быть, и действительно в ее детских отношениях с молодым и милым Basil'ем было увлечение с ее стороны; может быть, его пришлось выдумать, чтобы этой трогательной историей добиться разрешения начальства и сделать этот брак приемлемым для жениха. Камилла отнюдь не была экзальтированной натурой. Это была просто милая, трезвая, неглупая девушка, настоящая благородная француженка. В поступке ее была доля разумного расчета. Она с одной стороны вступала и даже не как равная, а как благодетельница и добрая фея в богатую и аристократическую семью, которой она и ее мать были многим обязаны. Но в то же время она становилась женою ссыльно-каторжного, отправлялась в далекую, ужасную страну и, может быть, невозвратно, т.е. значит все же была в ее поступке доля самопожертвования. Но и в расчете не было ничего дурного, – мало ли кто выходит замуж без страстной любви. Наоборот, было в этом браке что-то жизненно простое, и не так, как в легенде, а попросту, по-житейскому, хорошее и трогательное (С. 328–329).

- С. 180. 3. **Возвращенье**. С. 55–56. Впервые: Окно. 1923. № 2. С. 271–273 (под названием «Из Сибири»). *Басаргин возвращался из далекой Сибири – Николай Васильевич Басаргин* (1800–1861), декабрист, поручик лейб-гвардии Егерского полка, мемуарист, публицист; вернулся из Сибири в 1855 г., после смерти Николая I. *Там в Иркутске лежит Трубецкая ~ испытанием боли – Жена С.П. Трубецкого Екатерина Ивановна (урожд. Лаваль)*, 1800–1854, последовала за своим мужем в сибирскую ссылку; умерла в Иркутске. *Кюхельбекер, увы, не дождался славы ~ нелепый и узкий – В.К. Кюхельбекер умер 11 (23) августа 1846 г. в Тобольске, похоронен на Завальном кладбище. И на том же кладбище ~ покоится тоже – Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович (Бернгардович) Вольф* (1796? 1797?–1854), декабрист, член Южного общества; штаб-лекарь при главной квартире 2-й армии. *А Ивашевы, близкие сердцу, родные ~ мой Вася – См. коммент. к стих. «За роялем», «Базиль», «Из дневника Камиллы»*; В.П. Ивашева умер ровно через год после своей жены, которой не стало 30 декабря 1839 г.: незадолго до этого она сильно простудилась, у нее произошли преждевременные роды – ни мать, ни ребенка спасти не удалось.

С. 181. **Ключ свободы.** С. 57. «...*Ce sont mes amis du Quatorze!*» – ‘Это мои друзья декабристы’ (досл.: «друзья 14 <декабря >», *франц.*), ср. в «Декабристах»: «Почему не послушался он советов своих “друзей” декабристов, тех, которых он называл “mes amis du quatorze” – Рылеева, Каховского, Бестужева?» (С. 387). *C’etaient ses amis du Quatorze!* – ‘Это были его <народа> друзья – декабристы’ (досл.: «друзья 14 <декабря >», *франц.*). *Ce seront ses amis du Quatorze!* – ‘Это будут его друзья – декабристы’ (досл.: «друзья 14 <декабря>», *франц.*).

МАЛЫЙ ДАР

Книга стихов «Малый дар», которую Цетлин собрал в основном из своих прежних стихов и которая поэтому мыслилась как книга «Избранной лирики», отражающая творческий путь поэта, издана при его жизни не была и осталась в рукописи. Многие годы эта рукопись хранилась у дочери поэта А. Цетлин-Доминик, пока наконец в 1993 г. московское издательстве «Праминко» не выпустило ее в свет. В кратком предисловии к этому изданию А. Цетлин-Доминик вспоминала, что после бегства из Парижа от оккупировавших его немцев и живя на юге Франции, она в феврале 1941 г.

получила от отца по почте тетрадь с его стихами. Этот сборник он составил и отпечатал сам, а моя мать исправила отпечатки. Посылая свои стихи, мой отец надеялся, что в будущем я смогу их издать. В конце тетради он сделал приписку о том, что к стихам, отпечатанным в тетради, ему хотелось добавить стихи, посвященные декабристам, и переводы.

Я не расставалась с этой тетрадью, – продолжает она, – ни во время войны, ни после, хотя мне приходилось очень часто менять место жительства. С отцом я больше не увиделась. Он умер в Нью-Йорке 10 ноября, и только сейчас, в 1993 году, у меня появилась возможность издать в Москве стихи Амари¹.

«Малый дар» представляет собой не только своего рода итоговую книгу, куда поэт отобрал и включил наиболее удавшиеся, на его взгляд, тексты из предыдущих сборников. Поскольку последний из них, «Прозрачные тени», вышел в 1920 г., ряд вошедших в «Малый дар» стихотворений известен только по публикациям в труднодоступных эмигрантских периодических изданиях, а некоторые из них вообще никогда не печат

¹ *Амари (М. Цетлин)*. Малый Дар. М.: Праминко, 1993. С. 5.

тались. Поэтому последняя книга Амари-Цетлина является не только изданием *избранным*, но и *расширенным* по составу по сравнению со всеми предыдущими. Кроме того, в «Малом даре» ощущается воля автора к усовершенствованию старых стихотворений как за счет шлифовки поэтической стилистики и придания ей большей выразительности, так и путем нового структурирования уже известного поэтического материала (например, объединение четырех стихотворений, включенных в «Прозрачные тени» и связанных общей темой возвращения автора в Россию после Февральской революции – «Не все ли равно мне, где жить и томиться...», «И вот опять, и вот опять мы здесь, в Москве, с тобой...», «Я вижу твоё искаженное страстью лицо...» и «Не в светлый год, а в скорбный год...» – в единый цикл «Возвращение» или еще более выразительный случай: появление цикла «Путевые акварели», собранного как из стихов, помещенных в разных сборниках, так и из новых, специально, как видно, для него написанных).

«Малый дар», основная текстовая масса которого составлена из стихотворений, известных по предыдущим сборникам поэта, естественно, не включен в наше издание в целостном виде. Из него отобраны лишь те стихотворения, которые появились в нем впервые.

К сожалению, сборник как следует не вычитан: помимо частых опечаток, в нем встречаются даже повторы одних и тех же стихотворений, как, например, «Тот, кто видел мир сквозь слезы...», которое появляется сначала как отдельное (С. 58), а затем в составе цикла «Песни» («Песня 2». С. 94).

С. 185. **Капля сургуча (рондель)**. С. 25. Впервые: Окно. 1923. № 1. С. 80. О *ронделе* см. в коммент. к стих. «Рондель» (сб. «Прозрачные тени. Образы». С. 19).

С. 185. **Паутинка**. С. 42. Впервые: Окно. 1924. № 3. С. 339–340. Включено в антологию зарубежной поэзии «Якорь» (Берлин: Петрополис, 1935. С. 46).

С. 186. **После дождя**. С. 48. Впервые: Там же. С. 340.

С. 186. **Надпись на книге стихов**. С. 49. Впервые: Там же. С. 339.

С. 186. **«У Тютчева участь слагать свой стих...»** С. 50. В «Новом журнале» (1942. № 1. С. 176) напечатана иная редакция этого стихотворения:

По тютчевскому la свой выверяя стих
(Как музыкант порой подносит скрипку к уху),

По Баратынскому, вникая в тайны их,
Мы знаем: трудно быть им близкими по духу.

Но если иногда с красивой простотой
Звучат наши стихи на *нетяжелой* лире,
Мы отраженною, их лунной красотой
Обязаны тому, что они были в мире.

Что голос тот глухой, глубокий не затих
С тех пор, как среди мхов и скал дубровы финской
Слова молитв своих, тяжелых и литых,
Твердил впервые Баратынский.

И Тютчев из волшебного ковша
Пил ток ночной и звездной боли,
Чтоб звук, которого уж боле,
Не будет в мире – издала душа.

Песнь зазвучит на нетяжелой лире – Аллюзия на сборник В. Ходасевича «Тяжелая лира» (1922), который получил свое название от включенного в него стихотворения «Баллада» (1921): «И кто-то тяжелую лиру / Мне в руки сквозь ветер дает».

- С. 187. **Молодость**. С. 51. Впервые: Окно. 1924. № 3. С. 340 (в комментариях к МД: 150 ошибочно утверждается, что «в сборниках и журналах этого стихотворения нет»).
- С. 187. **«Старость, крадучись, приходит...»** С. 52. Впервые: Новый дом. 1926. № 2. С. 5 с разночтением в первом стихе: «Старость медленно приходит».
- С. 188. **«Как странно полиняли...»** С. 53. Впервые: Новый журнал. 1942. № 1. С. 175.
- Vita somnium**. С. 54–56. Впервые: Современные записки. 1927. № 32. С. 141–142. *Vita somnium* – Сонная жизнь (*лат.*). По неверному утверждению комментатора, «этот цикл существует только в рукописи 1941 года. <...> Стихи публиковались разрозненно в периодических изданиях» (МД: 151).
- С. 189. 1. **«Жадно пей, полней и слаще...»** С. 54. Там же. 141.
- С. 189. 2. **«Эта сонь, да тишь, да дрема...»** С. 54–55. Там же. 141–142.
- С. 190. 3. **«Желай – не желай – не оставишь навеки...»** С. 56. Там же. 142.

- С. 190. «**Останься в памяти навеки...**» С. 57. Впервые: Современные записки. 1928. № 34. С. 221.
- С. 191. «**Тот, кто видел мир сквозь слезы...**» С. 58. Впервые: Новый журнал. 1942. № 1. С. 175.
- С. 192. **Молитва**. С. 59. Впервые: Современные записки. 1928. № 34. С. 222. В первопубликации в 3-й строфе последний стих: «Поля и веси напоят».
- С. 192. **Биче**. С. 67. *Биче* – Беатриче Портинари (Beatrice Portinari, наст. имя: Vice di Folco Portinari; 1266–1290), тайная возлюбленная и «муза» Данте Алигьери (Dante Alighieri; 1265–1321). *Фероньера* (фероньер, фероньерка) – женское украшение в виде обруча, ленты или цепочки с драгоценными камнями, жемчужиной или розеткой из камней разного цвета, надеваемое на лоб, закрепленное с помощью шнура в приче-ске.
- С. 192. **Нормандия**. С. 73 – в составе цикла «Путевые акварели». Впер-вые: Новый журнал. 1992. № 186. С. 15.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

- С. 194. 1. **Из Рильке** («Господь, пора! Окончен летний день...»). С. 89.
- С. 194. 2. **Из Рильке** («О, как я знал, что значит расставанье...»). С. 89.
- С. 194. 3. **Ангелы (Из Рильке)**. С. 90. Впервые: Дни (Берлин). 1923. № 75. 28 января. С. 11.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ В «ИЗБРАННОЕ»

- С. 195. **Август**. С. 91. Впервые: Окно. 1923. № 1. С. 79, под заглавием «В августе».
- С. 196. **Светлячок**. С. 92–93. Впервые: Современные записки. 1940. № 70. С. 121–122. В первопубликации в первом трехстишии 4-й строфы имеются разночтения:

Червячок, горящий летом
Тихим светом и теплом
И подобный тем поэтам...

Из цикла «Песни»

- С. 197. **Песнь 1** («На мгновение нам даны...»). С. 94. Впервые: Новое русское слово. 1941. № 10354. 15 июня. С. 8.
- С. 198. **Песня 3** («Твоей увядшей красоты...»). С. 95.
- С. 199. **«Предутренняя свежесть...»** С. 96. Впервые: Современные записки. 1920. № 1. С. 66.
- С. 199. **Поликрат**. С. 97. Впервые: Новый дом. 1926. № 2. С. 6. Написано по мотивам широко известного сюжета, изложенного в 3-й книге «Истории» Геродота, о судьбе Поликрата, владетеля острова Самос: постоянное возвращение перстня его владельцу, как бы он ни старался от него избавиться, воспринимается как божественное знамение близкой смерти, что вскорости и сбывается: мучительная смерть настигает Поликрата. В русской литературе этот сюжет известен по балладе В. Жуковского «Поликратов перстень» (1831), представляющей собой перевод одноименной баллады Ф. Шиллера. См. также стихотворение «Кубок вод» (сб. «Лирика»).
- С. 200. **Театр войны**. С. 98.
- С. 201. **Вечер**. С. 99. Впервые: Окно. 1923. № 1. С. 78 (из-за опечаток в книжном варианте стихотворение печатается по первопубликации).
- С. 201. **Граф Калиостро**. С. 100. Впервые: Новоселье. 1942. № 1. С. 37–38. *Алессандро Калиостро* (Alessandro Cagliostro) (наст. имя Джузеппе Бальзамо [Giuseppe Balsamo]; 1743–1795), знаменитый итальянский алхимик, мистик, гипнотизер и авантюрист. «Гелион, Мелион, Тетраграм<м>атон» – Два первых «мистических» заклинания Калиостро, скорее всего, ничего не обозначают, последнее (от греч. ‘тетра’ – четыре и ‘грамма’ – буква) – в иудейской традиции четырехбуквенное произносимое имя Б-га, ср. одноименную главу в повести «Граф Калиостро» (1925) писателя-эмигранта, члена масонской ложи И. Лукаша. *Мистагог* – древнегреческий жрец; прорицатель, мудрец. Следует отметить, что Цетлин находился в тесном контакте с А.Н. Толстым, когда тот, живя в 1919 г. в Одессе, начал работать над повестью «Граф Калиостро» (в первопубликации «Лунная сырость», 1921).
- С. 202. **Казанова**. С. 101. Впервые: Новоселье. 1942. № 1. С. 38. *Джакомо Джироламо Казанова* (Giacomo Girolamo Casanova) (1725–1798), известный итальянский авантюрист, путешественник, писатель.

- С. 202. **Разговор (Из Поля Валери)**. С. 102–103. Впервые: Новоселье. 1942. № 6. С. 40–41.
- С. 204. **«Вам суждено из своего стакана...»** С. 104. С поэтом, критиком, художником, переводчиком *Максимилианом Александровичем Волошиным* (1877–1932) Цетлина связывала долгая и крепкая дружба, см. его очерк «Максимилиан Волошин», приведенный к приложению к наст. изд. *Триклиний* (лат. triclinium) – помещение для трапезы в древнеримском доме.
- С. 205. **Американке**. С. 105. Впервые: Новое русское слово. 1941. № 10354. 15 июня. С. 8, под названием «В альбом Иоланте»; перепеч.: Новый журнал. 1992. № 186. С. 16.

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ

- С. 209. **Осенью**. Современный мир. 1913. № 3. С. 26.
- С. 209. **«Одна звезда упала...»**. Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 13.
- С. 210. **Журфиксы в ссылке (Из поэмы «Декабристы»)** . Там же. С. 14–15. *Нонушка Муравьева* – домашнее имя Софьи (1829–1892), дочери декабриста Никиты Михайловича (1796–1843) и последовавшей за мужем в ссылку Александры Григорьевны (1804–1832) Муравьевых; родилась в Сибири, после смерти родителей осталась сиротой; впоследствии вышла замуж за Михаила Илларионовича Бибикова, племянника декабриста Матвея Муравьева-Апостола. *А ты, Катюша, Послушай!* ~ *Французженка* – Речь идет о Екатерине Ивановне Трубецкой, жене декабриста Сергея Петровича Трубецкого, см. о ней в коммент. к стихотворению «Возвращенье» (сб. «Кровь на снегу»); тема французских «русских женщин» занимала Амари-Цетлина задолго до разговора, о котором вспоминает Н. Берберова (состоялся в парижском кафе Мюрат и, стало быть, мог происходить гораздо позднее написания и публикации этих стихов):

– Михаил Осипович, – сказала я вдруг, давая волю своей нелюбви к Некрасову, – а ведь женщины-то были французские!
Он нахмурился.

– Анненкова и Трубецкая. И Камилла Ивашева. Одна только Волконская – русская была.

Он был недоволен, ничего не ответил и перевел разговор (*Берберова Н. М. О. Цетлин // Новый журнал. 1950. № 24. С. 211*).

Визинка – Наталья Дмитриевна Фон-Визина (урожд. Апухтина; 1803–1869), жена декабриста Михаила Александровича Фон-Визина (1787–1854); после смерти мужа вторично вышла замуж за декабриста И.И. Пущина. *И Лизхен, Лизанька! ~ Белое бальное платье* – Елизавета Петровна Нарышкина (урожд. Коновницына; 1801–1867), жена декабриста Михаила Михайловича Нарышкина (1798–1863), отправившаяся за ним в ссылку. *Завалишин считает лишним ~ А он плебей, народ!* – Дмитрий Иринархович Завалишин (1804–1892) формально декабристом не являлся, а в момент восстания и вовсе отсутствовал в Санкт-Петербурге; тем не менее разделял взгляды декабристов и был близок к ним; после первых допросов был освобожден, но вскоре, в марте 1826 г., вновь арестован, судим и сослан в Сибирь. *Ивашев пришел во фраке ~ Болтать, говорить, отвечать* – О декабристе Василии Петровиче Ивашеве см. коммент. к стихотворению «Басиль» (сб. «Кровь на снегу»).

С. 211. **Семисвечник.** Еврейский мир. Кн. 1. М.: Еврейский мир, 1918. С. 201–202. *Семисвечник* – золотой семиствольный светильник (семисвечник), один из сакральных символов иудаизма, см. комментарии к поэме «Айседора» (сб. «Лирика»). *Десять заповедей мезузы* – Мезуза – коробочка, прикрепляемая к дверному косяку в еврейском доме и содержащая в себе слова молитвы из Библии (книга Шма – Втор. 6: 4–9 и 11: 13–21); Цетлин совершает ошибку, полагая, что внутри мезузы содержатся 10 заповедей, согласно Библии, провозглашенные Богом на горе Синай и начертанные им на каменных скрижалях завета. *Морейр* (ашкеназское произношение от марор, *иврит*) – горькая трава, как один из элементов еврейской пасхальной трапезы, символизирующая горечь египетского плена. *Брейшис* (ашкеназское произношение от брешит – ‘вначале’, *иврит*) – Первая фраза Библии: «Вначале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1: 1).

С. 213. **Памяти Мицкевича.** Там же. С. 203. *Адам Мицкевич* (1798–1855), польский национальный поэт, деятель освободительного движения. Стихотворение, написанное в годы Первой мировой войны, рисует трагедию еврейского народа, оказавшегося между молотом русского правительства, считавшего евреев пособниками врага и выселявшего их из прифронтовой полосы, в особенности из Галиции, и наковальной

польского национализма. Бедлам (от *англ.* Bedlam (Bethlehem) – Вифлеем) – так первоначально называлась лондонская больница Марии Вифлеемской (впоследствии дом для душевно больных); в переносном смысле – «сумасшедший дом», хаос, беспорядок, сумятица. *Вавель* (Wawel) – холм и архитектурный комплекс в Кракове на берегу Вислы, на котором находится Вавельский замок; в 1890 г. здесь был захоронен прах Мицкевича.

С. 214. **Летом.** Зеленая палочка. 1920. № 2 (16–31 октября). С. 11.

С. 215. **Тост (За артистов Художественного театра).** Последние новости. 1922. № 823. 24 декабря. С. 2. 16 декабря 1922 г. «русский Париж» чествовал в доме Цетлиных приехавший на заграничные гастроли МХАТ. К.Д. Бальмонт, рассказывая об этом событии в письме к Д. Шаховской от 17 декабря 1922 г., писал:

Милая, я совсем распадаюсь после вчерашнего чествования художественников у Цетлиных. Было человек пятьдесят-семьдесят. Нарядно, пышно. Ужин был отменный, вина превосходные, шампанское пили как воду. Я говорил первым после <Н.В.> Чайковского. Потом говорили Милуков, Куприн, Потресов, Станиславский, по моему настоянию, Жалю. Мне многие сказали, что я говорил лучше всех. Я начал со своей чайки, летавшей в России раньше, чем чайка Чехова, ставшая гербом Художественного Театра. Говорил о том, что мы не можем вызывать в памяти художественников, не вспоминая собственную юность. И о том, что Станиславский – воля, которая умеет достигать и, что радостно, пройдя всю дорогу до цели, вспомнить звук своих шагов в апреле (Письма К.Д. Бальмонта Д. Шаховской / Публ. Ж. Шерона // Новый журнал. 1989. № 176. С. 222–223).

О том же событии свидетельствует запись в дневнике В.Н. Буниной от 18 декабря 1922 г., интересная в том числе и с точки зрения комментирующего замечания к поведению и речи Бальмонта на этом вечере:

Встреча с «художественниками» удалась как нельзя лучше. Все было хорошо, если не считать того, что Бальмонт напился и дважды сказал бестактную речь – сначала на тему, что он первый создал «Чайку», а потом что-то насчет актера (Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 3 томах. Т. 2 / Под ред. М. Грин. Frankfurt/Main, 1981. С. 102).

Чествование МХАТа воплотилось у Цетлина в данное стихотворение. Перечислены ведущие актеры и актрисы, основатели МХАТа: *Ольга Леонардовна Книппер-Чехова* (1868–1959); *Мария Петровна Лилина* (наст. фам. Перевощикова; в замуж. Алексеева; 1866–1943), имеются в виду ее роли в чеховских пьесах: Ани в «Вишневом саде», Сони в «Дяде Ване» и Маши в «Чайке»; *Василий Васильевич Лужский* (наст.

фам. Калужский; 1869–1931), речь идет о его ролях – Шуйского в спектакле «Царь Федор Иоаннович» А.К. Толстого и Фокерата в «Одиноких» Г. Гауптмана; *Александр Леонидович Вишневецкий* (наст. фам. Вишневецкий; 1861–1943), в шекспировском «Юлии Цезаре» он сыграл роль Марка Антония; *Иван Михайлович Москвин* (1874–1946), говорится о сыгранных им ролях царя Федора Иоанновича в одноименном спектакле А.К. Толстого и горьковского Луки («На дне»); *Леонид Миронович Леонидов* (наст. фам. Вельфензон; 1873–1941); *Георгий Сергеевич Бурджалов* (наст. фам. Бурджалян; 1869–1924); *Василий Иванович Качалов* (наст. фам. Шверубович; 1875–1948); Лидия Михайловна Коренева (1885–1983); *Константин Сергеевич Станиславский* (наст. фам. Алексеев; 1863–1938).

С. 216. **Саше**. Окно. 1923. № 2. С. 118. В составе трехчастного цикла (второе стихотворение) «“Первая любовь” (Из цикла “Декабристы”)»; первое стихотворение – «Приезд» – включено в сборник «Кровь на снегу». *Саше* – ароматическая подушечка, наполненная смесью душистых веществ.

С. 217. **Снег**. (Как последняя, третья, часть цикла.) Там же. С. 119.

С. 218. **Гусеница**. Новый журнал. 1942. № 3. С. 163–164.

С. 218. «**Что я унесу в своем сердце и с чем я уйду...**» Там же. С. 164.

«ПОРТУГАЛЬСКИЕ СОНЕТЫ» ЕЛИЗАВЕТЫ БАРРЭТ БРАУНИНГ 1956

Книга переводов (совместно с И. Астровым) «Португальских сонетов» английской поэтессы Елизаветы Баррэт Браунинг (Browning) (урожд. Моултон [Moulton]; 1806–1861) увидела свет, когда Цетлина давно уже не было в живых (Нью-Йорк, 1956). Впервые «Sonnets from the Portuguese» были изданы поэтессой в 1850 г., и к моменту появления их русских переводов минуло сто лет. Составляющие книгу сорок четыре сонета представляют собой образец мечтательно-любовной лирики, к которой зрелый Амари-Цетлин всегда испытывал внутреннюю тематическую и тональную тягу. М. Форштетер в отзыве на перевод «Португальских сонетов» на французский язык швейцарским поэтом и прозаиком М. Сандозом характеризовал их как

романтический венок, не раз пленявший воображение поэтов всего мира. Своеобразное сочетание пламенной любви – более нежной, чем чувственной, но все же проникнутой горячим дыханием страсти – с каким-то, почти мистическим, ощущением природы, отражение Космоса в кристальной влаге то радостных, то грустных слез, придают этим стихам напряженную, немного вычурную прелесть. В прелести этой, впрочем, есть и доля чисто женского (бессознательного) лукавства. Сорок четыре сонета, посвященные Елизаветой Баррет ее рыцарскому поклоннику, знаменитому Роберту Броунингу <так> (ставшему ее мужем), возвеличивая любимого, невольно превозносят и любящую¹...

Возможным дополнительным стимулом для Цетлина как переводчика послужило то обстоятельство, что высоко ценимый и почитаемый им Рильке перевел все без исключения «Португальские сонеты» Браунинг на немецкий язык. Как уже отмечалось в послесловии, замысел Цетлина издать переводы английской поэтессы относится к давнему времени, к эпохе его первой парижской эмиграции, когда им было создано издательство «Зерна». Тогда этому замыслу не суждено было воплотиться.

Г.В. Адамович, написавший к книге переводов Цетлина и Астрова предисловие, обращал внимание на допущенные вольности, которые, по его мнению, были, с одной стороны, вынужденной данью несовместимости законов и феноменов английского и русского языков, а с другой, выражали совершенно сознательную волю переводчиков:

За дословной верностью тексту переводчики, по-видимому, вообще не гнались, не останавливаясь перед отступлениями, — говорилось в предисловии. — Надо, правда, сказать, что переложение «Португальских сонетов» на русский язык — дело исключительно трудное: наша речь привыкла к большей конкретности, и в этом безбрежном разливе восторженной и призрачной протестантской мечтательности ей как-то не по себе. Но перевод стихов именно стихами — русская литературная традиция, установленная еще Жуковским, и, переложив на русский язык один из выдающихся памятников английской поэзии прошлого века, Михаил Цетлин и Игорь Астров оказались этой традиции верны и заслужили особую благодарность всех тех, кому в подлиннике сонеты Елизаветы Баррэт-Браунинг недоступны².

Книга построена по принципу «параллельных текстов»: на нечетных страницах напечатаны стихи Е. Браунинг по-английски, на четных – пере-

¹ *Форитетер М.* Морис Сандоз: (Имитация «Португальских сонетов» Елизаветы Баррет-Броунинг (Женева)) // Русская мысль. 1958. № 1175. 18 февраля. С. 5.

² *Адамович Георгий.* Предисловие // Португальские сонеты. Елизавета Баррэт Браунинг. New York, 1956. С. 7.

воды Цетлина и Астрова. Таким образом читатель получает возможность соотнести оригинал с переводом.

В рецензии Ю. Терапиано отмечалось, что переводчики «в общем, успешно справились со своей нелегкой задачей», хотя

им пришлось, конечно, пожертвовать многим — прежде всего абсолютной близостью к подлиннику как в смысле размера, так и в отношении дословности перевода.

По словам рецензента, стремясь «главным образом сохранить самое важное, т.е. дух каждого сонета, общую его эмоциональную атмосферу, смысл главнейших образов», переводчики не держались буквалистской линии, а искали свободных эквивалентов

с целью яснее передать своеобразный, сложный, порой даже прихотливый, насыщенный религиозными отвлечениями и восторженностью текст подлинника¹.

Упомянувшийся выше М. Форштетер, касаясь переводов «Португальских сонетов» Цетлиным и Астровым, отмечал их точность и бережность, а предисловие Г. Адамовича оценивал как «прекрасное»².

В дальнейшем название (первый стих) русского перевода сопровождается начальной строкой английского оригинала.

- С. 221. **1. «В мечтанья погруженная однажды...»** («I thought once now Theocritus had sung...»). С. 8.
- С. 221. **2. «И только трое в целом Божьем свете...»** (But only three in all God's universe...). С. 11.
- С. 222. **3. «О сердце, что горишь во мраке бессердечий...»** («Unlike are we, unlike, O princely Heart!...») С. 13. (Вариант: «О сердце царственное, мы с тобой...» С. 96.)
- С. 222. **4. «Великосветской музы слыша зов...»** («Thou hast thy calling to some palace-floor...»). С. 15.
- С. 223. **5. «Я сердце тяжкое подъямлю к небесам...»** («I lift my heart up solemnly...»). С. 17.

---

¹ Опыты. 1957. № 8. С. 133.

² Русская мысль. 1958. № 1175. 18 февраля. С. 5.

- C. 223. 6. «Хотя бы ты ушел, мне суждено судьбою...» («Go from me. Yet I feel that I shall stand...»). С. 19. (Вариант: «Уйди! Но я тебя не позабуду...»). С. 96.)
- C. 224. 7. «Лик мира словно изменился весь...» («The face of all the world is changed, I think...»). С. 21.
- C. 224. 8. «За золото и пурпур твоего...» («What can I give thee back, O liberal...»). С. 23.
- C. 225. 9. «Что дать тебе могу? Одни страдания...» («Can it be right to give what I can give?...»). С. 25.
- C. 225. 10. «Но каждая любовь ведь хороша...» («Yet, love, mere love, is beautiful indeed...»). С. 27.
- C. 226. 11. «И если есть в любви заслуга, неужели...» («And therefore if to love can be desert...»). С. 29.
- C. 226. 12. «Любовь, которой я горжусь глубинно...» («Indeed this very love which is my boast...»). С. 31.
- C. 227. 13. «Ты хочешь, чтоб я выразить сумела...» («And with thou have me fashcion into speech...»). С. 33.
- C. 227. 14. «Коль любишь ты меня, люби за самоё...» («If thou must love me, let it be for nought...»). С. 35.
- C. 228. 15. «Не обвиняй меня, что я чужда веселью...» («Acuse me not, beseech thee, that I wear...»). С. 37.
- C. 228. 16. «Но потому что ты, все благородней...» («And yet because thou overcomest so...»). С. 39.
- C. 229. 17. «Певец, тебе открыта тайна звука...» («My poet, thou canst touch on all the notes...»). С. 41.
- C. 229. 18. «Я никому еще своих волос...» («I never gave a lock of hair away...»). С. 43.
- C. 230. 19. «Ты на Рияльто помнишь торг базара?...» («The soul's Rialto hath its merchandise...»). С. 45.
- C. 230. 20. «Любимый, вечный мой, чем больше думаю...» («Beloved, my Beloved, when I think...»). С. 47.
- C. 231. 21. «Скажи еще и снова повтори...» («Say over again, and yet once over again...»). С. 49.

- C. 231. **22.** «**Когда лицом к лицу, исполненные силы...**» («When our two souls stand up erect and strong...»). С. 51.
- C. 232. **23.** «**О неужели, если я умру...**» («Is it indeed so? I lay here dead...»). С. 53.
- C. 232. **24.** «**Пусть резкость мира (не складной ли ножик?)...**» («Let the world's sharpness, like a clasping knife...»). С. 55.
- C. 233. **25.** «**Я сердце, как тяжелый груз, несла...**» («A heavy heart, Beloved, have I borne...»). С. 57.
- C. 233. **26.** «**Жила я долго в мире сновидений...**» («I lived with visions for my company...»). С. 59.
- C. 234. **27.** «**Любимый мой, тобою дух мой поднят...**» («My own Beloved, who hast lifted me...»). С. 61.
- C. 234. **28.** «**О пачка писем мертвая, немая...**» («My letters all dead paper, mute and white...»). С. 63.
- C. 235. **29.** «**Я о тебе все думаю, и мысли...**» («I think of thee! – my thoughts do twine and bud...»). С. 65.
- C. 235. **30.** «**Я вижу образ твой сквозь слезы ночью...**» («I see thine image through my tears to-night...»). С. 67.
- C. 236. **31.** «**Когда ты здесь – все сказано без слов...**» («Thou comest! all is said without a word...»). С. 69.
- C. 236. **32.** «**Заря чуть занялась, вслед за твоею клятвою...**» («The first time that the sun rose on thine oath...»). С. 71.
- C. 237. **33.** «**Да, этим прозвищем зови меня и ты...**» («Yes, call me by my pet-name! let me hear...»). С. 73.
- C. 237. **34.** «**Я обещала, что тебе отвечу...**» («With the same heart, I'll answer thee...»). С. 75.
- C. 238. **35.** «**Коль всё покину для тебя, взамен...**» («If I leave all for thee, with thou exchange...»). С. 77.
- C. 238. **36.** «**Кто б угадал при нашей первой встрече...**» («When we met first and loved, I did not build...»). С. 79.
- C. 239. **37.** «**Прости, что я божественного сходства...**» («Pardon, oh, pardon, that my soul should make...»). С. 81.
- C. 239. **38.** «**Когда впервые он поцеловал меня...**» («First time he kissed me, he but only kissed...»). С. 83.

- С. 240. **39.** «Тебе дано, как Божья благодать...» («Because thou hast the power and own'st the grace...»). С. 85.
- С. 240. **40.** «О да! Речь о любви разносится повсюду...» («Oh, yes! they love through all this world of ours!..»). С. 87.
- С. 241. **41.** «От всей души благодарю те души...» («I thank all who have loved me in their hearts...»). С. 89.
- С. 241. **42.** «“Меж будущим и прошлым нету связи”...» («“My future will not copy fair my past”...»). С. 91.
- С. 242. **43.** «Как я люблю тебя? Всё глубже шире, выше...» («How do I love thee? Let me count the ways...»). С. 93.
- С. 242. **44.** «Любимый! ты мне приносил цветы...» («Beloved, thou hast brought me many flowers...»). С. 95.

ПЕРЕВОДЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ

- С. 244. **Из Суинберна** (Хор из «Атланты в Калидоне»). Понедельник (Москва). 1918. № 10. 6 мая (23 апреля). С. 2.
- С. 245. **Из Шарля Пэги. Париж – боевой корабль.** Понедельник (Москва). 1918. № 15. 10 июня (28 мая). С. 2.
- С. 246. **Из Wordsworth’a. Сонет** (Написан близ Дувра в день возвращения). Понедельник (Москва). 1918. № 18. 1 июля (18 июня). С. 3.
- С. 247. **<Из Х.-Н. Бялика>. Перед закатом.** Еврейская Антология: Сборник молодой еврейской поэзии / Под ред. В.Ф. Ходасевича и Л.Б. Яффе; предисл. М.О. Гершензона. М.: Изд-во «Сафрут», 1918. С. 33. Включено в кн.: *Бялик Хаим-Нахман. Стихи и поэмы* / Сост. М. Шкловская, З. Копельман. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1994. С. 90–91.
- С. 248. **Танцовщица испанка (Из Р.М. Рильке).** Дни (Берлин). 1923. № 63. 14 января. С. 13.

DUBIA

Текст стихотворения, составившего этот раздел книги, был найден составителем в израильском архиве П.М. Рутенберга, вошедшего в историю России и одновременно в израильскую историю. Российский период в биографии Пинхаса (Петра) Моисеевича Рутенберга (1878–1942) известен тем, что 9 января 1905 г. он, живя в Петербурге, принимал участие в руководимом Гапоном шествии к царю с целью вручить ему петицию, где излагались народные просьбы и жалобы. Этот день, когда массовая манифестация была встречена ружейными залпами, вошел в историю России как «кровавое воскресенье». Спустя без малого полтора десятилетия Рутенберг, бежав из большевистской России, приехал в Палестину и стал там основателем электрической компании¹. Являясь, как и Цетлин, членом партии эсеров, Рутенберг был близко с ним знаком с российских времен. В его архиве сохранились цетлинские письма к нему. Листок с отпечатанным на машинке стихотворением «Не по вкусу мне и по нраву...» хранится в том же архиве (Archives of the Electric Company, Haifa, Israel).

Текст этого стихотворения и в ритмическом и смысловом отношении, почти без сомнения, представляет собой ответ на известные стихи М.И. Цветаевой «Хвала богатым» (1922). Приведем для сравнения цветаевский «источник»:

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

---

¹ См. о нем в кн.: *Хазан Владимир*. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2-х томах. Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры <2008>.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны – всегда с нарочным!
За их страсти – всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в вагах,
Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну – и трачу!)
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой-то их взгляд собачий

Сомневающийся...
  – не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет – такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный насмерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы –
Да»...

  За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я – брат был»...
Присягаю: люблю богатых!

Целый ряд признаков свидетельствует о том, что «Не по вкусу мне и по нраву» представляет прямой выпад в адрес цветаевских стихов. Не говоря уже о прямых – без обиняков – рефлексиях типа первой строфы: «Не по вкусу мне и по нраву <...> / оспаривать чье-то право / Иронически петь богатых», автор пытается ассоциативно-парафрастически, через парящего в небе лебедя, передать ощущение цветаевской поэзии, мобилизуя для этой цели глубоко внедренный в сознание эмиграции об-

раз *лебединого стана* (так называлась неизданная, но широко известная книга стихов поэтессы о Белой гвардии). Анонимный оппонент Цветаевой, безусловно, намеренно имитирует ритмический пульс ее стихов и финиширует евангельской заповедью («Не судите, да не судимы будете» Матф. 7, 1) – в тон и в пику ее строчкам: «Есть такая дурная басня: Как верблюды в иглу пролезли», намекающим на слова Христа о том, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Матф. 19, 24). «Ответ» приведен в количественное единообразии с «оспариваемым текстом»: в нем столько же стихов – 10 строф, 40 строчек, – что и у Цветаевой.

Кто написал этот текст – неизвестно. Хозяин архива инженер Рутенберг, который хотя и имел литературное окружение и дружил со многими знаменитыми русскими писателями – М. Горьким, Л. Андреевым, О. Дымовым, близко знал А. Толстого (к этому кругу можно добавить менее громкие имена русских литераторов: В. Жаботинского, Б. Савинкова, А. Дикгофа-Деренталя, С. Мстиславского и др.), хотя вел дневник, некоторые места которого отличаются вполне литературным и более того – пронзительным лирическим слогом, стихов, однако, не писал.

Есть все основания предположить, что из многочисленных корреспондентов Рутенберга именно личность и деятельность Цетлина заключают те «улики», которые указывают на него как на автора «ответа Цветаевой». Условия, которым отвечает при этом Цетлин, следующие: будучи по-настоящему богат, он абсолютно уверен, что этого не должно стыдиться («Духа творческого дыханье / И богатым тоже известно») звучит едва ли не как защита и оправдание собственного духовного и интеллектуального пути и собственных нравственных и художественных ценностей); способность выразить свою «обиду» и несогласие не прозаическим словом, а именно в стихах; представление об авторе-визави как о большом поэте («...взнесенный талантом смелым, / Голосисто, светло и звучно / В небе плавает лебедь белый») и абсолютная собственная поэтическая непретенциозность – в противном случае, следует думать, стихи давно стали бы достоянием общности.

Хотя, помимо этих гипотетических аргументов, нет никаких иных доказательств *реального* цетлинского авторства приведенного «ответа», его *возможный, потенциальный* характер представляется вполне допустимым. В этом смысле Амари-Цетлин опирался на духовную историю своей фамилии-рода, в которой проблемы собственно финансовые, торговые, промышленные были неотделимы от культурных, просветительских, образовательных, художественных. А те и другие, в свою очередь, сплетались с незыблемыми ценностями еврейской традиционной морали, по которой щедрость и альтруизм почитались столь же высоко, как идеи

равенства и свободы. В этой перспективе строчки о «разбитых копилках на свободную жизнь в надежде» из «ответа Цветаевой» резонировали с реальными политическими событиями, в которые оказалось вовлечено третье, революционное, поколение дома Высоцких. В этом смысле «ответ» звучал как рефлексивная защита своих – персональных, семейных, поколенческих, национальных, наконец, приоритетов и идеалов, которые были далеки одновременно как от универсальных стереотипов, так и от однозначных и зачастую несправедливых приговоров современников.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- Август («Брожу по улицам пустынным...») 195
Аист. *С венгерского* («Уже повеяло ранней весной...») 16
Айседора <поэма> («Сегодня пир, сегодня радость солнца...») 92
Американке («Ты мила, американка...») 205
Ангелы (3) (*Из Рильке*) («У них усталые уста...») 194
Анемоны («Ярки ситцы анемонов...») 87
«Ах, жизнь была разнообразной...» 109
«Ах, счастья, я счастья хочу...» (Вальс (Танцы, 2)) 79
- Базиль (Камилла, 2) («Базиль приехал странный, словно обновленный весь...») 151
«Базиль приехал странный, словно обновленный весь...» (Базиль (Камилла, 2)) 151
Барон Розен (14-ое декабря, 2) («Розен вел свою роту...») 158
«Басаргин возвращался из далекой Сибири...» (Возвращенье (В Сибири, 3)) 180
Бегство (14-ое декабря, 3) («Бежали...») 159
«Бежали...» (Бегство (14-ое декабря, 3)) 159
«Без цели неужели же, ни для кого не нужная...» (Старая дева) 73
«Безнадежность глядела мне в очи...» 58
«Белые юбочки...» (Première communion) 90
Биче («О, мудрая умбрийская весна...») 192
«Благословлял я желчь, полынь и омег...» 71
«Благословляю малый дар...» 117
Борец («Гневной страстью сердце полно!») 29
Борцу-рабочему («Ты, грозной мести Бог, библейский Бог!») 21
«Брожу по улицам пустынным...» (Август) 195
«Буйность воскликновений...» (Бунт (14-ое декабря, 1)) 156
Бунт (14-ое декабря, 1) («Буйность воскликновений...») 156
«Быстро дни бегут за днями...» (Театр войны) 200
- В безвременье («В нас сердце напитано гневом и желчью...») 75
В Государственном Совете (Николай I, 3) («На кафедре высокий молодой человек...») 154
В дороге («Разве не счастье ездить по пыльным дорогам...») 46
«В его домах, в его дворцах...» (Страх) 18
«В летние ночи плохо спится...» 102

- «В мечтанья погруженная однажды...» (Португальские сонеты, 1) 221
- «В мире простом, со всеми в мире...» 110
- «В мире прочного нет ничего...» 59
- «В молодые годы был я так утру рад...» (*Из Гёльдерлина*) 114
- «В моей душе живет великое...» 41
- «В нас сердце напитано гневом и желчью...» (В безвременье) 75
- В Париже («Весенним солнцем ярко залитой...») 8
- «В первый раз я взглянул на тебя...» 49
- В Пушкинском музее А.Ф. Онегина («Какое странное виденье!») 133
- В Риме («Как Одиссей к Пенелопе...») 144
- «В страстном порыве руки простерла...» (К солнцу свободы) 7
- «В темно-зеленом строгом парке...» (Пинчио) 143
- «В темной жизни божества...» 107
- «В утро туманное и раннее...» 101
- «В час расставанья ты была спокойна...» (Расставанье) 57
- В Швейцарии («Ты мне сказала: «Видишь, вот»...») 82
- Вальс (Танцы, 2) («Ах, счастья, я счастья хочу...») 79
- «Вам суждено из своего стакана...» 204
- Ван-Гог («Сновидец небывалых снов, Ван-Гог!») 132
- «Вдали закат мерцает...» 74
- Вдохновенье («Сладостью пряной полно...»). 39
- «Великосветской музы слыша зов...» (Португальские сонеты, 4) 222
- Венгерка (Танцы, 1) («Синий твой взор робко блестит...») 78
- «Верю в светлого ангела...» 76
- «Весенним солнцем ярко залитой...» (В Париже) 8
- Вечер («Там, в закатной полосе...») 201
- Вечер («Я люблю успокоенность тихого вечера...») 65
- «Вечерами весенними долго она...» 72
- «Вечерние улицы жутки...» 82
- Вечерняя фантазия (*Из Гёльдерлина*) («Под мирной сенью хижины пахарю...») 112
- «Взгляни с высот недостижимых...» (Молитва) 191
- «Вновь отогретая земля...» 108
- Возвращение («Я вижу твое искаженное злобой и страстью лицо...») 124
- Возвращенье (В Сибири, 3) («Басаргин возвращался из далекой Сибири...») 180
- Волны («О, волны, нет ответа вам...») 67
- «Вот яблоки, стаканы, скатерть, торт...» (Сезанн) 131
- «Все было юно, стройно, ярко, ново...» (Казанова) 202

- «Всё вспыхнуло огнем...» (Гроза) 120
 «Все течет, как вода между пальцев...» 108
 «Все, все они умерли!» (Памяти Народной Воли (Morituri, VI)) 14
 «Всем уставшим легче было прежде...» 64
 «Вы не споете ли нам, Муравьев?» (Ночь перед казнью (Искушение, 6)) 168
 «Вы не хотели пить по капле...» (Morituri, I) 10
 «Выше пышных курений, курений заката...» 103
- «Гневной страстью сердце полно!» (Борец) 29
 «Господь, пора! Окончен летний день...» (Из Рильке (1)) 194
 Граф Калиостро («Он обнажал свой кинжал...») 201
 Гребец (Le passeur d'eau) (*Верхарн*) («Он греб сквозь враждебные волны и тьму...») 85
 Гроза («Всё вспыхнуло огнем...») 120
 Гусеница («Гусеница, будущая бабочка...») 217
 «Гусеница, будущая бабочка...» (Гусеница) 217
- «Да, этим прозвищем зови меня и ты...» (Португальские сонеты, 33) 237
 «Далёко, одна на кладбище, лежишь ты...» 104
 «Даль моря синее безгранная...» 69
 «Деликатные усики риса дрожат...» (Рисовые поля (В Японии, I)) 128
 «Дождь, дождь...» 55
 «Дождь, затихая, еле-еле...» 110
 «Друг мой...» 48
 «Душа приятное в сей жизни уж вкусила...» (*Из Гёльдерлина*) 112
 «Дышу я снова воздухом родным...» (Из Wordsworth'a. Сонет) 246
- Ермолову (Россия Николая, 3) («О, как Вы не бросились, Ермолов...») 170
 «Если я со стыдом сгину, и дерзким, им...» (Прощанье (*Диотиме*) (*Из Гёльдерлина*)) 113
- «Жадно пей, полней и слаще...» (Vita somnium, 1) 189
 «Желай – не желай – не оставишь навеки...» (Vita somnium, 3) 190
 «Жила я долго в мире сновидений...» (Португальские сонеты, 26) 233
 Журфиксы в ссылке (*Из поэмы «Декабристы»*) («Нонушка, Муравьева...») 209

- «За золото и пурпур твоего...» (Португальские сонеты, 8) 224
- «За окном мороз и снег...» (Из дневника Камиллы (В Сибири, 2)) 179
- За роялем (Камилла, 1) («Камилла играет на рояли...») 151
- «За стеною я слышу чтение...» 119
- Закат («Розовы заката огни...») 121
- «Заря чуть занялась, вслед за твоею клятвою...» (Португальские сонеты, 32) 236
- «Звонит, звонит моя душа...» 36
- «Звон и плеск серебряный приборя...» (Утро) 67
- «Знойный день догорал, догорал...» 47
- «Золотой свой перстень бросишь в море...» (Поликрат) 199
- «Золотую кудель еще ткут веретенца...» 39
- «И вот опять, вот опять мы здесь, в Москве, с тобой...» 125
- «И если есть в любви заслуга, неужели...» (Португальские сонеты, 11) 226
- «И жизнь кипит, и солнце светит...» (П.С. Поливанову) 22
- «И только трое в целом Божьем свете...» (Португальские сонеты, 2) 221
- Из Wordsworth'a. Сонет («Дышу я снова воздухом родным...») 246
- Из дневника Камиллы (В Сибири, 2) («За окном мороз и снег...») 179
- Из Р.М. Рильке «Танцовщица испанка» («Спички серные чуть-чуть шипят...») 248
- Из Рильке (1) («Господь, пора! Окончен летний день...») 194
- Из Рильке (2) («О, как я знал, что значит расставанье...») 194
- Из Суинберна «Хор из «Атланты в Калидоне»» («На самой заре времен...») 244
- <Из Х.-Н. Бялика> «Перед закатом» («На закатное небо посмотри заревое...») 247
- Из Шарля Пэги «Париж – боевой корабль» («Ты боевой корабль у колоннады...») 245
- «Испил ты эту чашу до конца...» 60
- К книге «Рондо ронделей» («Летите, летите, рондели...») 122
- К Паркам (Из *Гёльдерлина*) («Одно лишь лето дайте, вы, мощные...») 111
- К солнцу свободы («В страстном порыве руки простерла...») 7
- Кавалер («Ночь, и тишь, и имя «Мэри...») 139
- Казанова («Все было юно, стройно, ярко, ново...») 202
- «Как вымя полное коровье...» (Нормандия) 192
- «Как дымно дышат дали...» 106

- «Как исследил сердца людские...» 104
- «Как медленно течет по жилам кровь...» (Николай I, 1) 153
- «Как нежно весел мир сегодня...» (После дождя) 186
- «Как Одиссей к Пенелопе...» (В Риме). 144
- «Как странно полиняли...» 188
- «Как я люблю тебя? Всё глубже шире, выше...» (Португальские сонеты, 43) 242
- «Какое странное виденье!» (В Пушкинском музее А.Ф. Онегина) 133
- «Камилла играет на рояли...» (За роялем (Камилла, 1)) 151
- Капля сургуча (*рондель*) («Капля сургуча, шипя, упала...») 185
- «Капля сургуча, шипя, упала...» (Капля сургуча (*рондель*)) 185
- Ключ свободы («Ключ свободы при Николае...») 181
- «Ключ свободы при Николае...» (Ключ свободы) 181
- «Ко мне приходят олени...» (Надпись на книге стихов) 186
- «Когда впервые он поцеловал меня...» (Португальские сонеты, 38) 239
- «Когда говорю я о том, что незримо...» (О счастье) 42
- «Когда Ермолов хоть день без движения проводил...» (Россия Николая, 4) 171
- «Когда лицом к лицу, исполненные силы...» (Португальские сонеты, 22) 231
- «Когда ты здесь – все сказано без слов...» (Португальские сонеты, 31) 236
- «Когда ты уходишь,/Мне тесно здесь с моим счастьем ...» 54
- «Когда ты уходишь,/Поцелуи твои звенят в воздухе ...» 55
- «Коль всё покину для тебя, взамен...» (Португальские сонеты, 35) 238
- «Коль любишь ты меня, люби за самоё...» (Португальские сонеты, 14) 227
- «Косная, грузная, грубая жизнь недвижима...» (Старуха Волконская (Россия Николая, 2)) 170
- «Кто б угадал при нашей первой встрече...» (Португальские сонеты, 36) 238
- «Кто знал, что смерть уж, притаившись, ждет?» (На смерть гражданина) 24
- «Кто, Строгий, спросит отчета...» 107
- «Кто-нибудь из нас услышит...» (Тебе) 71
- Кубок вод («Море – полная до края чаша...») 66
- «Кутается в теплый халат Марат...» (Марат) 138
- Лепарский (В Сибири, 1) («Станислав Романыч Лепарский...») 177
- «Летите, летите, рондели...» (К книге «Рондо ронделей») 122

- Летом («Хорошо нам летом жить...») 214
- «Лик мира словно изменился весь...» (Португальские сонеты, 7) 224
- «Лишь дерево непрочное барьера...» (Сперанский (Искупление, 4))
166
- «Любимый мой, тобою дух мой поднят...» (Португальские сонеты, 27)
234
- «Любимый! ты мне приносил цветы...» (Португальские сонеты, 44)
242
- «Любимый, вечный мой, чем больше думаю...» (Португальские сонеты, 20) 230
- «Любовь, которой я горжусь глубинно...» (Португальские сонеты, 12)
226
- «Мало творческой боли...» 102
- Марат («Кутается в теплый халат Марат...») 138
- Март («Хорошо сегодня...») 45
- «Мать с сынком своим играла...» (Сайонара (В Японии, III)) 129
- «Меж будущим и прошлым нету связи...» (Португальские сонеты, 42)
241
- «Меж нами память нижет ожерелья...» (Ожерелье) 120
- «Меня коснувшись едва...» 99
- «Меня ты спрашиваешь, отчего...» 77
- Мечь («Царь в Новодевичий послал монастырь...») 145
- «Милый ангел, ты слишком добра...» 88
- Мир («Окончено страшное дело войны...») 25
- «Мне казалось порой, что задумчиво кроткий» (Morituri, III) 12
- «Мне тени мертвые предстали...» (Ночные тени) 126
- Молитва («Взгляни с высот недостижимых...») 191
- Молодость («Молодость, по белой ты пороше...») 187
- «Молодость, по белой ты пороше...» (Молодость) 187
- «Море – полная до края чаша...» (Кубок вод) 66
- «Море ночное бьется волною...» 69
- Музыка (*Шелли*) («По божественной музыке я томлюсь в страстной муке...») 84
- «Мы в пуховом уюте гнезд...» 118
- «Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!...» 10
- «Мы сидим вдвоем...» 53
- «На день в вагоне жизнь кажется мне сегодня похожей...» 110
- «На закатное небо посмотри заревое...» (<Из Х.-Н. Бялика> «Перед закатом») 247

- «На кафедре высокий молодой человек...» (В Государственном Совете (Николай I, 3)) 154
- «На мгновение нам даны...» (Песнь 1 (Из цикла «Песни»)) 197
- «На низкой походной кровати...» (Смерть Николая I (Россия Николая, 9)) 176
- «На просторной барке черной...» (Чайльд-Гарольд (На смерть Байрона) (*Гейне*)) 87
- «На самой заре времен...» (Из Суинберна «Хор из «Атланты в Калидоне»») 244
- На смерть гражданина («Кто знал, что смерть уж, притаившись, ждет?») 24
- «Над книгою Фила<n>джиери...» (Фила<n>джиери (Камилла, 3)) 152
- Надпись на книге стихов («Ко мне приходят олени...») 186
- Наташа Рылеева (Искупление, 5) («О, кто же милее, проще, скромнее...») 167
- «Не в светлый год, а в скорбный год...» 124
- «Не все ли равно мне, где жить и томиться...» 122
- «Не знаю, как она придет...» 109
- «Не на брачном пиру, а в гробу на яру...» (Смерть невесты (*Из прошлого*)) 23
- «Не настало время молиться...» 107
- «Не о себе хочу говорить я, но о моем отечестве...» (Письмо Каховского императору (Искупление, 3)) 165
- «Не обвиняй меня, что я чужда веселью...» (Португальские сонеты, 15) 228
- «Не по вкусу мне и по нраву...» 249
- «Не связанный в жизни ничем...» 101
- «Не Сонет, размеренно четкий...» (Рондель) 121
- «Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать...» 117
- «Никогда я в жизни не забуду...» (Тост (*За артистов Художественного театра*)) 215
- «Но каждая любовь ведь хороша...» (Португальские сонеты, 10) 225
- «Но потому что ты, все благородней...» (Португальские сонеты, 16) 228
- «Нонушка, Муравьева...» (Журфиксы в ссылке (*Из поэмы «Декабристы*»)) 209
- Нормандия («Как вымя полное коровье...») 192
- «Ночное посещение (Искупление, 2) («Тесная камера...») 163
- Ночные тени («Мне тени мертвые предстали...») 126
- Ночь перед казнью (Искупление, 6) («Вы не споете ли нам, Муравьев?») 168

- «Ночь, и тишь, и имя “Мэри”...» (Кавалер) 139
«Ночь...» 52
- «О да! Речь о любви разносится повсюду...» (Португальские сонеты, 40) 240
- «О неужели, если я умру...» (Португальские сонеты, 23) 232
- «О пачка писем мертвая, немая...» (Португальские сонеты, 28) 234
- «О сердце царственное, мы с тобой...» (Португальские сонеты, 3, вариант) 243
- «О сердце, что горишь во мраке бессердечий...» (Португальские сонеты, 3) 222
- О счастье («Когда говорю я о том, что незримо...») 42
- «О чем-то светлом все еще мне снится...» 117
- «О, бедный друг мой милый...» 63
- «О, волны, нет ответа вам...» (Волны) 67
- «О, дай мне, Боже, сил и времени...» 40
- «О, желтенькая птичка канарейка...» 38
- «О, как Вы не бросились, Ермолов...» (Ермолову (Россия Николая, 3)) 170
- «О, как я знал, что значит расставанье...» (Из Рильке (2)) 194
- «О, кто же милее, проще, скромнее...» (Наташа Рылеева (Искушение, 5)) 167
- «О, мудрая умбрийская весна...» (Биче) 192
- «О, нежная, белая лилия...» (Morituri, II) 11
- «О, неуимчивое сердце...» 104
- «О, первая нить молодой любви...» (Саше) 216
- «О, стихи, вы никому не нужны!» 130
- «О, что здесь есть, кроме усталости?...» 126
- «О, это гордое одушевление!...» 42
- «Огненный ангел» Валерия Брюсова 74
- «Одна звезда упала...» 209
- «Одна звезда упала...» 99
- «Одно лишь лето дайте, вы, мощные...» (К Паркам. (Из Гёльдерлина)) 111
- Ожерелье («Меж нами память нижет ожерелья...») 120
- «Окончено страшное дело войны...» (Мир) 25
- «Он вырос в той семье, где злобный произвол...» (Ямбы) 26
- «Он греб сквозь враждебные волны и тьму...» (Гребец (Le passeur d'eau) (Верхарн)) 85
- «Он обнажал свой кинжал...» (Граф Калиостро) 201

«Он с обреченными связал свою судьбу...» (Цицерон) 142
«Он твердо жил и твердо умер...» (Памяти Яковлева) 136
«Он ушел на утренней заре...» 76
«Она сказала: “Больше не могу”...» (Побег) 148
«Они парами тихо под музыку шли...» (Па д’эспань (Танцы,4) 80
Орел в плену (Morituri, V) («Поймали, поймали! попалась добыча!») 13
Осенью («Осенью лелеять грустно грезы...») 209
«Осенью лелеять грустно грезы...» (Осенью) 209
«Особым знаком отмечает кровь...» 58
«Останься в памяти навеки...» 190
«От всей души благодарю те души...» (Португальские сонеты, 41) 241
«Отдохни, моя милая...» 55

П.С. Поливанову («И жизнь кипит, и солнце светит...») 22
Па д’эспань (Танцы,4) («Они парами тихо под музыку шли...») 80
Памяти Мицкевича («Ты родина ль великого Адама...») 213
Памяти Народной Воли (Morituri, VI) («Все, все они умерли!») 14
Памяти Яковлева («Он твердо жил и твердо умер...») 136
Памятник («Париж, как безбрежное море, бурлит...») 30
«Париж суровый, темный, черный...» (Париж) 135
«Париж, как безбрежное море, бурлит...» (Памятник) 30
Париж. («Париж суровый, темный, черный...») 135
Паутинка («Это трепетный стих мне звенит, смеясь...») 185
«Певец, тебе открыта тайна звука...» (Португальские сонеты, 17) 229
Перед отплытием («Совсем небольшой ныне стала земля...») 127
Песнь 1 (Из цикла «Песни») 197
Песня 3 (Из цикла «Песни») («Твоей увядшей красоты...») 198
Пинчио («В темно-зеленом строгом парке...») 143
Письмо Каховского императору (Искупление, 3) («Не о себе хочу гово-
рять я, но о моем отечестве...») 165
Пленные («Пленные вяло шли...») 136
«Пленные вяло шли...» (Пленные) 136
«Плюш диванов, говор иностранный...» (У Венеры Милосской) 37
«По божественной музыке я томлюсь в страстной муке...» (Музыка
(Шелли)) 84
«По ночам горели бочки со смолою...» (Смерть Константина Павлови-
ча (Россия Николая, 5)) 172
«По улицам Токио...» (Токио (В Японии, II)) 129
Побег («Она сказала: «Больше не могу»...») 148
«Под мирной сенью хижины пахарю...» (Вечерняя фантазия (Из Гёль-
дерлина)) 112

- «Поймали, поймали! попалась добычка!» (Орел в плену (Morituri, V)) 13
- Поликрат («Золотой свой перстень бросишь в море...») 199
- Полька (Танцы, 3) («Я люблю вас с болью слез...») 79
- «Помнит он те недели...» (Николай I, 2) 153
- После дождя («Как нежно весел мир сегодня...») 186
- Последняя поездка Николая I (Россия Николая, 8) («Старый уже и не
прежний уже, полуседой...») 175
- «Предутренняя свежесть...» 199
- Принцесса Луиза (««Vite, vite, au paradis, au trot, au galop!» Это...») 139
- «Пристегнувши шнурками полость...» (Прогулка Николая I (Россия
Николая, 6)) 173
- «Пришла ко мне, мой светлый друг...» 41
- Прогулка Николая I («Пристегнувши шнурками полость...») (Россия
Николая, 6) 173
- Прогулка Николая I («Снежно-белый, холодный...») (Россия Николая,
7) 174
- Продавец картин («Умный, грустный, с большим лбом и кожей...») 133
- «Проклятие вам, наступившим на грудь...» 19
- «Прости, что я божественного сходства...» (Португальские сонеты, 37)
239
- Прощанье (*Диотиме*) (*Из Гёльдерлина*) («Если я со стыдом сгину, и
дерзким, им...») 113
- «Пусть резкость мира (не складной ли ножик?)...» (Португальские со-
неты, 24) 232
- «Радость моя...» 52
- «Разве не счастье ездить по пыльным дорогам...» (В дороге) 46
- Разговор (*Из Поля Валери*) («Увядающей розы...») 202
- «Раздался выстрел! Словно грянул гром...» (Morituri, IV) 12
- Расставанье («В час расставанья ты была спокойна...») 57
- Рим («Ты видала ль во время отлива на отлогом побережье мор-
ском...») 142
- Рисовые поля (В Японии, I) («Деликатные усики риса дрожат...») 128
- Роденбах («Чуть мерцают стенки хрупкой вазы...») 73
- «Розен вел свою роту...» (Барон Розен (14-ое декабря, 2)) 158
- «Розовы заката огни...» (Закат) 121
- Рондель («Не Сонет, размеренно четкий...») 121
- «С средней долей не могу я примириться...» 61
- Сайонара (В Японии, III) («Мать с сынком своим играла...») 129

- Саше («О, первая нить молодой любви...») 216
 «Сверкая жемчужною пеной, на берег прозрачные волны...» (Эллада)
 70
- Светлячок («Что я вспомню, умирая...») 196
 «Сегодня пир, сегодня радость солнца...» (Айседора <поэма>) 92
 Сезанн («Вот яблоки, стаканы, скатерть, торт...») 131
 Семисвечник («Семисвечник святой мечты...») 211
 «Семисвечник святой мечты...» (Семисвечник) 211
 «Сердце гонит усталую кровь...» 105
 «Синий твой взор робко блестит...» (Венгерка (Танцы, 1)) 78
 «Скажи еще и снова повтори...» (Португальские сонеты, 21) 231
 «Скоро, скоро, скоро...» 61
 «Скучно светит мне солнце...» 49
 «Скучна Россия Николая...» (Россия Николая, 1) 170
 «Сладостью пряной полно...» (Вдохновенье). 39
 Смерть Константина Павловича (Россия Николая, 5) («По ночам горели
 бочки со смолою...») 172
 Смерть невесты (*Из прошлого*) («Не на брачном пиру, а в гробу на
 яру...») 23
 Смерть Николая I (Россия Николая, 9) («На низкой походной кроват
 ти...») 176
 «Смотрю в туманный день осенний...» 100
 Снег («Снег падал на руки и лица...») 217
 «Снег падал на руки и лица...» (Снег) 217
 «Снежно-белый, холодный...» (Прогулка Николая I (Россия Николая,
 7)) 174
 «Снова, как складки покрова, свивается...» 35
 «Сновидец небывалых снов, Ван-Гог!» (Ван-Гог) 132
 «Совсем небольшой ныне стала земля...» (Перед отплытием) 127
 Сон («Я засыпал. Река катилась...») 43
 Сперанский (Искушение, 4) («Лишь дерево непрочное барьера...») 166
 «Спички серные чуть-чуть шипят...» (Из Р.М. Рильке «Танцовщица
 испанка») 248
 «Стал кровавой отравой...» 108
 «Станислав Романыч Лепарский...» (Лепарский (В Сибири, 1)) 177
 Старая дева («Без цели неужели же, ни для кого не нужная...») 73
 «Старость, крадучись, приходит...» 187
 Старуха Волконская (Россия Николая, 2) («Косная, грузная, грубая
 жизнь недвижима...») 170

- «Старый уже и не прежний уже, полуседой...» (Последняя поездка
Николая I (Россия Николая, 8)) 175
- Страх («В его домах, в его дворцах...») 18
- «Так легко, легко и просто...» 58
- «Там, в закатной полосе...» (Вечер) 201
- «Твоей увядшей красоты...» (Песня 3 (Из цикла «Песни»)) 198
- «Твои глаза так пепельно-серы...» 88
- Театр войны («Быстро дни бегут за днями...») 200
- Тебе («Кто-нибудь из нас услышит...») 71
- «Тебе дано, как Божья благодать...» (Португальские сонеты, 39) 240
- «Тебе, душа, со мной сплетенная...» 41
- «Тесная камера...» (Ночное посещение (Искушение, 2)) 163
- Токио (В Японии, II) («По улицам Токио...») 129
- Тост (*За артистов Художественного театра*) («Никогда я в жизни не
забуду...») 215
- «Тот, кто видел мир сквозь слезы...» 191
- «Ты боевой корабль у колоннады...» (Из Шарля Пэги «Париж – боевой
корабль») 245
- «Ты видала ль во время отлива на отлогом побережье морском...»
(Рим) 142
- «Ты мила, американка...» (Американке) 205
- «Ты мне сказала: “Видишь, вот”...» (В Швейцарии) 82
- «Ты на Риальто помнишь торг базара?...» (Португальские сонеты, 19)
230
- «Ты радость внешняя, ты цвет и прелесть мира...» 100
- «Ты родина ль великого Адама...» (Памяти Мицкевича) 213
- «Ты светлый дух, чьи крылья белые...» 71
- «Ты сегодня сладостно прекрасна...» 62
- «Ты спишь неслышно рядом...» 119
- «Ты хочешь, чтоб я выразить сумела...» (Португальские сонеты, 13) 227
- «Ты, грозной мести Бог, библейский Бог!» (Борцу-рабочему) 21
- «Тяжело идти, тяжело идти...» 60
- У Венеры Милосской («Плюш диванов, говор иностранный...») 37
- «У деревьев весной кору надрезь...» 35
- «У заката сегодня краски роз...» 100
- «У них усталые уста...» (Ангелы (3) (*Из Рильке*)) 194
- «У Тютчева учась слагать свой стих...» 186
- «Увесили вы берег...» (*Из Гёльдерлина*) 112

- «Увядающей розы...» (Разговор (*Из Поля Валери*)) 202
- «Уже повеяло ранней весною...» (Аист. *С венгерского*) 16
- «Уйди! Но я тебя не позабуду...». (Португальские сонеты, 6, вариант)
243
- «Умный, грустный, с большим лбом и кожей...» (Продавец картин) 133
- Утро («Звон и плеск серебряный прибора...») 67
- Утро ареста (Искупление, 1) («Эта утренье хмурая...») 161
- Фила<н>джиери (Камилла, 3) («Над книгою Фила<н>джиери...») 152
- «Флоренция – ты светлая мелодия...» (Флоренция) 83
- Флоренция («Флоренция – ты светлая мелодия...») 83
- «Холодный ветер в лицо нам веет...» 66
- «Хорошо им сидеть на скамейке...» (Piscicato при луне) 89
- «Хорошо нам летом жить...» (Летом) 214
- «Хорошо сегодня...» (Март) 45
- «Хотя бы ты ушел, мне суждено судьбою...» (Португальские сонеты,
6) 223
- «Хрустальная музыка чеховских слов...» 103
- «Царь в Новодевичий послал монастырь...» (Мечь) 145
- Цицерон («Он с обреченными связал свою судьбу...») 142
- Чайльд-Гарольд (На смерть Байрона) (*Гейне*) («На просторной барке
черной...») 87
- «Что дать тебе могу? Одни страданья...» (Португальские сонеты, 9) 225
- «Что я вспомню, умирая...» (Светлячок). 196
- «Что я унесу в своем сердце и с чем я уйду...» 218
- «Чуть мерцают стенки хрупкой вазы...» (Роденбах) 73
- «Чуть теплится огонь...» 106
- Эллада («Сверкая жемчужною пеной, на берег прозрачные волны...»)
70
- «Эта сонь, да тишь, да дрема...» (*Vita somnium*, 2) 189
- «Эта утренье хмурая...» (Утро ареста (Искупление, 1)) 161
- «Это трепетный стих мне звенит, смеясь...» (Паутинка) 185
- «Я вижу образ твой сквозь слезы ночью...» (Португальские сонеты,
30) 235
- «Я вижу твоё искаженное злобой и страстью лицо...» (Возвращение)
124

- «Я возьму твои руки...» 51
«Я давно уже не был так счастлив, так светел...» 29
«Я ехал к тебе на пароходе...» 56
«Я засыпал. Река катилась...» (Сон) 43
«Я люблю вас с болью слез...» (Полька (Танцы, 3)) 79
«Я люблю тебя, слышишь...» 51
«Я люблю успокоенность тихого вечера...» (Вечер) 65
«Я не знаю, играет ли сладостный хмель...» 120
«Я ненависть долго и страстно копила...» 146
«Я никому еще своих волос...» (Португальские сонеты, 18) 229
«Я о тебе все думаю, и мысли...» (Португальские сонеты, 29) 235
«Я обещала, что тебе отвечу...» (Португальские сонеты, 34) 237
«Я покоряюсь: горький случай прав...» 62
«Я сердце тяжкое подьемлю к небесам...» (Португальские сонеты, 5)
223
«Я сердце, как тяжелый груз, несла...» (Португальские сонеты, 25) 233
«“Я твоя” – ты сказала мне...» 54
«Я хочу любоваться тобою без слов...» 50
Ямбы («Он вырос в той семье, где злобный произвол...») 26
«Ярки ситцы анемонов...» (Анемоны) 87
«...Я чувствую утром еще полусонный...» 46
- Piccicato при луне («Хорошо им сидеть на скамейке...») 89
Première communion («Белые юбочки...») 90
«“Vite, vite, au paradis, au trot, au galop!” Это...» (Принцесса Луиза) 139

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1906

К солнцу свободы.....	7
В Париже.....	8
«Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!..».....	10
Morituri	
I. «Вы не хотели пить по капле...».....	10
II. «О, нежная, белая лилия...».....	11
III. Б—у.....	12
IV. «Раздался выстрел! Словно грянул гром...».....	12
V. Орел в плену.....	13
VI. Памяти Народной Воли.....	14
Аист (<i>С венгерского</i>).....	16
Страх.....	18
«Проклятие вам, наступившим на грудь...».....	19
Борцу-рабочему.....	21
П.С. Поливанову.....	22
Смерть невесты (<i>Из прошлого</i>).....	23
На смерть гражданина.....	24
Мир.....	25
Ямбы.....	26
Борец.....	29
«Я давно уже не был так счастлив, так светел...».....	29
Памятник.....	30

ЛИРИКА 1912

ВСТУПЛЕНИЕ

«Снова, как складки покрывала, свивается...».....	35
«У деревьев весной кору надрезь...».....	35
«Звенит, звенит моя душа...».....	36
У Венеры Милосской.....	37
«О, желтенькая птичка канарейка...».....	38
Вдохновенье.....	39
«Золотую кудель еще ткут веретенца...».....	39
«О, дай мне, Боже, сил и времени...».....	40

БЛАЖЕННЫХ СНОВ ИСПУГ

І. Блаженных снов испуг

«Пришла ко мне, мой светлый друг...».....	41
«В моей душе живет великое...».....	41
«Тебе, душа, со мной сплетенная...».....	41
«О, это гордое одушевление!...».....	42
О счастье.....	42
Сон.....	43
Март.....	45
В дороге.....	46
«...Я чувствую утром еще полусонный...».....	46
«Знойный день догорал, догорал...».....	47
«Друг мой...».....	48

ІІ. Радость

«В первый раз я взглянул на тебя...».....	49
«Скучно светит мне солнце...».....	49
«Я хочу любоваться тобою без слов...».....	50
«Я возьму твои руки...».....	51

«Я люблю тебя, слышишь...»	51
«Ночь...»	52
«“Радость моя”...»	52
«Мы сидим вдвоем...»	53
«“Я твоя” – ты сказала мне...»	54
«Когда ты уходишь...»	54
«Когда ты уходишь...»	55
«Отдохни, моя милая...»	55
«Дождь, дождь...»	55
«Я ехал к тебе на пароходе...»	56

III. Боль

Расставанье	57
«Безнадежность глядела мне в очи...»	58
I. «Особым знаком отмечает кровь...»	58
II. «Так легко, легко и просто...»	58
«В мире прочного нет ничего...»	59
«Тяжело идти, тяжело идти...»	60
«Испил ты эту чашу до конца...»	60
«С средней долей не могу я примириться...»	61
«Скоро, скоро, скоро...»	61
«Ты сегодня сладостно прекрасна...»	62
«Я покоряюсь: горький случай прав...»	62
«О, бедный друг мой милый...»	63
«Всем уставшим легче было прежде...»	64
Вечер	65

РАЗНЫЕ

I. Море

«Холодный ветер в лицо нам веет...»	66
Кубок вод	66
Утро	67
Волны	67

«Море ночное бьется волною...»	69
«Даль моря синее безгранная...»	69
Эллада	70

II. Разные

«Благословляя я желчь, полынь и омег...»	71
Тебе	71
«Ты светлый дух, чьи крылья белые...»	71
«Вечерами весенними долго она...»	72
Старая дева	73
Роденбах	73
«Огненный ангел» Валерия Брюсова	74
«Вдали закат мерцает...»	74
В безвременье	75
«Он ушел на утренней заре...»	76
«Верю в светлого ангела...»	76
«Меня ты спрашиваешь, отчего...»	77

Танцы

1. Венгерка	78
2. Вальс	79
3. Полька	79
4. Па д'эспань	80
«Вечерние улицы жутки...»	82
В Швейцарии	82
Флоренция	83

III. Переводы

Музыка (<i>Шелли</i>)	84
Гребец (<i>Le passeur d'eau</i>) (<i>Верхарн</i>)	85
Чайльд-Гарольд (<i>На смерть Байрона</i>) (<i>Гейне</i>)	87

IV. Piccicato

Анемоны	87
«Твои глаза так пепельно-серы...»	88

«Милый ангел, ты слишком добра...»	88
Piccicato при луне.....	89
Première communion.....	90
Айседора <поэма>.....	92

ГЛУХИЕ СЛОВА 1916

«Меня коснувшись едва...»	99
«Одна звезда упала...»	99
«У заката сегодня краски роз...»	100
«Ты радость вешняя, ты цвет и прелесть мира...»	100
«Смотрю в туманный день осенний...».....	100
«В утро туманное и раннее...»	101
«Не связанный в жизни ничем...».....	101
«В летние ночи плохо спится...».....	102
«Мало творческой боли...».....	102
«Выше пышных курений, курений заката...».....	103
«Хрустальная музыка чеховских слов...»	103
«Как исследил сердца людские...».....	104
«О, неуимчивое сердце...».....	104
«Далёко, одна на кладбище, лежишь ты...».....	104
«Сердце гонит усталую кровь...».....	105
«Как дымно дышат дали...».....	106
«Чуть теплится огонь...».....	106
«В темной жизни божества...»	107
«Кто, Строгий, спросит отчета...»	107
«Не настало время молиться...».....	107
«Все течет, как вода между пальцев...».....	108
«Стал кровавой отравой...»	108
«Вновь отогретая земля...».....	108
«Не знаю, как она придет...»	109
«Ах, жизнь была разнообразной...».....	109
«В мире простом, со всеми в мире...»	110

«На день в вагоне жизнь кажется мне сегодня похожей...»	110
«Дождь, затихая, еле-еле...»	110

ПЕРЕВОДЫ

Из Гельдерлина (1770–1843)

I. К Паркам.....	111
II. «Душа приятное в сей жизни уж вкусила...».....	112
III. «Увесили вы берег...».....	112
IV. Вечерняя фантазия.....	112
V. Прощанье (<i>Диотиме</i>)	113
VI. «В молодые годы был я так утру рад...».....	114

ПРОЗРАЧНЫЕ ТЕНИ. ОБРАЗЫ

1920

«Благословляю малый дар...»	117
«О чем-то светлом все еще мне снится...».....	117
«Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать...».....	117
«Мы в пуховом уюте гнезд...»	118
«За стеною я слышу чтение...».....	119
«Ты спишь неслышно рядом...».....	119
Ожерелье.....	120
«Я не знаю, играет ли сладостный хмель...»	120
Гроза.....	120
Закат	121
Рондель.....	121
К книге «Рондо ронделей»	122
«Не все ли равно мне, где жить и томиться...».....	122
Возвращение.....	124
«Не в светлый год, а в скорбный год...»	124
«И вот опять, вот опять мы здесь, в Москве, с тобой...».....	125
«О, что здесь есть, кроме усталости?...».....	126
Ночные тени	126

Перед отплытием	127
В Японии	
I. Рисовые поля.....	128
II. Токио	129
III. Сайонара.....	129
«О, стихи, вы никому не нужны!».....	130

ОБРАЗЫ

Сезанн	131
Ван-Гог	132
В Пушкинском музее А.Ф. Онегина.	133
Продавец картин.....	133
Париж.....	135
Памяти Яковлева.....	136
Пленные	136
Марат.....	138
Принцесса Луиза.....	139
Кавалер.....	139
Цицерон	142
Рим	142
Пинчио	143
В Риме.....	144
Мечь.....	145
«Я ненависть долго и страстно копила...»	146
Побег	148

КРОВЬ НА СНЕГУ 1939

Камилла

1. За роялем.	151
2. Базиль.....	151
3. Фила<н>джиери.....	152

Николай I

1. «Как медленно течет по жилам кровь...» 153
2. «Помнит он те недели...» 153
3. В Государственном Совете..... 154

14-ое декабря

1. Бунт 156
2. Барон Розен 158
3. Бегство 159

Искупление

1. Утро ареста..... 161
2. Ночное посещение..... 163
3. Письмо Каховского императору 165
4. Сперанский..... 166
5. Наташа Рылеева 167
6. Ночь перед казнью..... 168

Россия Николая

1. «Скучна Россия Николая...» 170
2. Старуха Волконская..... 170
3. Ермолову..... 170
4. «Когда Ермолов хоть день без движения проводил...».. 171
5. Смерть Константина Павловича..... 172
6. Прогулка Николая I («Пристегнувши шнурками
полость...») 173
7. Прогулка Николая I («Снежно-белый, холодный...»)..... 174
8. Последняя поездка Николая I 175
- <9>. Смерть Николая I..... 176

В Сибири

1. Лепарский 177
  2. Из дневника Камиллы 179
  3. Возвращенье..... 180
- Ключ свободы..... 181

МАЛЫЙ ДАР

Капля сургуча (<i>рондель</i>)	185
Паутинка	185
После дождя	186
Надпись на книге стихов	186
«У Тютчева учась слагать свой стих...»	186
Молодость	187
«Старость, крадучись, приходит...»	187
«Как странно полиняли...»	188
Vita somnium	
1. «Жадно пей, полней и слаще...»	189
2. «Эта сонь, да тишь, да дрема...»	189
3. «Желай – не желай – не оставишь навеки...»	190
«Останься в памяти навеки...»	190
«Тот, кто видел мир сквозь слезы...»	191
Молитва	191
Биче	192
Нормандия	192

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

1. Из Рильке	194
2. Из Рильке	194
3. Ангелы (<i>Из Рильке</i>)	194

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ В «ИЗБРАННОЕ»

Август	195
Светлячок	196
Из цикла «Песни»	
Песнь 1	197
Песня 3	198
«Предутренняя свежесть...»	199

Поликрат	199
Театр войны	200
Вечер	201
Граф Калиостро	201
Казанова	202
Разговор (<i>Из Поля Валери</i>)	202
«Вам суждено из своего стакана...»	204
Американке	205

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ

Осенью	209
Журфиксы в ссылке (<i>Из поэмы «Декабристы»</i>)	209
Семисвечник	211
Памяти Мицкевича	213
Летом	214
Тост (<i>За артистов Художественного театра</i>)	215
Саше	216
Снег	217
Гусеница	217
«Что я унесу в своем сердце и с чем я уйду...»	218

ПОРТУГАЛЬСКИЕ СОНЕТЫ ЕЛИЗАВЕТЫ БАРРЭТ БРАУНИНГ 1956

1. «В мечтанья погруженная однажды...»	221
2. «И только трое в целом Божьем свете...»	221
3. «О сердце, что горишь во мраке бессердечий...»	222
4. «Великосветской музы слыша зов...»	222
5. «Я сердце тяжкое подьемлю к небесам...»	223
6. «Хотя бы ты ушел, мне суждено судьбою...»	223
7. «Лик мира словно изменился весь...»	224

8. «За золото и пурпур твоего...»	224
9. «Что дать тебе могу? Одни страдания...»	225
10. «Но каждая любовь ведь хороша...»	225
11. «И если есть в любви заслуга, неужели...»	226
12. «Любовь, которой я горжусь глубинно...»	226
13. «Ты хочешь, чтоб я выразить сумела...»	227
14. «Коль любишь ты меня, люби за самоё...»	227
15. «Не обвиняй меня, что я чужда веселью...»	228
16. «Но потому что ты, все благородней...»	228
17. «Певец, тебе открыта тайна звука...»	229
18. «Я никому еще своих волос...»	229
19. «Ты на Риальто помнишь торг базара?..»	230
20. «Любимый, вечный мой, чем больше думаю...»	230
21. «Скажи еще и снова повтори...»	231
22. «Когда лицом к лицу, исполненные силы...»	231
23. «О неужели, если я умру...»	232
24. «Пусть резкость мира (не складной ли ножик?)...»	232
25. «Я сердце, как тяжелый груз, несла...»	233
26. «Жила я долго в мире сновидений...»	233
27. «Любимый мой, тобою дух мой поднят...»	234
28. «О пачка писем мертвая, немая...»	234
29. «Я о тебе все думаю, и мысли...»	235
30. «Я вижу образ твой сквозь слезы ночью...»	235
31. «Когда ты здесь – все сказано без слов...»	236
32. «Заря чуть занялась, вслед за твоею клятвою...»	236
33. «Да, этим прозвищем зови меня и ты...»	237
34. «Я обещала, что тебе отвечу...»	237
35. «Коль всё покину для тебя, взамен...»	238
36. «Кто б угадал при нашей первой встрече...»	238
37. «Прости, что я божественного сходства...»	239
38. «Когда впервые он поцеловал меня...»	239
39. «Тебе дано, как Божья благодать...»	240
40. «О да! Речь о любви разносится повсюду...»	240
41. «От всей души благодарю те души...»	241
42. «“Меж будущим и прошлым нету связи”...»	241
43. «Как я люблю тебя? Всё глубже шире, выше...»	242
44. «Любимый! ты мне приносил цветы...»	242

Варианты

- (3) «О сердце царственное, мы с тобой...» 243
(6) «Уйди! Но я тебя не позабуду...» 243

ПЕРЕВОДЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ

- Из Суинберна..... 244
Из Шарля Пэги. Париж – боевой корабль 245
Из Wordsworth'a. Сонет 246
<Из Х.-Н. Бялика>. Перед закатом 247
Танцовщица испанка (*Из Р.М. Рильке*) 248

DUBIA

- «Не по вкусу мне и по нраву...» 249

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Приложение 1.* Очерк М. Цетлина «Наталья Гончарова» 251
Приложение 2. Очерк М. Цетлина
    «Максимилиан Волошин» 258
Владимир Хазан. «От книги глаз не подыму»
    (О личности и творчестве Михаила Цетлина) 262
Комментарии 300
Алфавитный указатель стихотворений 365

Цетлин М. О. (Амари)

Ц53 Цельное чувство: Собрание стихотворений / Общ. ред., сост., подг. текста и комм. В. Хазана. – М.: Водолей, 2011. – 400 с. – (Серебряный век. Паралипоменон).

ISBN 978–5–91763–066–3

Настоящее издание представляет собой наиболее полное собрание стихов поэта М.О. Цетлина (Амари) (1882–1945). В него вошли не только все его поэтические сборники, но и стихи, публиковавшиеся в периодической печати, а также переводы. В приложении печатаются очерки «Наталья Гончарова» и «Максимилиан Волошин».

Творчество Цетлина (Амари) – неотъемлемая часть искусства Серебряного века и истории русской поэзии XX века в целом.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882

**Цетлин Михаил Осипович
(Амари)**

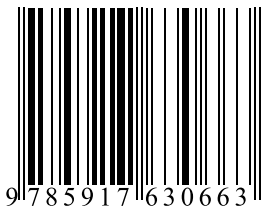
Цельное чувство
Собрание стихотворений

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 20.06.11. Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 25
Тираж 400 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации
Генеральный директор **Э.А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5.
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20
e-mail: izd.izv@ru.net

Алексеева Л. А. Горькое счастье: Собрание сочинений. 2007. – 416 с. – (Малая серия).

Големба А. С. Я человек эпохи Миннезанга: Стихотворения. 2007. – 384 с. – (Малая серия).

Меркурьева В. А. Тщета: Собрание стихотворений. 2007. – 608 с. – (Малая серия).

Соловьев С. М. Собрание стихотворений. 2007. – 856 с. – (Большая серия).

Петров С. В. Собрание стихотворений: В 2 кн. 2008. – 616 + 640 с. – (Большая серия).

Позняков Н. С. Преданный дар: Избранные стихотворения. 2008. – 176 с. – (Малая серия).

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2008. – 200 с. – (Малая серия).

Голохвастов Г. В. Гибель Атлантиды: Стихотворения. Поэма. 2008. – 576 с. – (Большая серия).

Верховский Ю. Н. Струны: Собрание сочинений. 2008. – 928 с. – (Малая серия).

Барт С. В. Стихотворения. 1915–1940. Проза. Письма. 2008. – 336 с. – (Малая серия).

Лозина-Лозинский А. К. Противоречия: Собрание стихотворений. 2008. – 648 с. – (Большая серия).

Тарловский М. А. Молчаливый полет: Стихотворения. Поэма. 2009. – 672 с. – (Большая серия).

Вега Мария. Ночной корабль: Стихотворения и письма. 2009. – 528 с. – (Большая серия).

Нарциссов Б. А. Письмо самому себе: Стихотворения и новеллы. 2009. – 440 с. – (Малая серия).

Голохвастов Г. В. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. 2010. – 352 с. – (Малая серия).

Садовской Б. А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. 2010. – 568 с. – (Большая серия).

Зальцман П. Я. Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения. – 2011. – 480 с. – (Малая серия).

Настоящее издание впервые в приближающемся к полноте объеме знакомит читателя с поэтическим творчеством художника Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985). Зальцману-поэту, прошедшему школу Павла Филонова и близкому к кругу ОБЭРИУ, удалось в своих произведениях объединить формальный эксперимент с непосредственностью поэтического высказывания и с уникальной экспрессией передать катастрофизм эпохи и трагедию творческой личности. Тексты подготовлены по материалам рукописного архива поэта и сопровождаются текстологическим и реальным комментарием.

Кугушева Н. П. Проржавленные дни: Собрание стихотворений. – 2011. – 336 с. – (Малая серия).

В последний раз Наталья Петровна Кугушева (1899–1964) увидела свое стихотворение напечатанным, когда ей было тридцать лет. Вторая половина ее жизни вместила многое: пятнадцатилетнюю добровольную ссылку в Казахстане, куда она последовала за репрессированным мужем, одиночество, почти полную нищету, забвение. Но все эти годы она продолжала писать стихи, чудом дошедшие до наших дней. Большая часть их впервые печатается в настоящем издании.

Петров С. В. Собрание стихотворений: Неизданное. 2011. – 688 с. – (Большая серия).

Сергей Владимирович Петров (1911–1988), поэт огромного масштаба, долгое время был известен широкому читателю только как переводчик. Его творческое наследие ошеломляюще и по объему, и по художественной значимости. Сам поэт увидел опубликованными лишь два десятка стихотворений в последние шесть лет жизни; первый авторский сборник Петрова вышел в свет спустя девять лет после его кончины.

Настоящее издание продолжает вышедшее в 2008 г. Собрание стихотворений в двух книгах. В него вошли стихи 1930–1980-х гг., по различным причинам не включенные в предыдущие тома; стихотворения, объединенные в циклы; поэтические произведения, написанные в музыкальных жанрах; поэмы.

Кленовский Д. И. Полное собрание стихотворений. 2011. – 704 с. – (Большая серия).

«Последний акмеист», «последний царскосел», «последний поэт серебряного века» – так именовали критики Дмитрия Иосифовича Кленовского (наст. фам. Крачковский; 1892–1976). Выпустив первую книгу перед самой революцией, Кленовский в советские годы замолчал и вновь начал писать стихи лишь четверть века спустя, уже в эмиграции, где он оказался в 1942 году. Однако в отличие от ранних изящных и утонченных стихов, напоминающих стихи Кузмина, эмигрантские сборники Кленовского представляют собой философскую лирику самой высокой пробы.

После смерти Георгия Иванова Кленовский многими признавался первым поэтом эмиграции и одним из лучших поэтов второй половины XX века.

В издании объединены все одиннадцать его книг плюс стихи, не вошедшие в сборники. В приложении впервые публикуются две книги, подготовленные Кленовским в начале двадцатых годов, но так и не увидевшие свет: книга стихов «Предгорье» и перевод «Сельских и Божественных игр» Анри де Ренье.

**Книги издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

ГУП «ОЦ»Московский Дом книги»

119019, Москва, ул. Н.Арбат,7

тел. (495) 789-35-91

ТД «Библио-Глобус»

101990, Москва, ул. Мясницкая, 6\3, стр. 1

тел. (495) 781-19-00

Дом книги «Молодая гвардия»

19180, Москва, ул. Б. Полянка, 28, стр. 1

тел. (495) 238-00-32

ТДК «Москва»

125009, Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1

тел. (495) 629-73-55, (495) 629-64-83

Галерея книги «НИНА»

Москва, ул. Бахрушина,28

тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»

109240, Москва, ул. Н.Радищевская,2

тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

Книжная лавка при Литературном институте

им А.М.Горького

123104, Москва, Тверской б-р,25

тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Гилея»

Москва, Тверской б-р, 9

(помещение Московского музея современного искусства)

Тел. (495) 925-81-66

Книжный магазин «Фаланстер»

109012, Москва, М. Гнезниковский пер.,12\27

тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»

Е-mail: knarttd@mail.ru   тел. 8-916-119-67-20